

Annotation

Американский историк и журналист Кливленд Эмори известен также как основатель Фонда защиты животных. Его остроумная и добрая книга - дань любви и восхищения нашим меньшим братьям, которые, по мнению автора, многому способны научить человека. Эта небольшая повесть уже в течение двух десятилетий пользуется славой мирового бестселлера. Cleveland Amory The Cat Who Came for Christmas Перевела с английского К.А. Сошинская Рисунки Александра Яковлева

- [Кливленд Эмори](#)
 -
 - [1. Спасение](#)
 - [2. Решение](#)
 - [3. Великий компромисс](#)
 - [4. Его первое путешествие](#)
 - [5. Его корни](#)
 - [6. Трудное дело](#)
 - [7. Его Голливуд](#)
 - [8. Оздоровительная программа](#)
 - [9. Его внешняя политика](#)
 - [10. Его внутренняя политика](#)
 - [Заключение](#)
-
-

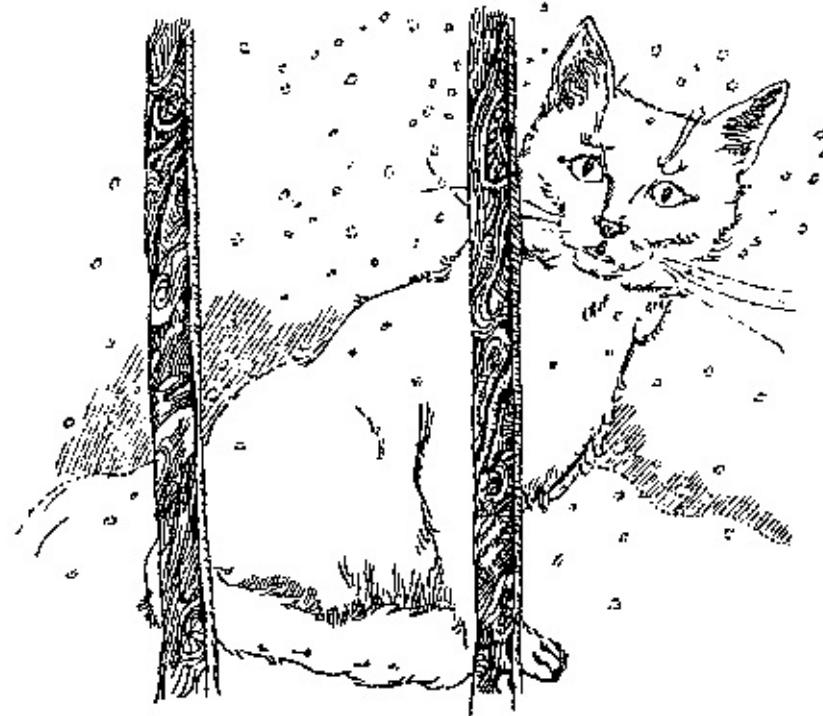
Кливленд Эмори

Кот на Рождество

Из биографии самого лучшего на свете кота (за исключением, конечно, Вашего, дорогой читатель)

Посвящается памяти Мали
Переводчик

1. Спасение

Любой, кто когда-либо принадлежал коту, на всю жизнь запомнит истории, которые с ним связаны.

Я считаю чудом то, что нашел своего кота.

Худой, грязный, израненный кот прятался в одном из нью-йоркских переулков.

А вокруг все сияло!

Был сочельник. Шел снег. Держу пари, хотя никто за пределами Нью-Йорка в это не поверит, что наш город, когда постараешься, может быть красивым. В тот сочельник Нью-Йорк был великолепен.

Главным украшением праздника был снег, да не просто снег, а тихий снегопад, который непременно должен быть, но редко случается на Рождество. Снег укрыл все изъяны города - грязь, выбоины на мостовых, приглушил шумы и запахи. Зато обычно безвкусные и банальные рождественские елки, гирлянды огней и украшения в окнах снег превратил в настоящую зимнюю сказку.

Нельзя сказать, что в ту ночь Нью-Йорк стал подобием Вифлеема, но

все-таки он сильно отличался от того Нью-Йорка, который изображают на рождественских открытках.

Нельзя сказать, и что это Рождество было для меня «счастливым». Я, если честно, грубоват, а в лексиконе уважающего себя грубияна вообще нет этого слова.

По ряду причин именно это Рождество было для меня безрадостным. Когда в семь часов вечера человек все еще сидит за рабочим столом, это о чем-то свидетельствует.

Общество защиты животных, которое я основал несколько лет тому назад, находилось в крайне болезненном состоянии (по правде говоря, это и теперь так), но тогда обострение достигло своей кульминации. Мы усердно работали, мы спасали животных, и, хотя делали это за мизерное вознаграждение, - а иногда и вовсе без вознаграждения, - общество влачило жалкое существование. Мы, конечно, добились некоторых успехов, но главные достижения все еще были впереди.

Меня одолевали, мягко говоря, финансовые проблемы. Даже название общества себя не оправдывало. В момент высокого вдохновения я назвал его Фондом помохи животным, будучи уверенными: такое название означает, что мы готовы принимать деньги от добрых людей. Однако мои ожидания не оправдались. Люди думали, что Фонд образован потому, что у него уже есть деньги. Моя писательская деятельность, которая кормила меня еще до вашего рождения, шумным успехом не увенчалась. Я так много времени тратил на то, чтобы поставить Фонд на ноги, что на четыре года задержал сдачу книги и на многие месяцы - статей для журналов. Истощив весь запас резонных извинений, в этот день я решил, что неплохо бы воспользоваться линией поведения покойной Дороти Паркер, то есть сообщить издателям, что собирался закончить работу, но кто-то стащил у меня карандаш.

Что касается моей личной жизни, она тоже оставляла желать лучшего. Я недавно развелся, жил в небольшой квартирке, и, хотя вовсе не был отшельником (в тот вечер я мог выбирать между двумя вечеринками), все же не таким должно быть Рождество, ведь это семейный праздник. А моя семья в тот момент состояла лишь из любимой дочери, живущей в Питсбурге со своей собственной семьей.

К тому же я оказался в весьма странной ситуации. С тех пор, как я себя помню, у меня всегда жили звери, всю жизнь я занимался проблемами животных, а сейчас у меня не было ни одного существа, которое я мог бы назвать своим. Для человека моего склада дом без животного - вообще не дом. Казалось, ему суждено было таким и оставаться. Жизнь моя

складывалась так, что я по полмесяца проводил в поездках, то есть жил в доме столько же, сколько и вне дома. Выходит, заводить домашнее животное не было никакого смысла. Как, впрочем, и жену.

Налюбовавшись падающим снегом, я отошел от окна и сел просматривать счета. И в этот момент прозвенел звонок у входа. Если бы в комнате был еще кто-нибудь, я попросил бы сказать, что все ушли домой. Но я был один, и пришлось самому открыть дверь.

В засыпанной снегом женщине я узнал Рут Дворк. Я был знаком с мисс Дворк много лет. В прошлом школьная учительница, она принадлежала к тому типу людей, которые есть в каждом городе. Она заботилась о бродячих животных, спасала и кормила всех, начиная от голубей, кончая собаками. Она была солдатом Армии Доброты. Я ее называл Сержант Дворк.

- Счастливого Рождества, Сержант, - сказал я. - Чем могу быть полезен?

Мисс Дворк была очень возбуждена.

- Где Мариан? Она мне нужна.

Мариан Пробст - это моя давнишняя многострадальная ассистентка, опытный спасатель, а я с первого взгляда понял, что мисс Дворк опять кого-то спасает.

- Мариан нет, - ответил я. - Она ушла около шести, сказав что-то о каких-то людях, где-то празднующих сочельник.

Сержант Дворк не сдавалась:

- Так. А Лия?

Лия Альбо - международный координатор нашего Фонда и тоже очень опытный спасатель. Тем не менее она ушла еще раньше Мариан.

Мисс Дворк была явно расстроена тем, что ей придется иметь дело со мной.

- Ну, - сказала она, критически оглядывая меня и понимая, что на безрыбье и рак рыба, - мне нужен человек с длинными руками. Так что надевайте пальто.

Пока мы с Сержантом Дворк пробирались сквозь снег и обжигающий холод, она объясняла, что почти месяц безуспешно пытается спасти бродячего кота. Она испробовала все. Пыталась заманить кота в ловушку, обычно действующую безотказно. Но, хоть кот и был голодным, он не желал войти туда, откуда не видел выхода. В другой раз ей удалось подманить кота к ограде и даже уговорить его взять из ее рук кусочек сыра. Но поймать его она никак не могла. Как только она пыталась схватить его, он отпрыгивал в сторону, и ей приходилось начинать все сначала.

Тем не менее в предыдущую ночь, доложила мне Сержант Дворк, она почти достигла цели. Кот, схватив сыр, не отпрыгнул, а остался на месте, гораздо ближе, чем когда-либо раньше. Но все же он был недоступен.

Мисс Дворк чувствовала, что время для спасения кота на исходе. Кот жил в подвале многоквартирного дома. Управляющий домом, видимо, получил распоряжение выгнать кота из подвала до наступления Рождества. Поэтому, следуя строгому приказу, прислуга объявила коту войну. Мисс Дворк сама видела, как в кота что-то кидали и как его били.

В месте, где мы собирались ловить кота, оказалось два переулка.

- Он в этом или в том, - прошептала мисс Дворк. - Вы идите направо, а я пойду налево.

Она исчезла, а я остался стоять, сгорбившись под падающим снегом, вглядываясь в темноту и, честно говоря, не очень веря в успех. Проход между двумя высокими зданиями, заваленный гниющим мусором и кучами отбросов, был перегорожен железными решетками. Пока я напряженно вглядывался, стараясь увидеть, где в этих мрачных дебрях мог бы скрываться кот, один из холмиков зашевелился, поднялся, задрожал и повернулся, чтобы рассмотреть меня. Я нашел кота.

Первая встреча с ним запомнилась мне навсегда. Он не был похож на реального кота, скорее напоминал рисунок кота на снегу. Его можно было принять и за кота-привидение, если бы он не был так чудовищно грязен. Так грязен, что невозможно было даже предположить, каков же его натуральный цвет.

Когда бродячие коты доходят до такого состояния, это обычно означает, что кот сдался. Однако этот кот не сдался, хотя он был грязным и мокрым, хотя он изголодался и, конечно, сильно замерз.

По тому, как неловко он стоял, было понятно, что его тельце жестоко изранено. Одна из его задних лап или бедро явно были повреждены. Да и рот был странно изогнут и порезан.

Но, как я уже сказал, он - не сдался. Напряженно уставившись на меня, он приступил к важному делу - поднял переднюю лапу и принял ее облизывать. Потом поднял другую. Затем, когда они были вымыты, кот, несмотря на боль, облизал по очереди и задние лапы. В финале, когда с мытьем было покончено, он сделал то, что мне показалось совершенно невероятным, - встал на все четыре лапы, прижал уши и высоко подпрыгнул. Странный образ возник в моей памяти, что-то такое, о чем я уже стал забывать. Мой тренер по теннису в колледже говорил: «В третьем сете необходимо экстраусилие для нормального результата». Мы относились к этому указанию с отвращением и ненавидели тренера за то,

что он заставлял нас в третьем сете энергично прыгать в ожидании подачи. Мы, конечно, прыгали, но были убеждены, что кроме нас никто не занимается подобными глупостями. Тренер же был уверен: это необычное поведение на корте должно убедить наших противников в том, что мы полны взрывной энергии, и неважно, так ли это на самом деле. Теперь, когда я вижу сильного теннисиста, как мячик подскакивающего в третьем сете, я чувствую себя первооткрывателем.

И вот, увидев, как прыгнул кот, я подумал, что все не так плохо, как мне показалось вначале.

Тут ко мне осторожно подошла Сержант Дворк.

- Посмотрите на его изуродованный рот, - прошептала она. - Я же говорила: они объявили ему войну.

Мы тоже начали войну, но не против, а за кота. В то время как Сержант Дворк тихо излагала мне план захвата, я испытал неприятное чувство: она, несомненно, рассматривает меня в качестве новобранца и доверит мне лишь самые простые обязанности, которые мог бы исполнить кто угодно.

Все еще шепотом она сказала, что намерена приблизиться к ограде с кусочком сыра в протянутой руке, а я в это время должен присесть и незаметно, на корточках, двигаться позади нее. Как только кот подойдет достаточно близко, она шагнет в сторону, а я, просунув руки сквозь ограду, упаду на колени и схватчу кота. Сержант была убеждена, что кот очень голоден и, забыв про осторожность, обязательно возьмет приманку.

Тут мы его и поймаем.

Медленно, не выпуская кота из виду, мы двинулись. Спрятавшись за мисс Дворк, я впервые увидел глаза кота - огромные, прекрасные, лучисто-зеленые.

Сержант осторожно приближалась к коту, ласково разговаривая с ним и протягивая кусочек сыра.

Однако наша первая попытка провалилась. Одним стремительным и грациозным движением кот схватил сыр, с жадностью проглотил его и отпрыгнул назад. Результат второй попытки был таким же.

Снова прыгнул, снова схватил, сожрал, отскочил. Он был просто мастер в игре «Хватай-беги».

Мне стало очевидно, что план Сержанта никуда не годится. Но мы во что бы то ни стало должны были поймать кота. И я решил перелезть через ограду и подойти к нему.

Сержант, конечно, стала возражать, даже рассердилась на меня. И она была права: таким образом я никогда не поймал бы кота.

Сержант подала мне знак, что собирается изменить тактику. В этот раз

она решила предложить коту не один, а два кубика сыра, по одному в каждой протянутой руке. Она надумала просунуть правую руку как можно дальше, а левую держать перед оградой в надежде, что кот попытается схватить оба куска, прежде чем отскочит назад. Мы еще раз нагнулись над оградой, и я завел руки над ее головой. Как мы и надеялись, кот не только взял первый кусок, но и двинулся за вторым. И в тот момент, когда он схватил сыр, Сержант Дворк скользнула в сторону, а я упал в снег.

Когда мои колени коснулись земли, лицом я ударился о решетку. Но я даже не почувствовал этого. Потому что у меня в руках был кот. Он был мой.

Удивленный и возмущенный, кот сначала зашипел, потом взвыл и наконец, выкручиваясь, когтями исцарапал мне руки. И снова я ничего не чувствовал, так как старался удержать и хоть как-то успокоить это тощее, извивающееся в моих руках создание. Его худоба была мне на руку (он был кожа да кости), и я легко смог протащить его сквозь прутья ограды.

Все еще стоя на коленях, я попытался запихнуть кота за пазуху. Но при этом маневре оказался недостаточно осторожен, и разъяренный кот поцарапал мне лицо и шею.

Как только я поднялся на ноги, Сержант Дворк от радости захлопала в ладоши, но тут же сообразила, что надо бы позаботиться и обо мне.

- О! - сказала она. - О, дорогой! Ваше лицо... О господи!

Она попыталась промокнуть кровь своим носовым платком, а пока она этим занималась, я слушал, как колотится от страха кошачье сердечко. Кот безуспешно пытался выбраться из-под моего пальто. Но я крепко держал его обеими руками.

Мисс Дворк промокнула мои раны и снова превратилась в Сержанта.

- Так, я его забираю, - сказала она.

- Нет, нет, все в порядке, - заверил я ее, - я возьму его к себе.

Сержант не желала меня слушать.

- О, нет! - воскликнула она. - Почему же вы? Мой дом совсем рядом.

- Так же, как и мой, - ответил я, запихивая кота поглубже. - Не беспокойтесь, это ведь только на одну ночь. Завтра мы решим, что с ним делать.

Сержант Дворк озадаченно смотрела на меня.

- Ну, тогда, - сказала она, - завтра утром я первым делом позвоню вам.

Счастливого Рождества, - сказал она и помахала мне вслед.

Я пожелал ей того же, но помахать в ответ не смог.

Джо, привратник нашего дома, увидев меня, расстроился.

- Мистер Эмори! - воскликнул он - Что с вашим лицом? У вас все в

порядке?

Я сказал ему, что у меня все в порядке. Но когда Джо провожал меня к лифту, его насторожило то, что он не видит моих рук, которые держали нечто под пальто. Как все хорошие нью-йоркские привратники, Джо был сама осторожность, но его неуемное любопытство достигало высоты Эвереста. Он любил животных и сразу сообразил, что у меня за пазухой что-то живое. Кивнув головой в направлении моего живота, он предложил:

- Давайте я это подержу.
- Нет, - твердо ответил я ему, - это трогать нельзя.
- А что это? - спросил он.
- Не говорите никому, - ответил я. - Это саблезубый тигр с необрезанными когтями.
- Ой! - сказал Джо.

И, прежде чем лифт двинулся, сообщил мне, что Мариан уже наверху.

Я предполагал, что так и должно быть. Мой брат с женой собирались зайти ко мне выпить по рюмочке, перед тем как всем вместе отправиться в гости. Мариан, зная, что я, возможно, задержусь, пришла пораньше, чтобы их принять.

Я постучал в дверь квартиры. Мариан открыла ее и тут же пожелала узнать, что случилось с моим лицом и все ли со мной в порядке. Я попытался пошутить так же, как пошутил с Джо. Но Мариан так легко не проведешь.

- То, что меня интересует, - сказала она, - прячется у вас за пазухой.

Я наклонился, чтобы освободить мой трофей, крепко обняв его напоследок. Мне хотелось дать ему понять, что теперь все будет хорошо.

Как только лапы кота коснулись пола, мы увидели грязное рыжевато-коричневое пятно, которое, безостановочно крутясь, стало как безумное летать по квартире в поисках выхода.

У меня в гостиной стояла скромная елка. Допустим, это было не очень большое дерево - кот, в свою очередь, тоже был не очень большим. Допустим также, что под этим деревом лежал целый ворох затейливо упакованных подарков и по веткам доверху были развешаны фигурки животных. Допустим даже, что его украшали елочные гирлянды, которые вспыхивали и гасли через определенные интервалы времени. Для любого кота, однако, дерево есть дерево. И это дерево, сводящее с ума, не было исключением.

Одним прыжком кот перескоцил через коробки, промелькнул в ветвях мимо лампочек и проводов и ухитрился где-то около вершины исчезнуть.

- Какой славный котик, - услышал я свой идиотский голос. - Не надо

бояться. Здесь с тобой ничего плохого не случится.

Я двинулся к дереву, где думал схватить кота. Но это оказалось невозможным. Он прыгнул и, прошмыгнув мимо рук, попытался проползти в камин. К счастью, каминная труба была закрыта, и попытка стать Санта-Клаусом наоборот не увенчалась успехом.

Я дождался, пока кот вылез из камина. Он стал еще грязнее.

- Хороший мальчик, - пропел я, пытаясь быть как можно более убедительным.

Но все без толку. Он кинулся в спальню, да так стремительно, что мы с Мариан испугались, как бы он не выскоцил в окно. Однако слегка растерянный кот снова материализовался в холле. Возможно, самонадеянно подумал я, теперь удастся его уговорить. Я медленно отступил в гостиную, чтобы взять кусочек сыру с закусочного подноса. Сыр должен доказать ему, что он среди друзей и с ним не приключится никакой беды. Вернувшись в холл, я увидел растерянную Мариан.

- Он исчез, - сказала она.

- Исчез, - сказал я. - Исчез куда? Мариан покачала головой, и я вдруг осознал, что наступила тишина, нет ни грохота, ни бешеных прыжков. То есть нет кота.

Некоторое время мы ждали его возвращения. Однако он так и не появился, и у нас не осталось выбора. Пришлось начать систематические поиски. Моя квартира сравнительно невелика, и в ней не так уж много мест, где можно спрятаться. Так думали мы с Мариан. Но мы ошибались.

В гостиной была книжная полка во всю стену, стоило поискать там - худенький кот вполне мог притаяться за книгами. Вынимая книгу за книгой, мы начали искать его. Но кота там не было. Его не было нигде. Мы перевернули вверх дном три кладовки. Мы двигали кровати. Мы отодвигали диван от стены. Мы смотрели под столами. Мы обследовали кухню. В крохотной кухне, где одновременно могли поместиться только два человека, мы открыли каждый шкаф, отодвинули плиту, заглянули в микроволновую печь и даже в узенькую щель под мойкой.

В этот момент прозвенел звонок. Мы с Мариан посмотрели друг на друга - это должны были быть мой брат и его жена Мэри. Мой брат был одним из трех солдат, которые ушли на Вторую мировую войну рядовыми, а вернулись полковниками. Он служил механиком на самолетах-амфибиях и совершил четырнадцать вылазок против японцев. Человек, несомненно полезный в случае кризиса, он сразу же оценил беспорядок в квартире. В таких ситуациях мой брат не разговаривает, а рявкает.

- Воры, - рявкнул он. - Или обыск.

Я коротко объяснил ему, что произошло и как кот пропал безвозвратно. Неудивительно, что мой брат немедленно принял на себя командование. Ему потребовалось узнать, где мы не искали.

- Только там, куда коту попасть невозможно, - объяснил я, пытаясь удержать свои позиции.

- Мне не нужны никакие теории, - снова рявкнул брат. - Где вы не смотрели?

Неуверенно я назвал самые верхние полки шкафа, внутренность плиты и посудомоечной машины.

- Ладно, - перебил брат и двинулся сначала к шкафам, потом к плите и напоследок к посудомоечной машине.

И на дне ее, обвившись вокруг винта, забравшись в самое немыслимое во всей квартире место, сидел кот.

- Ха! - сказал мой брат, пытаясь согнуться и достать кота.

Я схватил кота первым. Я не собирался уступать брату все лавры. В конце концов, я больше пострадал.

В сущности, главным было то, что коту не удалось убежать.

- Ты пользуешься этой машиной? - спросил брат.

Я покачал головой.

- Демонтируй ее, - опять рявкнул он.

Я послушно стал искать отвертку, плоскогубцы и молоток. Но мои действия явно не удовлетворяли брата. Он отодвинул меня в сторону и сам подошел к машине. Я не протестовал. В конце концов, инженер по амфибиям лучше понимает в посудомоечных машинах.

Когда брат закончил работу, мы все стали рассматривать кота. И в первый раз с момента нашей встречи он тоже взглянул на меня. Кот был так измучен, что даже и не пытался сопротивляться.

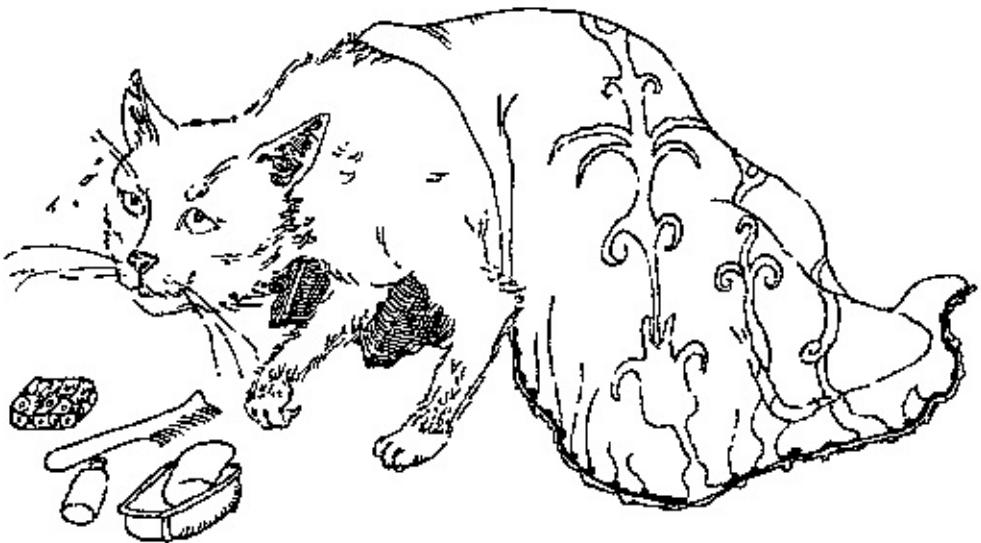
- Я хотела бы кое-что вам предложить, - сказала Мариан. - Надо дать ему немного еды, воды, под-носик и оставить его. Единственное, в чем он сейчас нуждается, - это тишина и покой.

Предложение было принято. Мы поставили миски с едой, молоком и водой, погасили весь свет, включая лампочки на елке, и ушли.

В ту ночь, возвратившись домой, я вошел в квартиру на цыпочках. Миски стояли на том же месте, но они были пустыми, а вот кота не было. Но я не стал его искать. Я просто снова наполнил миски и лег спать.

С помощью Сержанта, полковника и Мариан я обрел на несколько дней Рождественского кота.

2. Решение

На следующее утро я поднялся рано, раньше, чем просыпался на Рождество в детстве. Тогда моему брату, сестре и мне разрешалось, как только проснемся, сразу бежать посмотреть, какие подарки Санта-Клаус положил для нас в чулки. Как я завидовал сестре! Она не только все еще верила в Санта-Клауса - мы с братом вообще могли лишиться подарков, если бы попытались ее переубедить, - но к тому же получала чулок взрослой девушки, который был раза в два длиннее наших и, следовательно, вмещал в два раза больше подарков.

Однажды я даже проснулся в четыре часа утра, но в мое первое Рождество с котом я был близок к тому, чтобы побить этот рекорд. Итак, я решил немедленно встать и разыскать кота. Но как только сел, еще не проснувшись толком, на кровати, я тут же увидел, что в поисках нет нужды. В нескольких футах от меня, почти в той же самой позе, как там, на снегу, и глядя точно так же, как и тогда, стоял кот.

Очевидно, он уже давно ждал от меня проявления признаков жизни. И теперь, дождавшись, он заговорил.

- Айяу, - сказал он.

- Сам ты «ау», - ответил я. - Счастливого Рождества! - И затем поправил его, объясняя, что, наверное, он хотел сказать «мяу».

- Айяу, - повторил он.

Видимо, он был не в ладу с согласными, хотя великолепно произносил гласные.

Когда я поднялся с кровати и подошел ближе, чтобы снова наполнить его миски, он не сделал попытки отодвинуться. Он остался на месте и после того, как поел и попил. Просто некоторое время он стоял и обдумывал ситуацию. Потом медленно и важно начал обход квартиры. В углу, между двумя окнами спальни, он остановился и обернулся.

- Айяу, - потребовал он.

Очевидно, он хотел забраться на подоконник и глянуть наружу. Похоже, ему нужна была помощь, хотя прошлой ночью он прыгал сам и носился со скоростью тридцати миль в час.

Я подошел и поднял его. Кот только оглянулся на меня, когда я до него дотронулся. Через минуту он продолжал свой торжественный обход, теперь уже по подоконнику.

Некоторое время кот смотрел вниз на улицу, на покрытый снегом Центральный парк.

Потом перепрыгнул на другое окно, которое выходит на маленький балкон. Его он обследовал с особым интересом. Теперь уже лежа и спокойно помахивая хвостом. В конце концов он спрыгнул с подоконника и пошел обратно в гостиную.

Я двинулся за ним, и, в первый раз с тех пор, как я его увидел, он лег и вытянулся во всю длину. Потом повернулся, положил голову на лапы и стал смотреть на меня, чуть пошевеливая хвостом. Коты ведь разговаривают хвостами.

- Мне подходит, - сказал он, как сказал бы будущий арендатор, осмотревший дом и решивший его снять.

Удовлетворенный, я вернулся в постель.

Около восьми зазвонил телефон. Я сразу и не сообразил, кто же может звонить так рано в рождественское утро. Звонила, как можно было догадаться, Сержант Дворк.

- Счастливого Рождества! - сказала она. - Как наш кот?

- Прекрасно, - ответил я. - Просто прекрасно.

Я постарался скрыть, что даже в самом начале нашей жизни с котом мне не понравилось это «наш». Сержант Дворк продолжала:

- У меня хорошие новости. Нашлась женщина, которая хочет взять кота.

- Великолепно, - ответил я без особого энтузиазма.

Сержант Дворк, должно быть, что-то почувствовала и быстро сказала:

- Я знаю, коту у нее будет хорошо.

- Вероятно, вы правы.

- Но важно то, - продолжала мисс Дворк, - что она хочет получить его немедленно. Он ей нужен в качестве рождественского подарка дочери. Знаете, они своего потеряли.

Я, конечно, этого не знал, но опять же без всякого энтузиазма спросил:

- Когда они хотят его посмотреть? Может быть, днем?

- О, нет! - возмутилась мисс Дворк. - Утром. Прямо сейчас. Фактически она уже на пути к вам. Кстати, ее имя миссис Уиллс.

- Ну, - сказал я строго, - не стоило так торопиться.

Я глянул на кота, лежащего в гостиной.

- Он такой грязный, - продолжал я, - и мне кажется, что глупо тормошить его как раз тогда, когда он начал...

Но Сержант Дворк обрезала меня.

- Глупости, - сказала она. - Чем скорее, тем лучше. Чем дольше он будет в вашем доме, тем сильнее вы к нему привяжетесь. - Тут в ее голосе прозвучали тревожные нотки. - И вам обоим будет труднее, когда придется его отдать. Помните, вы же сами говорили, что животное, взятое на время, ничего для вас не значит. И не забывайте, как много вы путешествуете. И вообще...

То, что она сказала, не лишено было смысла. Я был почти согласен с ней.

- О'кей, - ответил я, - я повидаюсь с миссис Уиллс. Позвоню вам и расскажу, понравился ли ей кот.

Когда я положил телефонную трубку, то не смог посмотреть на кота, хотя чувствовал его взгляд. Я отвернулся и стал рассматривать пейзаж за окном.

Миссис Уиллс была женщина приятная, но несколько громоздкая. Встреча с такой крупной женщиной ранним утром меня не обрадовала. Однако я быстро понял, в чем дело: она держала перед собой громадную сумку для кота.

- Извините, что так рано, - сказала она оживленно, - но я хотела...

- Я знаю, - сказал я. - Вам нужен рождественский подарок дочке. - Я обернулся, но кота, конечно, и след простыл. - Смешно, он был здесь минуту назад.

Я нервно осмотрелся вокруг. Мысль о таких же, как в прошлую ночь, поисках, да еще под наблюдением миссис Уиллс, была невыносима.

Миссис Уиллс оглядывалась по сторонам.

- Что тут у вас случилось? - спросила она. - Выглядит так, будто вас бомбили. Это кот?

Я, конечно, забыл о беспорядке в квартире.

- О, кот... - повторил я, пытаясь улыбнуться. - Нет, нет. Это мой брат. Видите ли, брат был здесь вчера вечером, мы искали книжку и никак не могли ее найти. Знаете, мой брат так любит читать...

Подобное объяснение вполне могло показаться странным. Брови миссис Уиллс слегка приподнялись: она разглядывала содержимое шкафов, которое все еще было разбросано по полу прихожей.

- Хмм, - сказала она.

Я спросил, могу ли предложить ей кофе. Она покачала головой. Она, несомненно, хотела только того, за чем пришла. Делать было нечего, надо было притворяться.

- Эй, парень; - нагло позвал я кота, чувствуя себя идиотом, но точно зная, что шансы увидеть его в присутствии незнакомки ничтожны.

Тем не менее я двигался по комнате, продолжая звать его. Миссис Уиллс начала нервно постукивать каблуком. Я смутился на позицию, которую хотел занять с самого начала, и стал изображать, что поправляю коврик. При этом я заглянул под диван. Там вдалеке, около стены, распластался на полу окаменевший кот.

- О! - воскликнул я, опустившись на четвереньки. - Вот он! В своем любимом месте!

Миссис Уиллс неохотно последовала моему примеру.

- Я ничего не вижу, - пожаловалась она.

- Ну хорошо, сейчас я посвечау.

Когда я вернулся и направил на кота фонарик, мы увидели, как у него сверкнули глаза.

- О господи! - воскликнула миссис Уиллс. - У него такой дикий вид.

- Не беспокойтесь, - успокоил я ее. - Он просто слегка удивлен.

- И он такой грязный, - продолжала она.

- Ну, подумайте, ведь он бродячий, - напомнил я ей.

Но инспекция еще не закончилась. Ей захотелось узнать, почему он в такой странной позе.

- У него что-нибудь не в порядке?

- Ничего особенного - успокоил я ее. - Я уверен, все можно исправить. Только подумайте, как он нервничает оттого, что мы его пристально разглядываем.

Однако миссис Уиллс была непреклонна:

- У него что-то со ртом.

- Слегка поранен, - ответил я. - Но это всего лишь легкая царапина.

Миссис Уиллс поднялась и села на стул.

- Да, дорогая моя, - сказала она самой себе. - Я - в сомнении. Вот я посмотрела на него и вовсе не уверена... можно, конечно, попытаться. Дженинфер ведь еще очень маленькая, а с этим котом будет столько хлопот!

Я сказал ей, что хлопот будет не так уж и много. У меня есть предложение. Может быть, стоит его отмыть и успокоить, а она за это время сможет все обдумать. Это займет не больше двух дней. Ей приглянулась сама идея, но не понравился срок. Или это будет рождественский кот, или ей вообще не надо никакого кота. Миссис Уиллс взглянула на часы.

- Мне пора в церковь, - решила она. - Сумку оставлю здесь.

Итак, размышлял я, что есть, то есть. Я попытался сделать то, что должен был сделать в интересах кота. И прекрасно понимал, что мог бы действовать с большим энтузиазмом. Но я просто не испытывал этого энтузиазма.

Так или иначе, теперь ничего не изменишь. Несмотря на рождественское утро кота нужно вымыть. Я пошел в ванную, намочил мочалку в теплой воде, взял мыло, банное полотенце и даже коврик.

Когда я вернулся в гостиную, кот уже лежал посреди комнаты - как раз там, где находился до прихода миссис Уиллс.

Мне показалось, он точно понял назначение этих предметов и прекрасно знал, что я собираюсь делать. Но в то же время он просто не мог поверить, что я на это способен. Его хвост отбивал недоверчивое «рат-тат».

- Мыть кота! - восклицал он и наверняка чувствовал, что, как бы ни был я неопытен и некомпетентен в качестве котовладельца, я должен быть знаком с основными правилами. А что может быть проще, чем общеизвестный факт: мытье - это его работа, а не моя!

Кот встал на лапы и взглянул на меня. Я смотрел вниз на него. Мы смотрели глаза в глаза, я - с высоты своих шести футов и трех дюймов, и он - шести дюймов росту. В таком противостоянии важно, кто первый моргнет. Так случилось, что выиграл я. Конечно, кое-кто подумает, что, может, я чуть-чуть и моргнул, но это совершенно несправедливо.

И вот, когда я уже был готов приступить к операции и его хвост начал постукивать еще более угрожающе, я вдруг решил, независимо от того, что его спина стала медленно выгибаться и он прижал уши, что, вполне возможно, я недостаточно хорошо знаю, как мыть кота. Я понял: лучше последовать советам специалистов.

Быстро отложив в сторону банные принадлежности, я двинулся к

книжному шкафу, где у меня была целая полка специальной литературы. Эти книги, как и другие, стояли в полнейшем беспорядке. Кроме того, я искал не просто книгу о котах. Мне нужна была инструкция по мытью котов. В разных книгах освещалась эта тема, но, как часто случается, многое в этих изданиях не совпадало, точнее, сталкивались две диаметрально противоположные школы. Одни считали, что кота не нужно мыть никогда. Их теория гласила, что коты не только предпочитают делать это сами, но справляются с этим гораздо лучше, чем люди. Кроме того, при мытье в глаза коту может попасть мыло, что совершенно недопустимо. Представители второй школы считали, что кота мыть надо, и если этого не делать, то с ним приключаются всевозможные беды.

Взвесив все факторы и оценив конкретную ситуацию, я решил придерживаться теории номер два. Книга «Вы и ваш кот», написанная Дэвидом Тэйлором, показалась мне наиболее точной и убедительной. Я начал читать:

Лучшая ванна - это кошачий поддон. Прежде тем мыть кота, убедитесь, что закрыты все двери и окна и в доме нет сквозняков. В поддон положите резиновый коврик, чтобы кот не поскользнулся.

Так, очень хорошо. В следующем параграфе предлагалась другая идея:

Если вы опасаетесь, что ваш кот окажет сопротивление, то поместите его в хлопчатобумажный мешок, оставив голову снаружи. Полейте на мешок шампунь и погрузите мешок с котом в воду. После чего можете помассировать кота через мешок.

Поместить кота в мешок! Возможно, мой брат с целым полком солдат достигли бы этой цели, но сомневаюсь, что это удалось бы мне одному. Правда, в это утро кот был спокоен, но я не забыл вчерашнего урагана. Однако доктор Тэйлор продолжал советовать:

Наполните поддон водой на два-четыре дюйма. Температура воды должна быть близка к температуре тела кота. Погрузите кота в воду, положив одну руку под туловище сзади, а другой рукой удерживайте его за шкирку. Позвольте вашему коту держать передние лапы над водой, если он это предпочтает.

Убежден, что кот не только предпочел бы такую позу, но тут же

воспользовался бы удобным случаем и убежал бы на этих лапах от кошмарной перспективы.

Я отложил книгу, взял банные принадлежности и со всей решимостью, какую только смог изобразить, развернул банный коврик. К моему удивлению, кот сразу же ступил на коврик и замер. Я понял его хитрость (если понадобится, то из положения стоя легче убежать), но тут же осознал, что недооценил его. Он просто обозначил свою позицию и решил не упрямиться. Если я так глуп, чтобы делать за него его работу, что ж, пусть так и будет.

Я сдался. Опустившись на колени, взял его на руки и, не обращая внимания на то, какой он грязный, крепко обнял. Я обнимал его так долго, что он издал слабенькое «айяу», но больше никак не возражал. Уверен, что с таким проявлением человеческой симпатии он сталкивался очень давно, если это вообще случалось в его жизни. Потом я начал его купать. Он, к моему удовольствию, без писка, не дергаясь, дал мне его помыть. Сначала я мыл его очень нежно, а после, когда продрался через комья засохшей грязи, весьма энергично. Сделав в хорошем темпе несколько рейдов в ванную для полоскания тряпок, я доскребся до поразительного открытия. Кот оказался не бежевым и не серым, как я себе представлял. Он был белым! Когда он заработал своим чистым хвостом, я с трудом смог сдержать волнение.

- А какого цвета ты ожидал? - вопрошал он. - Пурпурного?

Про себя я услышал ответ:

- Но ты был такой грязный. Белый цвет даже невозможно было вообразить.

После того как я почти отмыл кота, я вытер его насухо полотенцем и стал разглядывать. Он был прекрасен. На этой почти чистой белой физиономии сияли зеленые глаза. В этот момент кот казался таким красавцем, что я не мог отвести от него взгляда. Я знал, что животным не нравится, когда их так разглядывают, и если люди все-таки это делают, то животные обычно смотрят в сторону. Но мой кот глаз не отводил. Он смотрел на меня в упор.

Я наклонился и опять обнял его.

Снова у двери раздался звонок. Это, конечно, была миссис Уиллс. Я провел ее в гостиную для осмотра субъекта, но субъект, разумеется, исчез. Он, как обычно, отправился на заготовленную позицию.

Я вручил миссис Уиллс фонарик. Теперь она уже понимала, что придется опуститься на четвереньки. Проверив работу фонарика, она сунула голову под диван.

- Боже мой! Он белый? - воскликнула миссис Уиллс и повернулась ко

мне, явно что-то заподозрив. - Вы уверены, - требовательно спросила она, - что это тот же самый кот?

Я заверил ее, что это он, и указал на кучу тряпок и полотенец, лежавших в ванной как доказательство.

- Это немыслимо! - сказала она.

- Ничего особенного, - пожал я плечами. - Дело техники. Но, миссис Уиллс, пожалуй, вы правы. Белые коты требуют серьезного ухода.

Но миссис Уиллс меня не слышала. Она изо всех сил пыталась установить контакт с существом под диваном.

- Кис-кис-кис, - звала она снова и снова, но, естественно, безрезультатно.

Тогда миссис Уиллс приблизилась. Кот отодвинулся. Миссис Уиллс придвигнулась еще ближе. Кот снова отодвинулся. Этот своеобразный поединок продолжался еще некоторое время, потом миссис Уиллс поднялась и села на стул. Причем выбрала тот, который стоял около дивана. Я сел рядом.

- В жизни не встречала животное, которое так реагировало бы на меня, как этот кот, - сказала она. - Обычно я всегда находила общий язык с животными.

Я объяснил ей, почему кот так себя ведет, - он думает, что она собирается его забрать.

Миссис Уиллс проигнорировала мою неудачную шутку.

- В жизни не видела такого робкого кота, - сказала она с неудовольствием.

- Наш учитель истории, - заметил я, - говорил нам, что не существует такого понятия, как робость. Он считал, что застенчивость - это самонадеянность. Если вы считаете, что все смотрят на вас и думают только о вас, то вам это только кажется.

Миссис Уиллс глянула на меня так, будто у меня было две головы. Ее больше интересовал кот.

- Он такой прелестный. Дженифер полюбила бы его.

Пришло время нажать на все тормоза.

- Я полагаю, что это не просто застенчивость, может быть, дело в чем-то другом. К тому же белые коты - альбиносы, часто они глуховаты.

- Глухой? - удивилась она. - Вы считаете, что он не слышит, когда я его зову?

Я сказал, что это вполне возможно.

Впервые во взгляде миссис Уиллс появилась растерянность.

- Я действительно мало что знаю о белых котах... Я продолжил:

- Но самое неприятное, что могут возникнуть и другие проблемы. Знаете, у белых котов бывают ужасные кожные болезни.

Теперь миссис Уиллс положительно испытывала дискомфорт.

- Но, - безжалостно наступал я, - уверен, что это не заразно. Сколько лет Дженинфер?

- Десять, - уныло ответила миссис Уиллс.

- Ну, она может надевать перчатки. Конечно, из-за этого коты бывают весьма раздражительны. К счастью, этот не очень большой. Но бывает очень свирепым, может и лапой ударить. - Я показал на свои царапины. - Мне повезло, что он не задел глаза. А Дженинфер носит очки?

Миссис Уиллс не отрываясь, в упор смотрела на меня.

- Ничего страшного, - продолжал я наступление. - Рут Дворк быстро остановила кровотечение. - Я помолчал. - Мне кажется, было бы разумней хотя бы первое время не оставлять с ним Дженинфер одну.

Миссис Уиллс перевела свой взгляд под диван.

- Но в любом случае, - я уже не мог остановиться, - поначалу вам придется часто посещать ветеринара. Вы были правы, у него неестественно выгнута спина. Для вашего спокойствия лучше бы его прооперировать.

Миссис Уиллс долго молчала. Потом на ее лице появилась улыбка.

- Мистер Эмори, - сказала она, - вы хотите оставить его себе?

Наступила моя очередь улыбаться.

- Что вы, миссис Уиллс. С чего вы взяли?

- Одна маленькая птичка сказала. - Она встала и подняла с полу кошачью сумку.

Я стал извиняться за то, что доставил ей неудобства, заставив дважды приходить ко мне.

- Да ничего, - сказала она. - И не звоните Рут Дворк: я хочу получить удовольствие, когда буду рассказывать ей о том, как все обернулось. - Она помолчала. - Желаю вам всего самого хорошего. С вашим котом. - Она усмехнулась. - Судя по тому, что вы рассказали мне о нем, вы очень нуждаетесь в таком пожелании. Счастливого Рождества!

Приближалось время ланча. У меня было назначено свидание. Мне уже не пришлось лезть под диван, для того чтобы попрощаться с котом. Он снова стоял посреди гостиной. Именно в этот критический момент я решил, что настало время для первого серьезного разговора.

Я рассказал ему, что некоторое время назад стал холостяком и, до того как у меня появился бродячий кот, жил в полном одиночестве. Знаю, что и он, я сказал об этом как можно деликатнее, жил один, дикарем, и должен был сам о себе заботиться. В прошлой жизни мы оба самостоятельно

принимали все решения. Но теперь, если мы собираемся жить вместе, придется и мне, и ему идти на компромиссы. Я, например, должен изучить его потребности и понимать, когда он хочет общения, а когда желает побыть один. И он, продолжал я, то же самое должен знать обо мне. Необходимо полное взаимопонимание, но если начнут возникать разногласия и нужно будет принимать некое решение, то делать это будет кто-то один. И это буду я.

При этих словах медленно пошевеливавшийся хвост вдруг стал двигаться очень быстро. Впервые, ожидая его согласия, я получил не ультиматум, а что-то очень странное. Похоже было, что он обдумывал мое заявление и склонялся к согласию. Я, конечно, не знал, что творится в его голове, но мне показалось, будто сказанное мною было для него так сложно, что он решил обсудить это в «комитете». Он дал мне это понять - оглянулся, потом зевнул и начал мыться. Это были безошибочные признаки. Итак, пока его «комитет» будет заседать - ни в коем случае нельзя принимать поспешного решения.

Обдумывая нашу будущую жизнь, я понял, что не дам себя втянуть в болото его бюрократии. И жестко сказал ему, что он раз и навсегда должен усвоить кое-что еще: у меня репутация человека - я резко это подчеркнул - Весьма Решительного в Своих Поступках.

Немедленно я получил ответ, который сопровождался постукиванием хвоста по полу:

- Тем же отличаемся и мы, коты.

3. Великий компромисс

Несколько лет назад выдающийся английский писатель Олдос Хаксли написал короткое эссе, которое начиналось так:

Не так давно я встретил молодого человека, который стремился стать писателем-романистом. Зная, что я профессионал, он попросил меня рассказать, как ему действовать, чтобы достичь своей цели.

- Во-первых, - сказал я, - нужно купить побольше бумаги, бутылку чернил и ручку. А после этого просто начать работать.

Но моему молодому другу этого было явно недостаточно. Казалось, он думал, что есть некая тайная поваренная книга, полная литературных рецептов, и если точно им следовать, то можно стать Диккенсом, Генри Джеймсом или Флобером... Есть ли у меня записная книжка или дневник? Посещаю ли я роскошные модные салоны? Или, напротив, я отсиживаюсь в Сассекских холмах? Или провожу вечера в забегаловках Ист-Энда, высматривая персонажей? И так далее.

Конечно, я старался ответить на эти вопросы как мог. Но, поскольку молодой человек все-таки выглядел разочарованным, я добровольно и безвозмездно дал последний совет:

- Мой молодой друг, - сказал я, - если вы хотите быть писателем-психологом и рассуждать о человеческой природе, лучшее, что вы можете сделать, это завести пару котов.

И с этими словами я покинул его.

Если бы я прочитал это эссе до того, как у меня появился бродячий кот, я подумал бы, что, возможно, мистер Хаксли лукавит. Однако после Рождественской ночи, а особенно после следующей, думал уже по-другому.

Я как раз собирался спать, и тут кот вспрыгнул на кровать, важно прошествовал прямо к изголовью и вытянулся рядом. Я решил дочитать эссе мистера Хаксли с интригующим названием «Поучение о котах». В нем мистер Хаксли, давая весьма специфические инструкции начинающему писателю, шел еще дальше. Он, например, толковал «хвостовые вариации» котов:

Кошачий хвост является главным органом для выражения эмоций.

Котов надо не только изо дня в день наблюдать, но, более того, изучать и усваивать уроки о свойствах человеческой натуры, которые нам дают коты.

Сознательно или бессознательно, я не только следовал советам мистера Хаксли, но и радовался тому, что в первые же дни проводил довольно много времени, просто глядя на кота, в особенности когда он спал. Это было лучшее время для размышлений о его жизни.

Коты удивительно много спят - почти три четверти суток. Следовало бы прибавить сюда и то время, когда они просто дремлют. Но в первые дни мой кот спал еще больше - видимо, чтобы компенсировать долгие часы своей опасной бродячей жизни. Мне также хотелось думать, что теперь он спит больше, потому что счастлив. Я уже поверил в теорию о том, что сон - это один из способов, которым коты показывают, что им хорошо.

Кот, несомненно, видел какие-то сны - он чуть-чуть подрагивал, иногда сильно дергал передними и задними лапами, а временами подергивания были такими сильными, что он просыпался от этого. При этих внезапных пробуждениях он сразу настораживался. Сначала быстро, а затем уже медленнее и спокойнее оглядывал все вокруг, чтобы увериться в надежности тылов. Окончательно успокоившись, он испускал легкий вздох - он никогда не вздыхал тяжело - и снова засыпал.

Я много читал о снах животных, но все меня не удовлетворяло. Всегда я считаю, что они, так же, как и мы, видят сны - плохие и хорошие. Не

думаю, что потому, будто у них память короче, животные не все запоминают. Во-первых, у них не такая уж и короткая память. И во-вторых, они помнят свои сны, может быть, даже лучше, чем мы. Я, например, ужасно плохой запоминальщик снов: если не сконцентрируюсь на том, что видел в момент пробуждения, то после завтрака сон уже будет забыт. Но по тому, как мой кот занимает свою «думательную» позицию, - передние лапы под себя, голова направлена прямо вперед, глаза полуприкрыты, - сразу видно, что он наверняка помнит свои сны и после завтрака. Единственная причина, почему он не думает о снах перед завтраком, состоит в том, что в этот момент он думает только о завтраке. Его мыслительный процесс очень хорошо организован.

Легко могу вообразить, что снилось ему в эти первые дни. По зубам и некоторым другим признакам я определил, что ему было около двух лет. Его порезы и шрамы, его худоба свидетельствовали о том, что он жил на улице если не всю жизнь, то по крайней мере большую ее часть. Но как долго он был одинок к тому моменту, когда я его нашел? Был ли он чьим-то домашним животным, которого потеряли? Или его просто выбросили? На эти вопросы не было ответов.

Но кое в чем я мог быть вполне уверен. Во-первых, он никогда не бывал в приемнике. Для зверей есть только два пути из приемника - либо попасть в хорошие руки, либо погибнуть. И котов так редко забирают, что многие приюты, даже в некоторых больших городах, вообще их не принимают. Недаром всегда есть «собачий приемник» и никогда не бывает «кошачьего приемника». Даже в лучших приютах уровень «усыновления» котов безумно низок.

На улице, правда, бездомные коты имеют некоторые преимущества перед собаками. Они более шустрые и быстрее удирают от противника. Они находчивее в поисках укрытий и, будучи меньше собак, не так заметны. Кроме того, они лучше разыскивают еду и очень чутки к тому, что опасно и что неопасно для здоровья.

На этом кончаются преимущества и начинаются проблемы. Коты - благородные, чистые животные, они очень чувствительны и даже привередливы к окружению. Жизнь в грязи, в шуме и хаосе не для них. Бездомным, им намного труднее защищаться. Бродячие коты, как и бродячие собаки, часто объединяются в целях безопасности, но так как у них сильно развито чувство собственной территории, то они больше собак склонны к дракам. Есть еще одно отличие от собак - хотя коты и могут вместе прятаться, они никогда не передвигаются группой и не объединяются для сражения с общим врагом. А ведь это не только общие с

собаками враги, но и сами собаки.

Людям нравятся и коты, и собаки, но все же гораздо больше тех, кто не любит котов, чем тех, кто не любит собак. Для собак не придумали ни одного «прогоняющего» слова, как это ужасное «брысь!». У людей, вообще не любящих животных, предубеждение против котов значительно сильнее, чем против собак, и прячется оно гораздо глубже. Бывает, дети привязывают и к собачьим хвостам консервные банки, но они хотя бы боятся, что собака укусит. Загнанный же в угол кот не опасен и считается забавной игрушкой. Без сомнения, худшее из мучений и, возможно, самое глупое, состоит в том, что котов бросают с высоты, чтобы посмотреть, действительно ли они приземляются на все четыре лапы.

Моего кота били, у него на теле были порезы, и я пытался представить, что еще происходило в его жизни. Мне вспомнился фильм, который я видел много лет назад. Это был фильм об одном дне жизни бродячего кота. Я навсегда запомнил один эпизод - кадры на уровне глаз кота. Он пытался ночью пересечь калифорнийское шоссе. Он искал возможность перейти через все эти потоки машин, среди скрежещущих звуков, слепящих огней, ужасных грузовиков.

Представьте себе, что однажды вы реально оказались бы на уровне глаз маленького животного и, посмотрев на мир с этой точки зрения, увидели бы, какое все огромное и пугающее. Я подумал, каким громадным, наверное, я показался моему коту в ту первую ночь, когда стал запихивать его к себе за пазуху.

В первые дни нашей совместной жизни коту было очень хорошо. Он снова и снова показывал это мне не только довольными постукиваниями хвоста, но и более определенно - терся о мои ноги, будто хотел дать мне понять, что чрезвычайно благодарен за то, что я его спас. В то же время разными другими способами кот показывал мне, что благодарность, которую он испытывает ко мне, ни в коем случае не означает, будто можно постоянно учить его жизни. Чтобы я понимал, как ему трудно, он начинал выть или вовсе исчезал, так что я снова не мог его найти. Каждый, кто долго наблюдал за котами, хорошо знает, что они очень терпимы к ограниченности человеческого разума. Коты, хоть, может, им это совсем и не нравится, осознают, что должны смириться с тем, как мы тугу соображаем, ведь у людей ошеломляюще низкий коэффициент интеллекта (IQ), и, вероятно, в связи с этим дефектом мы не способны понять их простейшие и ясные указания. Их это просто приводит в ярость.

К тому же им приходится учитывать наше физическое несовершенство, что тоже огорчительно. Очевиден тот факт, что люди, при

всех своих нелепых размерах, невероятно медлительны и неуклюжи. Мы абсолютно не способны совершить хороший прыжок, или наскок, или любое другое простое действие, которое делало бы нас подходящими партнерами для игры. Нетрудно проследить, как коты приходят к таким умозаключениям. Каждый уважающий себя кот может, например, с легкостью из положения стоя прыгнуть на каминную полку - на высоту, в семь раз превышающую его рост. Однако человеческий рекорд по прыжкам в высоту, да еще с разбегом, только дважды превышает его рост.

Таким образом, нетрудно предположить, что коты сравнивают наши неуклюжие движения с медлительностью нашего мышления. Другими словами, если мы так несовершенны физически, то это не может не повлиять на наш разум. Кажется, коты со всей ясностью осознают, что им предстоит долгая и трудная работа, и она может быть успешной только при чрезвычайном упорстве и самоотверженности с их стороны. Они знают, что необходимо использовать любую возможность для нашего воспитания и исправления. Иначе, будучи ленивыми по натуре, мы немедленно вернемся к дурным привычкам. Их труд по воспитанию хозяина подобен труду жены. Учитывая то, что я с недавних пор холостяк, мне было над чем поразмыслить. Не останавливаясь особенно на этой теме, все-таки скажу, что, всегда имея в доме собаку, я долго был уверен, будто мужчины в основном предпочитают собак, а женщины - кошек. До того как у меня появился кот, я отстаивал эту позицию с неопровергимой логикой, мужской, ясное дело. Я начал с того, что рассмотрел такой важный вопрос, как тазик для экскрементов. Для женщин это несомненное доказательство преимущества кошачьих перед собачьими, ведь тазик освобождает от необходимости прогулок в плохую погоду, когда можно испортить прическу. Для мужчин же это просто то, что они и так знали о котах. Я воспринял как подарок то, что мой кот воспользовался тазиком в первую же ночь, как появился у меня. И даже не подумал, что такой временный вариант, который мы с Мариан изобрели, наполнив тазик обрывками газеты, он, возможно, видел впервые в жизни.

Кроме того, для женщин еще одним преимуществом кота является нечто абсолютно не присущее собаке - кот не только в состоянии себя вымыть, но он любит это делать и делает это постоянно. Для женщин, - а многие из тех, кого я знаю, предпочитают ванну любым другим занятиям, - это свойство необычайно привлекательно.

Смысл подобных рассуждений лежит на поверхности. Но суть моей теории состоит в том, что основной причиной, почему женщины предпочитают кошек собакам, является их самоидентификация с этими

созданиями и гораздо более сильная, чем это осознают мужчины, склонность кошек к независимости.

А все потому, что до недавнего времени женщины сами были зависимы. Мужчины при этом не только осознают независимость котов, но и просто ненавидят это качество. Мужчины, безусловно, предпочитают образ преданной собаки, вьющейся около их ног, верного товарища, который беспрекословно исполняет все прихоти хозяина и немедленно примчится, как только его позвонят, независимо от того, чем в этот момент занимается, даже если гоняется за котом.

Тот факт, что кот не выносит ни малейшего произвола, не снизойдет до повиновения и только в редких случаях может подойти, когда его позвонят, при том что он ничем не занят, не только тревожит мужчину, но и подводит к двум выводам: или кот не любит хозяина, или он является членом преступной группировки, действия которой приведут к анархии не только на улицах, но и в его собственном доме, у домашнего очага.

Долго я разрабатывал эту теорию. Но все рухнуло. Спустя сутки после того, как я стал обладателем кота, я был уже не очень в ней уверен. А мне не нравится сомневаться в том, в чем я был абсолютно уверен несколько часов тому назад. Так или иначе, но я решил предстать перед моим котом с чистой совестью, то есть объяснить ему все, что происходило со мной до встречи с ним.

Странно, но, как только я принял это решение, мой кот, находясь в постоянной готовности к сопротивлению, выработал свою собственную тактику. Мы вступили в противоборство.

Все произошло на следующий день после Рождества. Это случилось из-за подарка, который Мариан принесла ему в Рождественскую ночь, - матерчатого мячика из той кучи сувениров, что предназначалась для котов в нашем офисе. Наверняка коту приходилось в своей жизни играть разными предметами, но по тому, как он шел к мячику, я мог бы с уверенностью сказать, что у него никогда не было настоящей игрушки.

Весь вечер он кусал, бил, гонял и трепал мячик и, конечно, испортил его. В конце концов мне стало ясно, что мячик надо спрятать, хотя я чувствовал, что кот прекрасно знает то место под диваном, где мячик лежит и откуда он мог бы его вытащить гораздо быстрее, чем я.

Как-то я читал статью одного специалиста, который, очевидно, обучал многих котов. Среди других советов он рекомендовал владельцу кота не употреблять таких собачьих команд, как «Сидеть!», «Лежать!», «Замри!», а пользоваться специфически кошачьими - «Присесть!», «Плюхнуться!», «Спать!». В добавок к этому предлагалось «легкое прикосновение».

Вооруженный этой информацией, я намеревался обратить нашу игру в обучение, при этом у меня возникло приятное ощущение, что я нахожусь на передовых позициях современного образования. Я достал мячик из-под дивана и, вместо того чтобы бросить его коту, бросил его немного в сторону.

- Иди возьми его, - сказал я серьезным тоном. - Принеси.

К тому же я не только последовал совету «слегка дотронуться», что в данном случае было равнозначно «слегка подпихнуть», но и подтолкнул его. Мое намерение было кристально ясным: кот пойдет, возьмет мячик и принесет его.

Вот что ответил мне кот:

- У того, кто и котом командует, и сам достает мячик, - с головой определенно не все в порядке. - И, соглашаясь сделать то, что я хочу, он, несомненно, решил превратить все это в урок для меня, а не для себя.

Сначала кот сидел и смотрел на мячик. Потом - прямо на меня.

Потом дважды медленно ударил хвостом. Коты, настойчиво и терпеливо пытаются они вложить мне в голову, не приносят убитую дичь, не делают ничего из тех невероятных вещей, которые делают другие животные, чье название он предпочитает не упоминать.

Кот, по-видимому, решил, что я раскаиваюсь, потому что, внимательно глядя на меня зелеными глазами, слегка смягчил резкость ударов хвостом.

- И, - терпеливо продолжал он, - стоит понять, что это не потому, что котам не нравятся игры. Коты любят играть и вкладывают в свои игры больше, чем те животные, которых не стоит упоминать. Но это должны быть игры, в которые им самим хочется играть, которые они сами начинают.

Спустя какое-то время мы продолжили наш разговор.

- Иди сюда, - сказал я ему. - Подойди! - повторил я, чтобы не было никакой ошибки.

Он смотрел на меня так, будто не верил своим ушам. Несмотря на то что я, несомненно, внимательно отнесся к его рассуждениям о поисках дичи, он вдруг слышит это оскорбительное «Подойди!». Ну, это уж слишком! Словно он общается с персоной, которая, по словам древнего мудреца, играет с неполной колодой карт. Кот набрался терпения и решил заняться моим поведением.

Я повторил:

- Напоминаю, я просил тебя подойти. - И, думая о нашем с ним будущем, задал один-единственный вопрос: - Почему бы тебе не послушаться меня?

Коты не кивают головами. В этом нет нужды. Коты помахивают хвостами. И он сделал это так, что мне стало ясно: обсуждение закончено.

- Коты, - безапелляционно заявил он, - не подходят, когда их зовут.

- Ну-ну, - ответил я. - Никогда? А если их зовут обедать?

Он демонстративно вздохнул.

- Это, - попытался он объяснить, - совершенно другое дело.

Я снова задал неприятный ему вопрос:

- Если наши дискуссии будут идти в таком русле, то нельзя ли мне прокладывать их курс? И еще прошу ответить: почему все-таки ты не можешь подойти?

На этот раз его ответ был однозначен, будто он произнес его вслух.

- Это - дело принципа.

Я ухватился за последнюю соломинку. Я сказал, что знал в своей жизни многих котов и, может, это ему и неприятно, немало разных других животных. И мне всегда нравились те животные, которые сразу подходили, если их просили о таком пустяке.

На это он ничего не ответил. Он, видимо, пришел в ужас от того, что такая персона, как я, большую часть жизни провела в компании созданий более низкого ранга. Меня поставили перед фактом окончания дискуссии, и я расценил это как ультиматум. Он лениво и грациозно поднялся, прошел мимо мячика и устроился в дальнем углу комнаты.

- Коты, - заявил он еще раз, - не подходят. Я решил проявить терпение.

- Хорошо, - сказал я ему, - мне кажется, что мы еще раз пришли к компромиссу. И хотя я потратил столько времени на существо, которое, несмотря на все мои старания, заняло такую позицию, мне было бы приятнее, чтобы рядом оказался друг, который все-таки подошел бы, когда его просят об этом.

Он зевнул и начал умываться - дискуссия была закончена, и дело отправили в «комитет». Очевидно, решение не могло быть принято немедленно. По тому, как неспешно он умывался, стало ясно, что «комитет» собирается заседать всю ночь.

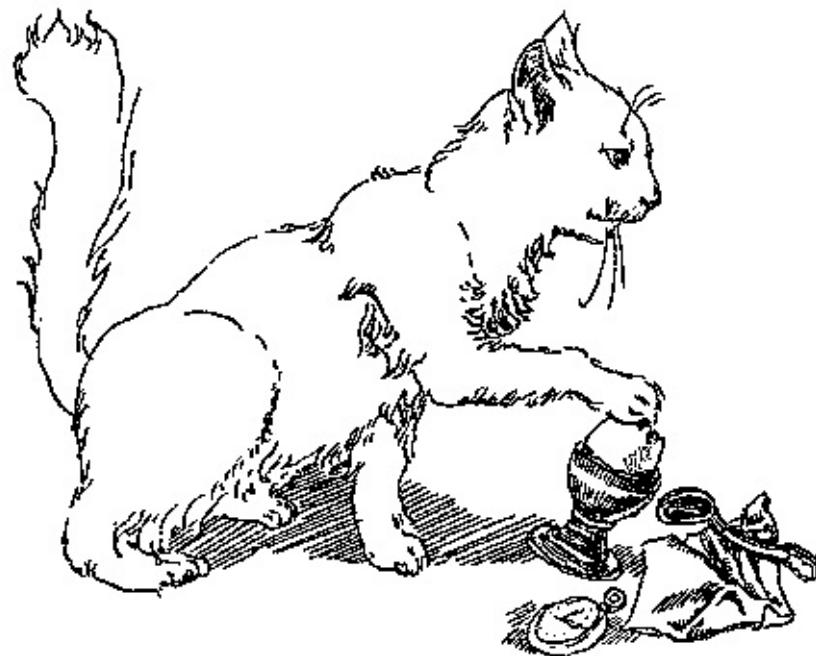
Мы остановились на том, что я никогда не скажу «Подойди», или «Иди сюда», или что-нибудь подобное. И если я хочу, чтобы он подошел ко мне, то не сделаю ничего такого, что оскорбило бы его чувство собственного достоинства. Например, не буду хлопать себя по колену, щелкать пальцами, свистеть или цыкать. Однако мне дозволяется более деликатно демонстрировать, что его присутствие желательно, - я могу предложить ему пообщаться или просто задать вопрос о том, где он находится в данный момент.

Кот согласился не игнорировать такие просьбы. И даже, по прошествии некоторого времени, достаточно долгого, чтобы понять, чьим же было окончательное решение - его или моим, достойно и благородно проследовать по направлению ко мне.

Итак, надлежало усвоить, что он не оскорбил память праотцов, которые долго сражались за свою независимость, не изменил своим принципам, не предал своей корпорации. Он просто хотел добиться спокойствия в доме, упрочения заключенного между нами союза, а также того, чтобы некая персона не забывала и о его желаниях.

Все стало понятно, было решено закрыть дело раз и навсегда и больше никогда не возвращаться к дискуссиям по этому поводу.

4. Его первое путешествие

Однажды я написал рассказ о покойной миссис Е. Т. Стотсбери, хозяйке гостиницы в Палм-Бич, которая поехала как-то встречать мужа, возвращавшегося из длительной поездки по Европе. Его отсутствие миссис Стотсбери использовала для перестройки замка, и у нее была масса важных новостей, которые она торопилась сообщить мужу. И это нужно было сделать незамедлительно. Как раз перед тем, как выехать на шоссе, она и начала разговор.

- Дорогой, - сказала она мужу, - у меня для тебя сюрприз.

Мистер Стотсбери обернулся к жене и внимательно на нее посмотрел.

- Ева, - сказал он, - мужья не любят сюрпризов.

Этот рассказ напомнил мне моего кота. Коты, оказывается, больше похожи на мужей, чем на жен. Им тоже не нравятся сюрпризы.

Коты любят жить по раз и навсегда заведенному порядку. Оказавшись в моем доме, дни и ночи напролет кот вырабатывал многочисленные правила, а я, как мог, послушно следовал им.

Некоторые правила были основаны на компромиссах. Например, моему коту нравилось рано подниматься, то есть он любил вставать в три

часа ночи. У меня-то со сном все было в порядке, а у него были свои отношения со временем.

Сложность заключалась в том, что именно в три часа ночи он желал перекусить. Казалось бы, нет проблем - поставить миску с сухим кормом «Виттлз» перед тем, как отправиться спать. Но не тут-то было: перед сном кот съел бы все, что нашел в миске.

Пришлось подчиниться его режиму и снова пойти на компромисс. Перед сном я ставил у кровати пустую миску, а пакет с сухим кормом - на прикроватный столик. В три часа ночи, а кот был невероятно точен, он просыпался и будил меня. В три часа одну минуту я должен был насыпать в миску «Виттлз» и только после этого попытаться снова заснуть.

Утром вступали в действие другие правила. Это касалось воды.

Думая, что коты ненавидят воду, люди заблуждаются. Есть и такие коты, которые воду любят. У моего британского друга Джона Аспиналла, владеющего частным зоопарком близ Кентерберри, есть бассейн. Так вот, в жаркие дни тигры регулярно погружаются в бассейн и часто, если им нужна компания, могут подойти к двери Джона, поскрестились и выдать тигриную версию «мяу». После чего Джон должен спешно надеть плавки и, выйдя из дома, прыжком вместе с тиграми отправляться в бассейн. Обычно тигры просто залезали в воду, но, после того как увидели Джона, прыгающего с трамплина, они тоже захотели забраться на трамплин и последовать примеру хозяина.

Другой мой друг, Марти Шоль, бывшая нью-йоркская манекенщица, которая вела телевизионное шоу в Лас-Вегасе, обычно брала в бассейн двух своих котов. В один особенно жаркий день, войдя в воду, она заметила, что коты этим очень заинтересовались. Не раздумывая, она взяла в каждую руку по коту и спустилась в воду в том конце бассейна, где неглубоко, потом, мало-помалу, как если бы она учila плавать детей, поддерживая котов руками снизу, она опустила их в воду. Очень скоро они стали плавать в свое удовольствие и даже вдали от нее. После нескольких тренировок они уже совершенно самостоятельно проплывали бассейн туда и обратно. Мой кот, несомненно, был той же породы, что и звери мистера Аспиналла и мисс Шоль. Правда, ему не нравилась падающая вниз вода - дождь или душ. Но его не раздражала тоненькая струйка воды из крана, это ему даже нравилось. Но струйка должна была быть очень тоненькой. Особенно он любил водные процедуры, когда я принимал утреннюю ванну. Душ ему никогда не нравился, независимо от того, был ли я сам под душем.

И вот снова пришлось пойти на компромисс. Хотя я всегда любил душ, я от него отказался и стал принимать ванну. В ванне, решил я, наверняка

лучше отмоешься, чем под душем. Еще мне полюбился один ритуал во время приема ванны, этот ритуал кот непрестанно совершенствовал, а я ему следовал.

Однажды, когда я лежал в ванне, кот вспрыгнул на ее край - это был рискованный прыжок, если принять во внимание его покалеченное бедро, - покачался, восстановил равновесие и начал медленный обход ванны, останавливаясь в тех местах, где мог бы дотянуться до моих плеч. Он наклонялся ко мне, толкал меня головой, слегка кусал и продолжал обход. Когда обход заканчивался, кот внимательно обследовал кран, и, если тот был открыт до отказа, так что трудно было напиться, он оборачивался ко мне, требуя, чтобы я отрегулировал воду. И конечно, я подчинялся.

Меня радовали наши водные забавы, как и многое другое.

Однажды я прочитал в журнале «Кошачий каприз» статью - некая дама писала, что одним из наиболее очаровательных поступков, которые совершают ее кот, был обычай принимать вместе с ней ванну. В этом рассказе было все, что происходило со мной и с моим котом, - толчок головой, покусывание плеча, обследование крана и утоление жажды.

Будучи уверенным в том, что мой кот, и только он, был способен на подобные действия, я почувствовал сильное раздражение, но, поразмыслив, рассудил, что если только два кота в мире ведут себя таким образом, то все не так уж и плохо. Кроме того, редакция журнала сочла этот замечательный факт достойным описания.

Однако меня все еще терзали сомнения, и как-то в разговоре с одной моей подругой-кошатницей я спросил ее, купалась ли она в ванне вместе с котом.

- О, да! - немедленно ответила она. - И знаете, когда мы вместе принимаем ванну, он проделывает любопытные вещи. Он прыгает...

- Знаю, знаю, - резко прервал я.

Так, думал я, не два, а три кота, а может быть, и больше? Вполне вероятно, что в мире существуют сотни котов, которые так играют давным-давно, по крайней мере с тех пор, как появились ванны. Возможно, каждый из них считает, что если человек от всех этих проделок приходит в такое хорошее настроение, то он вознаградит кота обильным и вкусным завтраком.

Кстати о завтраке. Хотелось бы пояснить, что наша совместная трапеза не была привычной в общепринятом смысле этого слова. Возможно, правила приема пищи, разработанные нами, были самыми замечательными из всех наших правил.

Мы с моим котом первые придумали ритуал «мощный завтрак».

Все тоже началось с компромисса.

Мой кот обожал завтракать. И после того, как съедал свой завтрак, покушался и на мой тоже. Тщетно я возражал, говоря ему, что он эгоист. Не было смысла также объяснять ему, что я вырос в доме, где животные никогда не допускались в столовую, даже если на столе и не было еды. Мой кот, не обращая внимания, вспрыгивал на стол и норовил куснуть по кусочку от всего, что находилось на столе, начиная с хлеба и заканчивая яйцами. Я решил положить этому конец.

Поэтому мы еще раз пошли на компромисс. Я смирился с его присутствием на столе в том случае, если в доме нет гостей, а он, со своей стороны, обещал не есть то, что в это же время ем я. В этом соглашении был один неоговоренный пункт: когда ложка или вилка у меня во рту и он не уверен, вернется ли она туда, где лежала прежде, чья очередь есть - его или моя? И тогда мы решили: если ложка находится в движении, то это моя очередь, а если нет - его.

«Мощный завтрак» заканчивался. Великое дело было сделано.

Однажды, глядя на кота, поглощающего «мощный завтрак», я заметил, что его бедро все еще не в порядке. Порез на губе уже зажил, а бедро, хоть кот и двигался все свободнее, было далеко от совершенства. Иначе говоря, наступило время, когда кота следовало отвезти к ветеринару.

Я думал отложить этот визит: мне не хотелось прерывать процесс одомашнивания кота травмой, которую я нанес бы, запихивая его в сумку, чтобы вынести из дома. Я уверен, что он воспринял бы это как отъезд навсегда. Но теперь я понял, что откладывать дальше нельзя. И бедро не единственная причина. Его пора было всего обследовать, сделать прививки, и - самое трудное - его необходимо было кастрировать. Независимо от того, выходят они из дома или нет, имеют ли контакты с другими котами, я, всегда проповедовавший идею кастрации, не мог допустить, чтобы мой собственный кот был «не в полном порядке».

Кроме того, он часто потряхивал головой. Сначала я думал, что мне только кажется, но, поскольку это продолжалось, я понял, что у него неладно с ушами. Для меня это не было неожиданностью. Как я говорил в тот первый день миссис Уиллс, это характерно для белых котов.

Ветеринар, которого я выбрал для моего кота, разделял мои взгляды по поводу насилия над животными. Ее звали Сьюзан Томпсон, и, кроме прочих достоинств, она была единственной женщиной в классе ветеринарной школы. Перед тем как заняться частной практикой, она работала в приюте, где я был членом совета, и я знал, что она была профессионалом высокого класса, а также отличалась редким сочетанием

мягкости и решительности. Благодаря этим качествам она быстро и безболезненно лечила животных, и все кончалось раньше, чем ее подопечные осознавали, что с ними происходит.

Я позвонил Сьюзан и сообщил ей о высокой чести, которая ей оказана. Она предложила принести кота на следующее утро, а потом выслушала мои диагнозы и подробный рассказ о достоинствах моего кота. Она слушала терпеливо, но, как я чувствовал, без особого интереса, до тех пор пока я не упомянул о кастрации.

- Если мы собираемся это делать, - перебила она меня, - то я оставлю его у себя на ночь. И прошу вас не кормить и не поить его после шести часов вечера.

О том, что он останется в лечебнице на ночь, я знал, но второе условие было для меня неожиданностью. Плохо было уже то, что я должен был вынести на улицу, растревожив как раз тогда, когда он начал привыкать к дому и чувствовать себя в безопасности. И ко всему еще предстояло пережить голодный вечер и утром без «мощного завтрака»! Это было уже слишком!

Но ничего не поделаешь, пришлось выполнять все требования доктора. И потому в тот вечер, когда он, нервничая, не понимал, почему его лишили еды, я пытался отвлечь его и старался растолковать, что виноват в этом не я, а другие люди. Я был к нему особенно внимателен, ласкал его, играл с ним, даже дал ему выиграть в бейсбол с пинг-понговым мячиком. Но он снова и снова издавал свое «айяу», протягивал лапы, хватал меня за ноги и тащил на кухню. Когда же я отказывался, он утешался самым жалобным «айяу», которое я когда-либо слышал от него.

И когда пришло время спать, он остался на полу. Поздно ночью он все-таки вспрыгнул ко мне на кровать, но улегся не рядом, как обычно, а внизу, у самых ног. В три часа он, как всегда, разбудил меня, но, когда я даже не пошевельнулся, чтобы насыпать ему «Виттлз» из коробки, на которую был устремлен его взгляд, он достиг пика раздражения. Он понял, что я лишился рассудка. И надо взять дело в свои лапы. Кот стремительно перепрыгнул через меня на прикроватный столик, одним ударом перевернул коробку, и, как раз тогда, когда он почти достиг цели, я протянул руку и схватил коробку.

Он смотрел так, что мне стало ясно: мы - враги. Но я это игнорировал, ссыпал «Виттлз» обратно в коробку и убрал ее в шкафчик.

Кот повернулся ко мне спиной, спрыгнул на пол и оставался там до конца ночи.

На следующее утро я совершил, если можно так выразиться, искусный

и наглый маневр с нашим «мощным завтраком». Я решил, что тоже не буду есть. В конце концов, вовсе необязательно завтракать каждый день.

Вместо завтрака я полез в кладовку и достал сумку, которую Мариан, со своей обычной предусмотрительностью, принесла и тайком спрятала на верхней полке, так чтобы кот не мог ее увидеть.

Как только я вынул сумку, кот пришел в ужас, хотя я был уверен, что он в жизни не сталкивался с такой вещью. Каким-то образом он понял, что я затеваю что-то подозрительное и, что бы это ни было, оно связано с этой дурацкой штукой. Мне сразу же стало ясно, что у него не только нет ни малейшего желания забираться в сумку, но он не захочет даже рядом находиться.

Я соображал, как мне справиться с этой задачей, и вспомнил вычитанный где-то совет: прежде чем вы попытаетесь запихнуть кота в сумку, кот должен быть уверен, что, во-первых, он с ней уже знаком, во-вторых, что он мог бы с ней и подружиться. Надо дать ему поиграть с сумкой или даже внутри нее, для этого надо положить туда одну из его игрушек. И хорошо бы все это сделать значительно раньше, чем вы даже подумаете о том, чтобы его куда-нибудь в ней отнести.

Разумеется, заранее я ничего не сделал, а теперь было слишком поздно. Я вспомнил случай, произошедший с моей подругой, телезвездой Пией Линдстрем. У мисс Линдстрем было два кота, и она отправилась с ними к ветеринару, причем один кот находился в сумке, а второй - под мышкой у мисс Линдстрем. Первый кот, рассказывала она, вообще не реагировал на сумку, а второй - реагировал слишком бурно. Никакими силами его нельзя было заставить забраться в сумку. Даже когда два человека пытались его туда засунуть - один держал кота, другой сумку, - кот все равно вырвался.

Таким образом, Пия отправилась к ветеринару так, как всегда и везде ходила с котами, - один в сумке, Другой под мышкой.

Ветеринар, увидев всю компанию, решил, что либо коты не ладят, либо Пия типичная взбалмошная телезвезда. Он решил ей помочь.

- Я возьму одного вашего кота, - сказал он. - У меня в соседней комнате есть лишняя сумка.

Мисс Линдстрем вскочила.

- О, нет! - воскликнула она. - Пожалуйста, не беспокойтесь. Кот не полезет в сумку.

Но ветеринар не желал слушать возражений.

- Ерунда, - сказал он, взял кота и унес его в другую комнату.

Мисс Линдстрем проводила его взглядом и услышала, как хлопнула

дверь.

То, что донеслось до нее потом, было похоже на начало Третьей мировой войны. Раздался грохот падающих стульев, столов и всевозможных предметов, рушащихся на пол. Из комнаты доносились ругательства и кошачий вой. И в конце концов наступила тишина.

Дверь открылась. Вышел ветеринар с сумкой в руке. Его рубашка была разодрана в клочья, руки окровавлены. С сумкой все было в порядке, но кота внутри не наблюдалось. Как солнечный зайчик, он скользнул мимо ног доктора и вспрыгнул на колени к мисс Линдстрем.

Ветеринар опустил сумку на пол, но на порядочном расстоянии от Пии и ее кота.

- Похоже, - сказал он, тяжело дыша, - ему не очень нравятся сумки.

- Да, - сказала Пия, поглаживая кота, - не нравятся.

Конечно, соображая, как посадить кота в сумку, я решил не прибегать к насилию и, немного понаблюдав за котом, надумал все превратить в игру. Для начала я поставил сумку поближе к нему, опустился на четвереньки и показал ему, какая она огромная и как можно из нее выглядывать. Чтобы продемонстрировать это, я засунул голову внутрь иглянулся наружу из-под слюдяного козырька. Я даже подумывал о том, чтобы что-нибудь там съесть. Но сообразил, что в условиях принудительного поста это было бы слишком жестоко. И тогда я попытался показать ему, как там уютно, особенно с мягким одеялом в качестве подстилки. Но кот не выказывал ни малейшего интереса и хотя явно прислушивался к моим словам, однако не желал сделать самого главного - подойти к сумке хоть на шаг.

Я посмотрел на часы - время было на исходе. Я быстро схватил кота, поднял и прежде, чем он понял, что происходит, опустил его в сумку. Другой рукой закрыл крышку и запер сумку.

Кот смотрел на меня изнутри мрачным, горестным взглядом и явно задавал мне три вопроса. Разве мало того, что я пытался ввести его в заблуждение? Неужели я позволил себе совершить типичный человеческий поступок - применить грубую силу? И не вынашиваю ли я, вдобавок к подобному предательству, еще более грязных планов?

Я отказался отвечать на его вопросы. Надел пальто, взял сумку, шагнул к двери, вышел и вызвал лифт. Спускаясь в лифте и направляясь к гаражу, я хорошо понимал, что чувствует мой кот: сейчас его отправят назад, туда, откуда взяли. Чтобынейтрализовать эти горестные рассуждения, я открыл верх сумки, поставив ее рядом на сиденье автомобиля, и притронулся к нему. Я хотел внушить коту, что мы едем не туда, где он жил прежде, но в то же время не давал ему ни малейшего шанса выбраться и получше

рассмотреть пейзаж за окошком. Я был уверен, что мне ни за что не удалось бы запихнуть его обратно в сумку.

К счастью, я быстро нашел удачное место для парковки у офиса доктора Томпсон.

Лечебницу Сьюзан Томпсон отличает одна странность. Вас назначают на определенный день, но не называют часа приема. Но это еще не все - в офисе нет управляющего. Вернее, управляющий есть, но это - кот.

Кота зовут Черныш. Черныш появился у доктора Томпсон, когда его хозяин, которому надоели частые болезни кота, решил «заставить кота замолчать». Доктору Томпсон, однако, это решение не понравилось, и, договорившись с хозяином, она оставила кота у себя.

Почти сразу же Черныш принял на себя обязанности управляющего офисом и остается им до сих пор. Когда я вошел, он был буквально «за конторкой». Я подошел прямо к нему и объяснил, кто мы такие. Он внимательно выслушал меня и, я мог бы поклясться, сверился с записями. Когда я поставил сумку на пол, Черныш встал и важно спустился к моему коту. Тот сразу же забился в глубь сумки.

Это было хорошее начало. Черныш указал нам место, где сесть в ожидании очереди, и там мы и устроились.

Среди пациентов было два кота, маленькая собачка и огромный дог. Все со своими людьми. Черныш указал нам место подальше от дога, но хозяйка дога, к несчастью, очень мною заинтересовалась. Она засыпала меня комплиментами по поводу моей работы с животными, но чем больше она интересовалась мною, тем меньше обращала внимания на своего дога. И так как я чуть приоткрыл крышку сумки, то кот, издав свое «айяу», уставился на пса.

Я вовремя протянул руку между котом и собакой, для которой кот мог бы составить легкую закуску. К счастью, женщина наконец обратила внимание на своего пса, но она, очевидно, была совершенно очарована мною.

- Уверена, - сказала она, - вы один из тех людей, которые знают, что датские доги - самые нежные из крупных животных.

Конечно, я знал это, но как-то забыл проинформировать об этом своего кота.

С каждой минутой ожидание становилось все более томительным, а я не отличаюсь терпением даже при более благоприятных обстоятельствах. Одна из «кошачьих» женщин тоже заинтересовалась мною, вернее, моим котом.

- И как же нас зовут? - спросила она, указывая на кота пальцем.

Я ответил, что пока еще у него нет имени, это связано с Рождеством, и вообще... Она посмотрела на меня так, будто я не достоин быть владельцем кота.

- Нет, это невозможно! - воскликнула она.

После ожидания, которое мне показалось вечностью, когда все прибывшие до нас были приняты и в зале сидели уже другие, меня наконец пригласили к доктору Томпсон. И Черныш, как будто ему кто-то намекнул, встал и пошел с нами. Я раньше не верил доктору Томпсон, когда она рассказывала, что Черныш обычно входит к ней на прием с новым пациентом, но теперь убедился сам.

Как только я вынул кота из сумки и поставил его на стол, Черныш тут же вспрыгнул на табуретку и стал разглядывать кота так же внимательно, как и мисс Томпсон.

- О, он прекрасен, - сказала доктор.

Уверен, она говорила это всем хозяевам. Но я отметил, что, когда она провела рукой по тельцу кота, он не дрогнул.

Еще раз я выпалил свои диагнозы относительно ушей, вывиха бедра и порезов на губе. Доктор Томпсон, проявляя вежливый интерес к моим заключениям, не прекращала своего осмотра. Некоторое время она молчала, а потом сказала обо всем сразу:

- Рот почти в порядке, бедро постепенно выпрямляется, и моя помощь тут не понадобится. Я хочу прочистить ему уши. Думаю также, что у него небольшая аллергия, но ее мы полечим в следующий раз. Итак, отправляю его в другую комнату, пока не закончу с остальными пациентами.

Меня охватило внезапное волнение. Я хотел знать, куда именно.

- Вот сюда, - сказала она, и я, взяв кота, последовал за ней в соседнюю комнату.

Там было очень много клеток. Она открыла одну из них и впустила туда кота. Я не предполагал, что он окажется в клетке и - в одиночестве.

- Не беспокойтесь, - сказала доктор Томпсон, - с ним в этой комнате останется Черныш.

Но мне нужно было знать, кто же накормит его в три часа ночи! Он ведь захочет есть, а Черныш вряд ли сможет ему помочь.

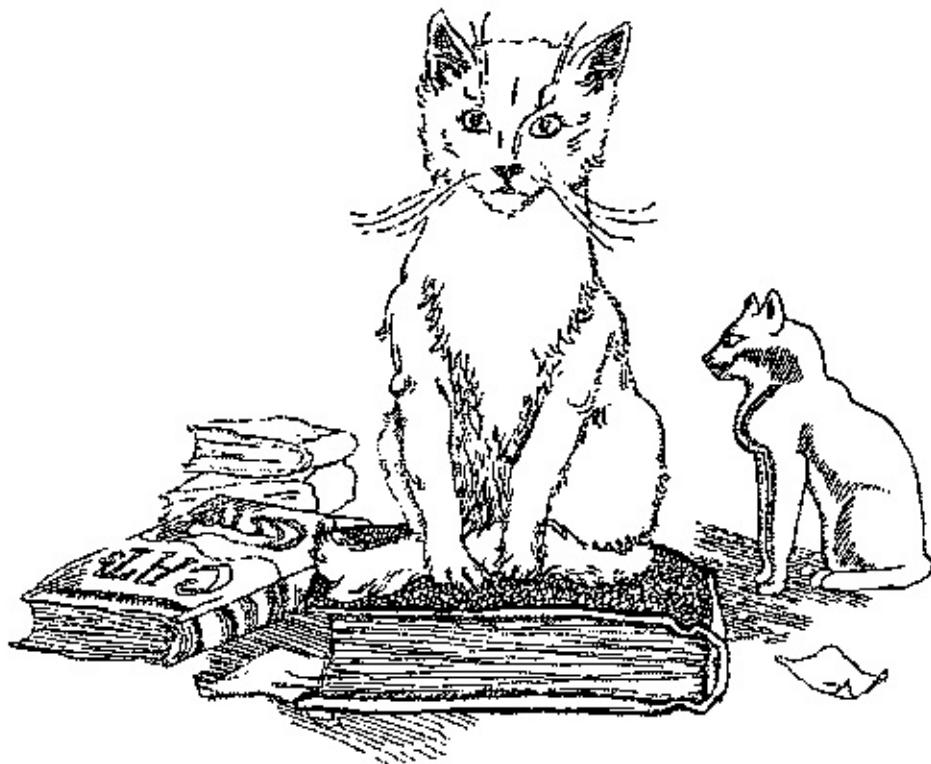
Доктор Томпсон улыбнулась:

- Не волнуйтесь, он не захочет есть, потому что будет крепко спать. - Она снова открыла клетку. - А теперь погладьте его и скажите, что обязательно приедете за ним завтра утром.

Я сделал все, как она велела, надеясь, что кот мне поверил. Но перед уходом я погладил и Черныша. Я был так рад, что он будет рядом с моим

KOTOM.

5. Его корни

Доктор Томпсон позвонила мне и сказала, что кот перенес операцию хорошо. Ночью, пока его не было дома, квартира показалась мне самым пустынным местом в мире. Я удивлялся тому, что это маленькое создание, о существовании которого я вообще не знал несколько дней тому назад, могло так изменить мою жизнь.

Я решил использовать вечер для чтения всего, что найдется в моей библиотеке о котах. Начал я с известных высказываний о них и сразу нашел то, что стало моим любимым. Леонардо да Винчи назвал кота «шедевром природы».

Лучше не скажешь. Тем более, что сказано это величайшим из когда-либо живших художников, создателем непревзойденных рисунков котов.

Но потом я нашел и другие любопытные высказывания.

Например, наш выдающийся юморист Марк Твен сказал: «Если бы человека скрестили с котом, это пошло бы на пользу человеку, но навредило бы коту».

Английскому искусствоведу Ф. Г. Хаммертону я предоставляю честь сделать наиболее запоминающееся сравнение вечных соперников - кота и собаки: «Если бы животные могли говорить, то пес был бы неловким, прямодушным, честным малым. А вот кот обладал бы редкостным качеством - никогда не сказать лишнего слова».

Нелегко было выбрать страну, известную самым ярким афоризмом о котах. В конечном счете я решил, что приза заслуживает Франция, потому что поэт и прозаик Теофиль Готье с нескромной националистической самоуверенностью написал так: «Только француз способен понять грациозность и коварство кота».

Часто цитируемый Монтень чрезвычайно занятно описал играющего кота: «Когда моя кошка и я развлекали друг друга, играя с подвязкой, неизвестно, кому эта забава доставляла больше удовольствия - ей или мне».

В этот вечер я обнаружил интересный факт: в книгах о котах встречается два общих места. Первое - у кота девять жизней. Второе - кот может смотреть на короля. Оба этих положения уходят корнями в глубь истории. Поговорка о девяти жизнях повторяется из века в век. Например, Шекспир, «Ромео и Джульетта». Тибальт спрашивает Меркуцио: «Чего ты хочешь от меня?» И получает в ответ: «Любезный кошачий царь, я хочу взять одну из ваших девяти жизней» [Перевод Т. Щепкиной-Куперник].

Полвека назад шотландский профессор сэр Артур Томпсон, написал книгу, названную «Загадки науки». В вводной главе он уделяет довольно много места рассуждениям о девяти жизнях котов. Основной тезис сэра Артура заключается в том, что каждая из этих жизней соответствует одному из характерных свойств кота. Первая, например, связана с тем, что кот всегда приземляется на лапы, и это является результатом его врожденной способности карабкаться. Вторая жизнь - с его усами, благодаря которым он способен ориентироваться в темноте. Усы действительно так важны для животного, что, если их коротко обрезать, кот становится беспомощным.

Третья жизнь кота, продолжает сэр Артур, объясняется невероятно тонким обонянием, четвертая - чутким слухом: несмотря на маленькие уши кот реагирует на любой звук по меньшей мере в два раза быстрее, чем сторожевая собака.

Пятая жизнь кота объясняется удивительными визуальными способностями животного. Его глаза обладают возможностью видеть в темноте, и, кроме того, по отношению к размерам тела это самые большие глаза среди всех животных. Шестую жизнь Томпсон приписывает не физическому качеству, а инстинкту, уникальной способности котов

безошибочно находить дорогу домой, часто они возвращаются издалека, даже если их увезли насильно. Когда коты жили на воле, этот инстинкт был, несомненно, самым важным для выживания. И для собственной безопасности, и для новорожденных котят, оставленных без присмотра.

Седьмая жизнь приписывалась способности кота вздыбливать шерсть. Увеличивая таким образом массу тела, кот становился крупнее и страшнее для противника.

Сэр Артур добрался до седьмой жизни, но ничего не рассказал о восьмой и девятой, оставив нас только с семью объяснениями.

Выражение «Только кот может смотреть на короля» не нашло исчерпывающего толкования. Но при этом в основе подобного мнения лежит исторический факт. Это было, как гласит предание, в XV веке. Максимилиан I, император Священной Римской империи, беседовал со своим другом, создателем гравюры Иеронимом Решем. Во время разговора король оглянулся и увидел, что кот Реша, растянувшись на столе, уставился не на хозяина, а на него. Максимилиан, большую часть царствования которого в стране не прекращались беспорядки, интриги и войны, потом всегда говорил, что кот смотрел на него «с большим подозрением».

Спустя долгое время противостояние кота и короля легло в основу одной из известнейших басен Амброза Бирса.

Кошка смотрела на короля, как и разрешено в поговорке.

- Ну, - сказал монарх, наблюдая, как она рассматривает королевскую персону. - Как я тебе нравлюсь?

- Я могу представить себе короля, который понравился бы мне гораздо больше.

- Кто же это?

- Король мышей.

Практически во все времена коты не только посматривали на королей, но и жили с ними. Хотя среди королей и императоров, так же как среди обычных людей, всегда были те, кто любил котов, и те, кто их ненавидел. К счастью для кошачьего племени, чаша весов всегда склонялась в сторону любящих.

Коты жили у некоторых американских президентов. Их, например, любил благородный Авраам Линкольн. По дороге в штаб Гранта лютой зимой он нашел трех полузамерзших котят, взял их и отвез в Белый Дом.

Среди правителей других стран есть представители обоих лагерей. Ни кайзер, ни Гитлер не любили котов, а вот Муссолини и Ленин питали к ним

слабость. Юлий Цезарь и Наполеон котов не жаловали, тогда как Людовик XIV и Людовик XV - любили. Генрих II, Генрих III и Карл IX были в лагере врагов. Карл несколько раз при виде кота терял сознание, один из министров записал его слова: «Я ненавижу их глаза, этот их пристальный взгляд».

Но, как я уже отметил, ненавидящих было меньшинство. Папы Григорий Великий, Григорий III, Лев XIII, Пий VII и Иоанн Павел I были за котов, и существует множество рассказов об их привязанности к этим животным. Когда Григорий Великий и Григорий III решили отказаться от всего мирского, они сделали исключение только для своих котов. Лев XIII не только взял к себе бездомного кота, но и сделал его своим компаньоном, большую часть времени кот проводил, свернувшись на складках папского одеяния.

В Англии коты часто жили в домах знати. Наполеон ненавидел котов, но его победитель, герцог Веллингтон, был к ним чрезвычайно привязан. Так же, как и королева Виктория, и Уинстон Черчилль. Во времена правления Виктории в Англии так любили котов, что когда однажды итальянского посла спросили, кем бы он хотел быть, если бы начал жизнь сначала, то он незамедлительно ответил:

- Котом в Лондоне или кардиналом у себя в стране.

Величайший защитник котов кардинал Ришелье любил этих животных с детства. Когда же он стал практически главой государства, то не только поселил котов во дворце, но и держал для них двух специальных слуг. Перед смертью кардинал оставил завещание, в котором просил заботиться о своих четырнадцати питомцах.

Выискивая все новые и новые истории о котах, я обнаружил, что, в сравнении с другими животными, они очень поздно появились на исторической сцене. Ранняя история котов окутана тайной. Как человек, которым теперь владеет кот, я почти не удивился этому. Мне все хотелось спросить: а что тут нового? Не нужно долго жить с котом, чтобы понять, что больше всего на свете коты любят тайны. Так, они любят сделать самый большой секрет из того, где находятся в данный момент, даже если были рядом с вами несколько минут тому назад.

Где и когда впервые появился кот? Не раньше, чем за 3000 лет до Рождества Христова. Появились коты в Нубии, в стране, название которой - какова ирония! - произошло от слова ноб, что значит «раб». Люди впервые обратили внимание на котов по соседству с Египтом, завоевавшим Нубию. Его первым именем в Египте было удивительное имя Миу. Из чего можно заключить, что кот назвал себя сам.

Коты быстро возвысились. Сначала они были охотниками, затем стали стражами храмов, а в finale - божеством.

Богиня-кошка была известна под различными именами: Бает, Бастет, Убастот, Бубастис и Пашт. Но, как бы ее ни называли, без сомнения, она находилась на вершине египетского пантеона. Она была не только дочерью Изиды, доброго друга бога Ра, главного бога мироздания, но также и богиней Солнца и Луны. И хотя кошка «делила часть своей работы» с Ра, она считалась живым воплощением этого бога. Египтяне верили, что в светящихся глазах кошки заключен свет солнца, который дарует жизнь, и сияние этих глаз означает, что солнце обязательно вернется на следующий день. Но Бает почиталась еще и как богиня любви. Более того, в этом качестве она олицетворяла и материнство, и девственность. И кошки в те времена были хорошо вознаграждены за свою работу. У кошки-богини был свой храм, где ей служили другие кошки, которые тоже считались священными, а за ними ухаживали жрецы. Эти жрецы наблюдали за кошками и делали предсказания, по словам историка, «по легчайшему мурлыканью, нежнейшему мяуканью, осторожному потягиванию или малейшему изменению позы».

Геродот рассказывает нам, что статуя богини-кошки помещалась не только в храмах, но и в каждом египетском доме. «Богиня, - говорит другой историк, - была волнующим созданием, со странным, пристальным взглядом, раскосыми глазами, гибкими бедрами, благородной осанкой и звериной грацией. На нее хотела быть похожей каждая египетская женщина».

Тот же Геродот рассказывает, что, когда кот умирал в общественном месте, свидетели этого должны были пасть на колени, уверяя всех, что они в этой смерти невиновны. Убийство же кота являлось преступлением, которое каралось смертью. Кошек, как и людей, мумифицировали и помещали в саркофаг.

Неудивительно, что враги Египта воспользовались любовью египтян к кошкам. В 500 году до Рождества Христова король персов Камбиз взял в осаду египетский город Пелузиум. Египтяне жестоко сопротивлялись и отбили все нападения врага, тогда Камбиз приказал за восемь дней выловить всех кошек в окрестностях Пелузиума. И во время следующего приступа каждый воин армии Камбиза, подходя к египетским войскам, держал перед собой живого кота. Египтянам было достаточно только взглянуть на это. Город был сдан без боя.

Еще история знала кота, из-за которого Египет был окончательно покорен Римом. Солдат армии Цезаря убил кошку, возможно нечаянно.

Толпа египтян набросилась на солдата, стала его избивать и проволокла его тело по улицам. Цезарь предупредил египтян о жестоких наказаниях за эту расправу, но это только подогрело возмущение египтян. Весь Египет поднялся против Рима. Сопротивление продолжалось долгие годы, пока не умерли Антоний и Клеопатра и пока Египет не стал римской провинцией.

В самом Риме отношение к кошкам было двойственным. Например, в развалинах Помпеи не было найдено ни одного кошачьего скелета, а в домах римской знати было немного кошек, если их вообще там держали.

Но множество кошек проживало во внутреннем святилище храма Дианы, и во время ритуальных действ так называемые дочери Дианы танцевали в масках и одеждах, изображая кошек. Римляне признавали кошачью аристократичную отстраненность, независимость и пренебрежение к власти. Изображение кошки имелось на знаменах многих римских легионов и в храме Свободы, посвященном Тиберию Гракху. Римская богиня Свободы была похожа на американскую статую Свободы - с чашей в одной руке и скипетром, хотя и сломанным, в другой. У ног римской богини лежал тщательно и изящно вылепленный кот.

В мире существовало множество легенд и верований, связанных с кошками. В арабских странах, например, их любили больше других животных благодаря коту по имени Мусса. Это был любимый кот пророка Мохаммеда. Однажды кот спал на рукаве пророка, а Мохаммеда ждали важные дела. Так вот, чтобы не тревожить кота, пророк приказал отрезать ту часть рукава, на которой он отдыхал. Позже, когда Мохаммед вернулся, Мусса поблагодарил его и поклонился ему, чем Мохаммед был так тронут, что трижды погладил кота по спине. За это, по легенде, он подарил коту способность приземляться прямо на лапы при падении с высоты, отсюда же возникли и трижды три - девять жизней кота.

А вот Будда покровительствовал всем животным, кроме кота.

Легенда повествует о том, что, когда Будда умирал, всем животным надлежало при этом присутствовать, и все повиновались этому приказу, за исключением кота.

Существует две версии этой истории. По одной - кот Будды просто долго спал и опоздал. По другой - кот Будды находился среди присутствующих, но именно в тот священный миг, когда Будда восходил в нирвану, по храму пробежала крыса, и кот, чье внимание привлекло более прозаическое занятие, бросился за ней и убил ее. Это было, конечно, непростительным нарушением приличий, особенно в такой торжественный момент. Со временем кот был прощен, и сегодня в Индии, в соответствии с ортодоксальным индуизмом, не только предписано, чтобы каждый

верующий «содержал по крайней мере одного кота под своей кровлей», но существует даже правило: человек, убивший кота, должен «уйти в глубину леса, посвятить свою жизнь лесным зверям и быть там до тех пор, пока он не очистится».

В Бирме и Сиаме, где появились две самые популярные породы кошек, как и в Египте, были коты, которые помогали охранять храмы и, что более важно, участвовали в переселении душ. По тамошним верованиям, душа по крайней мере еще раз возвращается к жизни и перед тем, как достичь совершенства в следующей жизни, пребывает в теле кота. В Японии это верование зашло еще дальше - кота почитают и после смерти. Гейши образовали общество для церемониального обслуживания душ котов, которые были убиты для изготовления струн сямисена, инструмента, похожего на банджо, игрой на котором гейши развлекают своих гостей. До 1602 года японцы водили своих кошек на поводке, но в тот год правительство приняло закон, призывающий освободить кошек. Городским кошкам нужна была свобода, чтобы они могли уничтожить крыс, которые причиняли вред шелковой промышленности, и мышей в храмах, которые грызли священные свитки.

В Древнем Китае не существовало культа кота, но считалось, что коты приносят удачу, потому что являются живыми помощниками бога домашнего очага, покровителя, чье изображение имелось в каждом доме. Обычно один кот жил на привязи, а другие коты и котята были свободны. Китайские крестьяне, как и египтяне, верили, что сверкающие глаза кота ночью защищают от козней дьявола. Они также считали, что при помощи кошачьих глаз можно определять время, так как зрачок кота, постепенно сужаясь, к полудню превращается в тончайшую линию. Потом эта линия, постепенно расширяясь, увеличивается, пока не придет время людям ложиться спать, а котам - отправляться на охоту.

Кот победоносно прошел через всю древнюю историю. Но самым зловещим временем для них оказалось Средневековье. Все восточные суеверия и легенды и даже религиозное почитание на Западе обернулись против кота. Его стали считать созданием дьявола. В Библии, где названы почти все животные, ни в Ветхом, ни в Новом Завете практически не упоминаются коты. По-видимому, страдавшие и угнетаемые в египетском рабстве иудеи не желали даже упоминать животное, которое так почитали их угнетатели.

Это отношение к котам, перейдя и в Новый Завет, стало одной из темных сторон средневекового христианства - тогда кот был не только свергнут с пьедестала, но и осужден как исчадие ада, как тайный источник

всевозможного колдовства и волшебства, вуду и вампиризма, черной магии и даже черной мессы. Во времена инквизиции котов просто истребляли.

Суеверия были настолько жестокими, что теперь в это просто трудно поверить. Одно из них состояло в том, что только похороны живого кота в поле обеспечат хороший урожай. По другому поверью выходило, что живой кот, замурованный в основание нового здания, придаст зданию устойчивость. В эти глупости верили не только в Европе - в американских колониях в суды было представлено не менее двух тысяч обвинений в колдовстве с помощью котов.

Черному коту, конечно, пришлось хуже всех. Он, как воплощение сатаны, страдал от проклятий и пыток. Невероятное количество черных котов было растерзано и убито.

Французский ветеринар Фернан Мери разыскал в Бретани одно любопытное поверье. Оно относится к временам Средневековья, но сохранилось до сих пор. Говорят, будто у каждого черного кота обязательно есть один совершенно белый волосок. Если вы сможете найти этот волосок и выдернуть его, а кот вас при этом не поранит, то вас ожидает удача. Только вы должны выбрать одно из двух - либо богатство, либо везение в любви.

Ну и самое время вспомнить о белых котах. Таких, как мой. Белый кот был особенно почитаем в античные времена, но как он пережил мрачные века? Полагаю, что не так уж и хорошо, хотя я и не нашел ничего в истории Средневековья о белых котах.

При дворе Людовика XV жил домашний белый кот. Королева Виктория тоже держала белого красавца. У китайского, и у японского императоров в одно и то же время жили белые коты. Еще совсем недавно в Сиаме, когда короновали нового короля, в торжественной процессии несли белого кота. Считалось, что в нем временно пребывала душа предыдущего правителя.

Моей любимой истории о белом коте я также обязан доктору Мери. Это случилось во время Второй мировой войны в Бирме, когда успехи союзников и британской армии были еще впереди. Англичанам необходимо было построить стратегически важные дороги, для чего потребовались бирманские рабочие, им даже были готовы хорошо платить. Но японцы, прекрасно знавшие бирманские верования и обычаи, настраивали бирманцев против англичан. Японцы уверяли, что грубые англичане будут издеваться над всем, что свято для бирманцев, в особенности над белыми, или, как бирманцы называли их, «безупречными» котами. Строители толпами покидали работу. И это продолжалось до тех пор, пока одного

английского полковника, тоже хорошо знавшего обычай страны, не осенила оригинальная идея. Он разослал приказ собрать как можно больше белых котов. И в то же время на все армейские велосипеды, джипы, танки было приказано нанести силуэты белых котов якобы в качестве эмблемы британской армии. Все это возымело успех. Пошли слухи о том, что английские аэродромы защищены, так как там нашли прибежище «безупречные» коты. Больше ничего и не понадобилось. Рабочие вернулись на стройки.

Наступило утро, и я раньше других пациентов уже был у доктора Томпсон. Я отметил, что Черныша «за конторкой» не было.

- Черныш все еще с вашим котом, - сказала доктор Томпсон. - Кот в полном порядке, но вам он покажется немножко слабеньким.

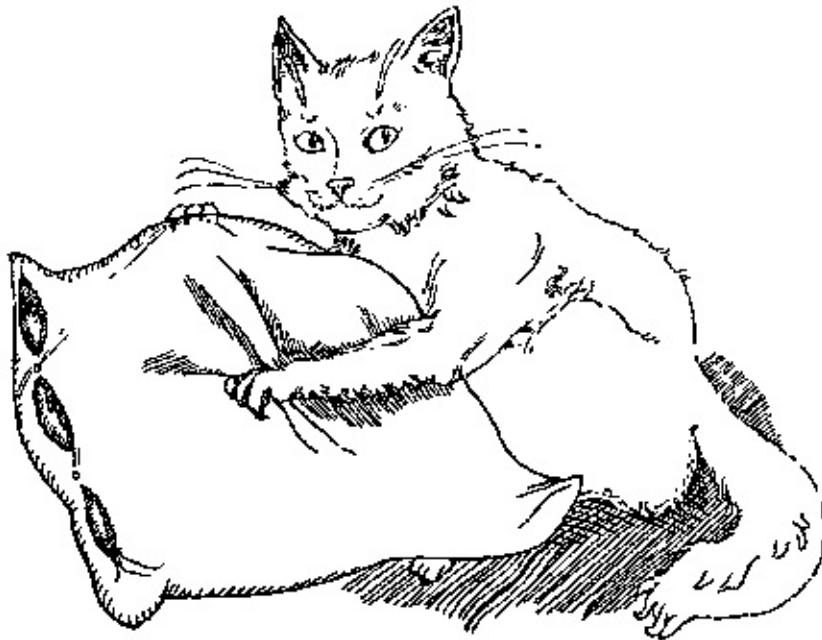
Я прошел в комнату. Доктор Томпсон была права. Мой кот действительно пошатывался и был похож на пьяного. Но он, несомненно, меня узнал и, покачиваясь, встал на ноги, как только я открыл клетку.

- Айяу, айяу, - сказал он.

- Айяу, айяу, айяу, - повторил я, беря его на руки. - Теперь мы едем домой.

По пути к двери я остановился поблагодарить Черныша и обнять доктора Томпсон. Или сделать все это в обратном порядке. Не помню, я был слишком взволнован. Главное же, я знал: мой кот снова со мной.

6. Трудное дело

Через несколько дней после посещения ветеринара между нами произошел первый настоящий конфликт.

Это случилось впервые после достижения компромисса относительно того, подойдет ли он, когда его позвовут, если не считать приглашения поесть.

Тем, у кого не было котов, все это может показаться нелепым. Однако любой ветеран-котовладелец или кот-ветеран отнесется к этому со всей серьезностью.

Проблема состояла в том, как назвать кота.

Честно сказать, у меня даже стало побаливать сердце и я устал рассказывать людям о коте, не упоминая его имени, и объяснять, как я это делал у доктора Томпсон, что все связано с Рождеством и тому подобное. В конце концов, мне и самому было трудно к нему обращаться. Приходилось употреблять это ужасное «ты», что часто и человеку бывает неприятно в том случае, если вы забыли его имя. Но еще хуже это для животного, особенно для кота.

Я не тешил себя иллюзией, что передо мной легкая задача. Как ни странно, я сразу это понял, благодаря тем редким людям, которые не

приставали ко мне с вопросом, почему я до сих пор не дал коту имени, а также тем, кто, расспрашивая меня о нем, не интересовался, как его зовут. Это, конечно, были котовладельцы-ветераны, по-настоящему вежливые люди, которым хватало деликатности не задавать бес tactных вопросов.

Со временем я все больше встречал таких людей и получил много полезных советов от тех из них, кто вернулся с полей сражений этой изматывающей войны окровавленным, но не покоренным.

Выбирая имя коту, так же как и вступая в брак, не стоит брать на себя слишком много. Или вообще следовало отнестись к этому с легкостью. Однако, как писал об этом Т. С. Элиот, это было «трудное дело». Хотя мистер Элиот несколько приуменьшил трудности. Мне следовало догадаться, что дать название книге, линкору или футбольной команде - детские забавы по сравнению с тем, чтобы выбрать имя коту.

Начнем с имени для ребенка. Придумывая это имя, вы, может быть, и столкнетесь с некоторыми трудностями, между вами и вашей супругой возникнут незначительные разногласия, но все это несерьезно. В конце концов, впереди девять месяцев. А за это время можно и поразмышлять, и обсудить проблему с мудрыми людьми. Самое же приятное, что после того, как вы сделали свой выбор, вам не грозит даже отдаленная возможность недовольства со стороны вами названного - по крайней мере до тех пор, пока не будет уже слишком поздно что бы то ни было менять.

Дальше. Возьмем собаку. Мы только напрасно потратим время, если начнем сравнивать трудности при выборе имени для собаки или кота. Ваш пес согласится на любое имя. Более того, он сразу же признает его. Достаточно вам будет позвать его раз-другой - и он не просто придет, а прибежит. Вдобавок он никогда ни взглядом, ни сопением, ни усмешкой или намеком не раскритикует ваш выбор. Его хозяин или хозяйка приняли решение - и пес будет терпеть. Если вы этого хотите, значит, того же хочет и он.

Придумать название книги, может быть, несколько сложнее. Но размышлять об этом с теми же вздохами, как и при попытках назвать кота, - вы можете мне поверить, так как я делал и то и другое, - это не идет ни в какое сравнение.

Много лет назад мне повезло: моим литературным агентом была мисс Бернис Баумгартен, выдающийся в своем деле профессионал. Однажды я спросил ее, насколько важно для книги название. Она безапелляционно ответила, что, в сущности, это совсем неважно. Я задал еще один вопрос: каково ее мнение, что собой представляет хорошее название книга? Так же безапелляционно она ответила: «Любое название хорошей книги».

Дать имя коту - это нечто совершенно особенное. Кот, которому не нравится его имя, и я знаю это точно, часто проходит по жизни, так и не имея понятия, что его так зовут.

Моя знакомая и ее муж, у которых жило больше дюжины котов, рассказывали мне, что, когда все их коты собирались вместе и кто-то звал одного из них, другие часто оборачивались и смотрели на того, кого позвал хозяин. Коты не возражают против имени другого кота и знают его, но зато могут не признавать свое собственное.

Другая моя приятельница вспоминает двух своих сиамских котов, каждый из которых считал, что его имя - исключительное, и приходил в ярость, когда звали другого.

Все котовладельцы знают, что у котов много поводов для капризов. Еда, погода, шум, люди, которых они любят или не любят, и что угодно еще. Но все эти капризы проявляются в течение долгого времени, что позволяет, по крайней мере, их предугадывать. Привередливость кота в отношении его имени проявляется сразу же; как только вы попытаетесь это имя опробовать.

Я понял, что важно учитывать одно главное правило: что бы вы себе ни представляли правильным, все будет воспринято как неправильное.

Несколько лет назад моя подруга Джейн Волк спасла одного из самых трогательных котиков, которых я когда-либо видел в своей жизни. Это был бойцовский кот с одним глазом, с полутора ушами, с половиной хвоста и с мордой в боевых шрамах. Все полагали, что его будет очень трудно назвать. Однако мисс Волк элегантно и легкомысленно назвала кота Мамино Сокровище. Кот вовсе не возражал, он немедленно принял это имя. Мне всегда казалось, что он тоже находит его забавным.

Выдающаяся спасительница котов миссис Элеонора Уолкер написала книгу «Имена котов». В одной из глав своей книги она задает вопрос: «Дают ли нам имена наши коты?» И сама же утвердительно отвечает на этот вопрос, добавляя, что эти имена обозначают человека-кормильца. «Мой муж утверждал, - пишет она, - что Хамфри, Долли и Цветущий Горошек называли меня Большой Гамбургер».

В другой части книги миссис Уолкер рассказывает, что попросила своего друга, которого она считала «духовно продвинутым», выработать метод медитации, который помог бы выбирать коту имя.

Друг выполнил ее просьбу:

Мой друг рекомендует с любовью и вниманием смотреть на кота,

разглядывая каждый усик, каждую ресничку и мельчайшие отметинки. Потом расслабиться, очистить, насколько возможно, свое сознание, закрыть глаза и представить себе своего кота во всех деталях. Постепенно перед вами откроется сущность кота, и его имя всплынет из глубины вашего подсознания. И это будет самое лучшее имя, которое вы могли бы выбрать для своего кота.

Книга миссис Уолкер, к сожалению, была опубликована уже после того, как я назвал кота. И поэтому я не мог воспользоваться ее советами. Я не знал рецептов тибетского мистика. И кроме того, у меня не было списка имен для белых котов, которые приводит миссис Уолкер. Вот они:

Беляк
Снежок
Белоснежка
Снежные Хлопья
Снежка
Снежная Крупинка
Снежный Цветочек
Снежное Пламя
Снежный Человек
Горностай
Яичная Скорлупка
Белок
Ваниль
Ласка
Белое Облако
Чистюля
Неженка
Маргаритка
Слоновая Кость
Белоручка
Морская пена
Хрусталик
Мороз
Устрица

Я бы не хотел обидеть тех, чей кот назван одним из этих имен, но я не вижу ни малейшего шанса выбрать из этого списка имя для моего кота.

Я стал внимательно изучать исторические имена, не видя причины, по которой нельзя назвать кота именем одного из его предков.

Начал я с египетской Баэт. Но Баэт ведь была не богом, а богиней.

Потом меня заинтересовал кот Папы Льва XIII, любивший полежать, свернувшись, на одеянии Папы. Его звали Мичетто, это имя мне нравилось. Останавливало то, что пришлось бы долго рассказывать всем историю, чтобы объяснить, почему кот назван именно так.

Третьим по счету я рассматривал имя кота пророка Мохаммеда - Мусса. И снова приходилось бы излагать длинную историю. А что еще важнее - меня не устраивают сегодняшние деяния последователей пророка, которые неточно соблюдают его учение о добром отношении ко всему живому.

Я обнаружил еще две загадочные истории. Покровитель Шекспира герцог Саутхемптонский был заточен Елизаветой I в одиночной камере Тауэра в Лондоне. Большой черно-белый котяра, бывший постоянным компаньоном герцога, каким-то образом нашел дорогу в Тауэр и по каминной трубе спустился вниз прямо в камеру герцога. Кот не желал покидать камеру. Когда герцог был освобожден, он первым делом заказал витраж в окне Уэлбекского аббатства. Витраж существует и по сей день. На нем мы видим герцога в тюремной камере, а рядом с ним его верного кота.

Другая история повествует о знаменитейшем коте во всей Италии. Он жил в конце восьмидесятых - начале девяностых годов XIX века в Венеции, в кафе на площади у церкви Санта-Мария Глориоза деи Фари. Он прославился своей абсолютной белизной, а также тем, что в кафе хранилась книга с автографами его друзей, среди которых были Папа Лев XIII, король и королева Италии, князь Меттерних и царь Александр III. Более того, после смерти кот былувекован в скульптуре, которая, подобно витражу герцога Саутхемптонского, существует и поныне.

Тут возникли два осложнения. Во-первых, имя английского кота осталось неизвестным, оно потерялось в глубине веков. Во-вторых, имя венецианского кота, хоть и известное, никак не годилось. Ибо звали кота - Нини. Я был уверен, что мой кот это имя отвергнет.

Были достойны рассмотрения имена двух недавно здравствовавших представителей английских котов. Преимущество было за питомцем королевы Виктории, потому что он был белым. Его имя, очевидно, нравилось и королеве, и коту. Его звали Белый Вереск. Однако мне показалось, что моему коту это имя не подойдет. Вторым был кот по имени Нельсон - верный компаньон Уинстона Черчилля еще с времен Второй мировой войны. К большому огорчению хозяина, этот кот во время

бомбежек Лондона прятался в самом дальнем углу под кроватью, его всегда можно было там найти. «Несмотря на мои многочисленные просьбы, - писал премьер-министр, - я потерпел неудачу, убеждая моего друга, что его поведение трусливо и недостойно имени, которое он носит». Близким к идеалу, как мне казалось, было имя кота Александра Дюма-сына. Этот кот, которого звали Мисуфф, ежедневно проходил со своим хозяином ровно половину пути и потом возвращался обратно. К вечеру он снова приходил на то же место, чтобы встретить хозяина. Но в те дни, когда хозяин задерживался и не собирался возвращаться обычной дорогой, Мисуфф каким-то образом догадывался об этом и, как уверяет Дюма, никогда не выходил из дома, чтобы встретить его.

Мисуфф, решил я, вот имя, которым можно было бы назвать моего кота.

Было еще занятное имя, оно принадлежало котенку Чарльза Диккенса. Когда Диккенс засиживался с работой в своем кабинете, котенок забирался на стол и лапой смахивал подсвечник. Писатель снова зажигал свечу, и котенок немедленно снова ее сбивал, после чего Диккенс должен был оставить работу и обратить внимание на шалуна. Котенка с рождения звали Вильям. Но когда выяснилось, что котенок скоро станет мамой, Диккенс стал называть его Вильгельминой.

Наконец я надумал проверить, как звали котов моих любимых писателей.

Кота Герберта Уэллса звали Мистер Питер Уэллс. Этот Мистер Питер Уэллс был, конечно, замечательным созданием. Если гости писателя говорили слишком громко или слишком долго, в обычай Мистера Питера Уэллса было спрыгнуть со своего любимого кресла и, создавая как можно больше шума и привлекая максимум внимания, демонстративно покинуть комнату. Этот уход явно добавлял таинственности атмосфере в салоне, и я решил испытать на моем подопечном имя Мистер Питер Эмори.

Очень странные имена для своих котов придумывал Марк Твен. Среди них были Аполлинер, Зороастр, Тараторка, Винигрет. Идея Марка Твена состояла в том, что имя не должно что-то значить для кота. Надо просто идти по другому пути и давать котам имена, произнесение которых было бы хорошей практикой для детей, когда те повторяют трудные слова.

Я узнал, какую неудачу потерпела большая любительница кошек французская писательница Колетт. Она кончила тем, что назвала свою кошку - Кошку. Колетт сначала честно пыталась найти подходящее имя, но, назвав так свою кошку, убедилась, что животному это имя очень нравится. «Я точно знаю, - писала Колетт, - что всем котам нравится думать, будто

каждый из них - единственный в мире. Если я права, то Кошка раздувается от гордости, нося это нарицательное имя».

Имя кошки Колетт привело меня к размышлению о слове *кот*.

Английское *кэт* очень близко к этому слову в других языках, намного ближе, чем другие существительные. Это *кэтц* в немецком, *гата* в греческом, *каттус* по латыни, *гато* в испанском, *гатто* в итальянском, *кэт* в голландском и датском, *кэтт* в шведском и норвежском, *кот* в польском, *кат* в египетском, *кэт* в некоторых африканских языках. Даже в языках, где это слово звучит несколько иначе, оно все равно узнаваемо - как *кэди* в турецком, *гатц* в армянском. А там, где оно совсем непохоже, оно произошло от звука, который издают коты. *Мао* или *мио* в китайском, *неко* в японском, *бисс* в арабском и, возможно, самое простое - индонезийское *pacc*.

Я подумывал назвать кота его же названием, но на другом языке. И после некоторого размышления занес в свой список два имени: Председатель Мяу и Кинг Кот. Я еще раз проанализировал литературные имена котов, вплоть до первого одомашненного представителя. Это был кот ирландского ученого IX века, кота звали Пангур Бан. Мне нравились эти легко узнаваемые согласные П и Б - я занес имя Пангур Бан в свой список. Туда же были внесены кот Генри Дейвида Торо по имени Мин, кот Хемингуэя Пасс и кот Лоуренса Пасс Пасс.

В ходе моих обширных исследований я обнаружил одного замечательного белого кота, у него и имя было замечательное. Это был Дон Пьерро де Наварра, он принадлежал французскому писателю Теофилю Готье, тому самому, который уже знаком нам по заявлению, что только француз сможет по-настоящему оценить кота. Готье живо описал свое животное, которое, безусловно, достойно возглавить список всех литературных котов.

Сидя близко к огню, кот казался очень заинтересованным беседой. Он, глядя то на одного, то на другого говорящего, издавал легкое протестующее «мяу», как бы возражая против общего мнения, которого не разделял. Кот обожал книги. Если он обнаруживал на столе открытую книгу, он усаживался рядом с нею, внимательно смотрел на нее, затем перевертывал одну-две страницы и в конце концов засыпал, как если бы прочитал современный рассказ.

Когда же он видел меня сидящим за работой, он запрыгивал ко мне на стол и внимательно следил за крючковатыми, фантастическими фигурками, которые выводило на бумаге мое перо. Притом, как только я

начинал новую строчку, он поворачивал голову к левой части листа. Случалось иногда, что ему хотелось принять участие в моей работе, - тогда он начинал легонько покусывать мое перо с видимым желанием написать страницу или...

Вот с этим котом мне хотелось бы сравнить своего. Или, по крайней мере, он должен был оказать мне честь и позволить назвать моего кота Дон Пьерро де Наварра.

Кот лежал у меня на коленях и дремал, но я решил разбудить его и заняться делом.

Я нежно повернул его, так чтобы он смотрел на меня. Затем, как только он пришел в себя после сна, я ласково, но настойчиво начал ему объяснять:

- У всех животных, живущих вместе с людьми, есть имена... Даже у птиц, которые живут в домах, есть имена. - Я хотел как можно скорее завладеть его вниманием, а его должна была заинтересовать орнитология. - Точно так же, - продолжал я, - есть имена и у людей. - Я сделал еще один шаг. - Имя есть и у меня. Мое имя - Кливленд.

Кот посмотрел на меня долгим взглядом, как мне показалось сначала, обеспокоенным, но потом я понял, что в этом взгляде таялся совет. Он считал, что я должен обратиться за профессиональной помощью.

Но я, не обращая внимания на его предостережение, сказал ему так же твердо, как и в начале беседы, что если бы он прислушался более внимательно, то понял бы, что имя обеспечит ему не только более комфортабельную жизнь среди людей - он сразу же почувствует себя лучше и среди животных.

- Имена есть даже у тех животных, которые не селятся в домах, а просто живут рядом с людьми, как, например, животные в зоопарке, и даже у таких больших, как слоны, и львы, и тигры, и леопарды. Фактически у всех больших котов есть имена. И точно так же, - заметил я, - ну... у маленьких котов. - Я помолчал немного, затем продолжил: - Все коты, живущие с людьми, имеют имя. Не большинство котов, а именно все коты. Если бы ему удалось показать мне хоть одного кота, когда-либо жившего с человеком и не имевшего имени, я бы согласился никак не называть и его.

Я играл абсолютно честно. Но, поскольку он не привел ни одного примера, а я знал, что он и не мог бы этого сделать, я двинулся дальше.

- В большинстве случаев, - сказал я ему, - люди просто решают, какое имя они хотят дать своему коту, и кот не может возразить. Но я не такой и никогда не сделаю ничего подобного, я слишком уважаю его. И я не буду

никак называть его, пока не найду имени, которое мне, - и здесь я чуть не оступился, но вовремя исправился, - которое ему и мне, которое нам обоим понравится.

Кот начал бить хвостом по моим коленям, он требовал, чтобы я точнее сформулировал свою позицию.

Но моя позиция как раз в том и состояла, чтобы дать ему высказаться. Другими словами, я собирался испробовать разные имена и выяснить его реакцию. О чем я его честно и предупредил, сказав, что, если он намерен сотрудничать, - прекрасно. Если же откажется - что ж, так тому и быть. В этом случае я назову его тем именем, которое будет ему менее неприятно.

С этим я спустил его с колен, отошел на несколько шагов в сторону и готов был начать пробы.

- Сюда, Дон Пьерро де Наварра, - сказал я. - Сюда, Дон Пьерро де Наварра, - и повернулся, чтобы посмотреть на его реакцию.

Я не мог поверить своим глазам. Если возможно вообразить гнев кота, то мой кот гневался так, как ни одно из живых существ на свете не гневалось. Безусловно, Дон Пьерро де Наварра было прекрасное, величественное имя, полное достоинства, почти королевское... и тут я все понял. Дело было не в имени. Забывшись, я употребил запрещенное слово «сюда». Я ступил в опасную зону, нарушив наше прежнее соглашение.

Я извинился. Я сказал, что понимаю, что он не в состоянии обсуждать имена, если они предъявляются в такой оскорбительной форме. Но, может быть, он послушает еще разочек?

Кот согласился. Я как только мог убедительно сказал:

- Дон Пьерро де Наварра.

И я увидел его пустые глаза. А пустые глаза белого кота, уверяю вас, это в самом деле абсолютно пустые глаза.

Решив пока отказаться от Дона Пьерро, я прибегнул к помощи Дюма. Снова встал к коту спиной.

- Мисуфф, - сказал я. - Мисуфф. - Мне нравился звук «ф», и я был уверен, что ему тоже должно это понравиться. - Мисуфф, - в третий раз сказал я и подчеркнул «ф».

Он отреагировал, но не так, как мне бы хотелось. Кот отправился прямо на кухню. Он решил, что я обсуждал с ним меню обеда. Я предложил ему вернуться и, отказавшись от литературных претензий, выбрал для третьей попытки первую из зафиксированных домашних кличек.

- Пангур Бан, - произнес я. - Пангур Бан. Наконец я заметил реакцию, но весьма слабую.

Я двинулся дальше.

- Мистер Питер Эмори.

В ответ кот очень медленно и, думаю, нарочито зевнул во весь рот.

А как насчет имени Кристмасс? Ночь, когда я его нашел, еще не была рождественской, но все-таки это случилось накануне Рождества.

- Кристмасс, Кристмасс, - как обычно, дважды сказал я, и у меня возникло неприятное чувство, что он слишком устал, ему даже лень было зевнуть.

И все же я настаивал. Что он имеет против имени Кристмасс, которое любой кот принял бы за комбинацию шипящих звуков? Он хорошо это понял и зашипел на меня, прижав уши.

Однако у меня возникло еще одно предложение.

- Давай обсудим имя Санта-Клаус.

Это такое имя, что даже ему, привереде, оно должно понравиться. Санта-Клаус не только славный малый, который приносит веселье и подарки, но это существо, - и я знал, что это должно показаться коту привлекательным, - в ком каждый чувствует великую тайну. Старшим детям, например, не разрешают рассказывать младшим братьям и сестрам, что такой персоны не существует. И, в качестве последней приманки, можно это имя произносить как Санта-Клос [Claws (англ.) - лапы с когтями].

Все было бесполезно. Он не хотел быть Санта-Клаусом независимо от произношения этого имени. Он встал на лапы и медленно потянулся. Его взгляд говорил яснее, чем любые слова, что с него довольно всей этой чепухи. И он ушел из комнаты.

Я, погрузившись в размышления, остался на месте. История не имела успеха, юмор потерпел крах, праздник - тоже. Что же оставалось? Я подумал, что можно было бы дать ему имя в честь моих любимых животных. Вспомнить о собаке, лошади, обезьяне, тигре, дельфине, устрице, бобре и медведе. Было еще много других, но я вдруг остановился на медведе. Вот и хорошо, он похож на маленького медведя. Кстати - он белый. Как насчет имени Белый Медведь?

Я притащил кота в спальню, где он сразу же удобно устроился на кровати. Я немного выждал, наученный прежним горьким опытом. Сейчас надо было быть крайне осторожным.

- О, Белый Медведь, - тихо сказал я, - вот ты где... - Я сказал это так ненавязчиво, что он не должен был догадаться, чем все это закончится. Сев на кровать рядом с ним, я начал его почесывать. - Ну, - сказал я почти небрежно, - как дела, Белый Медведь? - и продолжал почесывать,

поглаживать, похлопывать его.

Конечно, я поставил его перед свершившимся фактом. И хотя я рад был бы сообщить вам, что он смотрел на меня и соглашался со мной, на самом деле он не делал ничего подобного.

Я был бы также рад сообщить вам, что с этого момента он знал свое имя и, если не всякий раз приходил на него, то, по крайней мере, делал это иногда. Как я уже сказал, я был бы рад доложить вам об этом. Но и это не было бы правдой.

В конце Концов я хотел бы сказать, что, независимо от того, знал он об этом или нет, имя Белый Медведь оказалось для него самым подходящим. И снова это не было бы правдой.

Есть только одно подходящее имя для кота. Как полагал Т. С. Элиот, это то имя, о котором мы никогда не узнаем.

КАК ОКРЕСТИТЬ КОТА

Кота окрестить - непростая затея.
И вы осознаете вашу тщету
(я в здравом уме!), но она тем сложнее.
Что ЦЕЛЫХ ТРИ ИМЕНИ нужно коту.
Ну, с именем первым, что для обихода,
Такими, как Кристофер, Джим или Джем,
А также Пушок или попросту Шкода,
Не будет, конечно, серьезных проблем.
А если такое покажется грубо,
Есть Фауст, Макбет, Калиостро, Голем,
Ахилл или, скажем, Электра, Гекуба -
Тут тоже не будет особых проблем.
Но имя второе должно быть значительным,
Какого не взять на помойке любой -
Чтоб кот ощущать мог себя исключительным,
Топорщить усы и держать хвост трубой.
Манкастро, Куансу и Бомбарипицца,
Джелорум - пожалуйста, целый букет!
Но только такое тут имя годится,
Какого нигде больше в мире и нет.
Однако есть имя, двух первых помимо -
Лишь КОТ ЕГО ЗНАЕТ, а нам не дано.

И как бы нам ни было невыносимо,
Его не откроет он нам все равно.
И если в раздумья застали кота вы.
Что сел, словно Будда, у всех на виду,
То не сомневайтесь (и будете правы!) -
Он думает, думает, думает, ду...
Об Имени
Мыслимо-мысле-немыслимом,
Что писано было коту на роду.

[Перевод С. Степанова].

7. Его Голливуд

Сегодня мне не совсем ясно, почему я решил взять Белого Медведя с собой в ту поездку в Голливуд. Одна причина заключалась в том, что я собирался уехать по меньшей мере на два месяца. Это был больший срок, чем все то время, что он жил у меня. Хотя я знал: Мариан будет приходить, чтобы кормить его и играть с ним, все равно получалось так, что много времени он будет один, и это как раз тогда, когда он только начал чувствовать себя в безопасности и понял, что не одинок.

Вторая и более важная причина, в которой я даже себе не хотел признаваться, заключалась в том, что я так его полюбил, что просто не мог долго жить без него.

Я был хорошо осведомлен о трудностях, неизбежных в таком путешествии, - это мне поведали мои друзья, имеющие опыт в этом деле. Все они так настойчиво предупреждали меня об ужасах странствий с котом, что я понял: кот в качестве спутника - это равноценно спутнику-крокодилу, или орангутангу, или капризному ребенку, или большому автомобилю.

Друзья подробно изложили мне причины всех возможных проблем.

Во-первых, для котов больше, чем для каких-либо других животных, важна территория их обитания. Их дом - это их очаг, их замок, их святилище, там их сердце. Во-вторых, коты - создания, которым присущи консерватизм и приверженность традициям. Действительно, иногда я подозревал в этом Белого Медведя. Он не любил, когда случалось что-нибудь, чего не бывало прежде.

Мои друзья сообщили мне, что кот будет относиться к любому месту, где он никогда раньше не был, как к не отмеченной на карте неизведанной территории, где в каждом углу скрывается опасность пострашнее, чем в комнате ужасов музея восковых фигур. Без сомнения, удовлетворенный осмотром, обследованием, обнюхиванием каждого закоулка, каждого укромного уголка нового обиталища, он все равно будет пребывать в постоянном ужасе. Как бы долго он там ни находился, кот будет ловить каждый звук снаружи и внутри комнаты и внимательно следить за всеми посетителями. Мои друзья упоминали еще одно «существенное» обстоятельство: в течение всего этого времени мой кот, конечно, не будет ничего есть, и это будет продолжаться до тех пор, пока я не осознаю, что он вообще никогда не будет есть, и таким образом он накажет меня за то, что я привез его в это ужасное место.

Напоследок мои друзья отреклись от меня, сказав, что я сам должен разрешить все проблемы, которые возникнут у меня в этом путешествии. Наконец, я должен знать, что коты любят созерцать пейзажи и неподвижные вещи, пока сами неподвижны. Когда же они сами находятся в пути, у них не вызывают ни малейшего интереса даже такие любопытные объекты, как птицы, летящие за окном автомобиля, поезда или даже самолета. Если же вынуждать кота смотреть на движущиеся предметы, то вы обнаружите, что ему это не только неинтересно, но и вовсе противно, и все может кончиться тошнотой и даже рвотой.

Не ограничившись предупреждениями, мои друзья снабдили меня необходимыми инструкциями для путешествия с котом. Первое: худшее, что можно сделать перед тем, как взять кота в длительное путешествие, - это отправиться с ним в небольшую поездку. Это только доставит вам лишнее беспокойство. Второе: не отправляйтесь в путешествие, не взявши с собой воды в непроливающемся сосуде, поддона, подстилки, освежителя воздуха, дезодоранта, веничка и запаса влажных салфеток. Последнее - для себя, а не для кота. Третье, и самое плохое, - это привезти кота в дом к друзьям или в номер отеля.

Это заявление меня потрясло, я подумал: а есть ли альтернатива? Понятно, что в доме друзей, особенно тех, которые вообще не любят котов,

могут возникнуть кошмарные проблемы. Что же касается номера в отеле, то это вовсе не так безопасно, как могло бы показаться. Раньше или позже горничная, посыльный или сантехник откроют дверь номера, и ваш кот вылетит наружу, чтобы удрать от появившегося врага, а также чтобы найти вас. И пока он действительно будет искать вас, ваши шансы найти его будут бесконечно малы.

Я остался глух ко всем этим советам и предупреждениям. Тьфу-тьфу, подумал я. Белый Медведь совсем другой. Одного из друзей, который особенно настойчиво расписывал опасности, подстерегающие меня в дороге, я спросил: а как же он объяснит то, что однажды маленький котенок взобрался на гору Маттерхорн? Котенок, подчеркнул я. Друг посмотрел на меня так, будто у меня две головы, но это не остановило меня, и я рассказал ему историю, которая произошла несколько лет тому назад. Матт, как его после этого случая стали называть, был в то время десятимесячным котенком. Этот черно-белый комочек провел ночь перед восхождением на гору со своим хозяином в отеле, расположенном у подножья. Наутро его хозяин, поднявшись до рассвета, взвалил на себя амуницию и ушел, оставив Матта дожидаться своего возвращения. Черепашьим шагом хозяин Матта и вся его группа вместе с проводниками, компасами и полным комплектом альпинистских принадлежностей, состоящих из веревок, крючьев, пищи, питьевой воды и аптечки, совершили свой долгий путь к вершине. В конце концов они добрались до нее, и в то время, как они радовались своему достижению и поздравляли друг друга с преодолением всех трудностей, их ликование вдруг было прервано тихим, жалобным мяуканьем. На высоту 14 780 футов вслед за ними, преодолев подъем на отвесную скалу без снаряжения, без пищи и воды, явился Матт. Было видно, что он голоден и хочет пить, но выглядел он не хуже, чем обычно.

Другому упорному скептику я рассказал о невероятном путешествии, проделанном котом. Эта известная история приведена в замечательной книге Шейлы Барнфорд «Неправдоподобное путешествие». Мисс Барнфорд очень живо описала путешествие длиною в 300 миль по диким просторам Канады двух больших собак - молодого Лабрадора и храброго старого английского бульдога - в компании сиамского кота Тао, который не раз выручал всех. Однажды он даже спас их от разъяренной медведицы, которую собаки потревожили в берлоге.

И последнее, что я поведал моим друзьям-скептикам, была история о коте, поставившем рекорд по продолжительности путешествия. Хозяином кота был нью-йоркский ветеринар. Этот человек должен был переехать в

Калифорнию и решил, что лучше оставить кота с другом в том доме, где кот всегда жил. Надо сказать, что раньше кот уже побывал в новом доме в Калифорнии.

Как-то вечером, спустя пять месяцев после переезда, ветеринар услышал знакомое мяуканье. Он открыл дверь, и кот, который выглядел хуже некуда, торжественно вошел в дом, направился к любимому старому креслу, взобрался на сиденье и сразу уснул.

Таким образом, сказал я своим друзьям, если один котенок смог забраться на Маттерхорн, другой помог двум собакам совершить полное опасностей путешествие по просторам Канады, а третий в одиночку преодолел три тысячи миль от Нью-Йорка до Калифорнии, я думаю, что могу взять Белого Медведя в поездку в Голливуд.

Сегодня, оглядываясь назад, рад был бы сказать, что я был прав, а все те люди, которые запугивали меня, ошибались. Но беда в том, что все это не так. Правы были они, а не я, и человеку с моим характером признать это чрезвычайно трудно.

В сущности, путешествие начиналось приятно, хотя я никогда не пойму этих нелепых правил, установленных авиакомпаниями, которые отводят только по одному месту для животных в первом и экономическом классах. Они что, боятся лая? Мяуканья? Драк?

Животные, как и положено, едут в сумках, по одному в каждом ряду, и доставляют меньше неудобств, чем, например, откинутое впереди кресло или четыре подлокотника в каждом ряду для трех пассажиров.

Итак, у меня не было другого выбора, как подчиниться правилам. Я подчинился и зарезервировал одно место для себя и одно для Белого Медведя. У меня была удобная сумка, которая, хоть и с трудом, помещалась под сиденьем. Стюардесса была очень мила. Прежде чем помочь мне с размещением сумки, она попросила меня приоткрыть ее, чтобы посмотреть, кто же там находится. И после того как она вдоволь наахалась и наохалась от восторга по поводу красоты Белого Медведя, она пообещала, что попозже сумку можно будет снова открыть.

Однако Белый Медведь не только не ответил на восторги молодой леди, но и невежливо от нее отвернулся. Я понял, как опасно знакомить кота с кем-либо во время путешествия. Дело в том, что большинство котов уже познакомились со всеми, с кем желали познакомиться. Поэтому владельцам котов следует заготовить на случай поездки множество извинений, в том числе даже мелкое белое вранье или большую черную ложь.

Я использовал последнее. Я сказал стюардессе, что обычно Белый

Медведь - душа общества, но сейчас, после приема транквилизатора, ну... вы должны понять...

Кое в чем мне повезло. Я занимал место у окна, и на среднем сиденье никого не было. С краю расположился солидный господин, который с большим интересом наблюдал за процедурой знакомства Белого Медведя со стюардессой. Он спросил:

- Кот не очень любит путешествовать?

И я еще раз солгал. Я сообщил господину, что Белый Медведь любит путешествовать на короткие расстояния, но во время длительных перелетов, а кот явно подозревает, что сейчас предстоит именно такой, он чувствует себя неважко. Я был совершенно уверен, что эта информация сведет интерес господина к минимуму, особенно если я поставлю сумку под среднее сиденье. Так и получилось.

Когда самолет, разбегаясь по взлетной полосе, взревел, Белый Медведь подал голос. Это было бесконечно горестное «айяу!», гораздо более громкое, чем рев самолета. Я просунул палец в отверстие сетки на крышке сумки, чтобы успокоить кота. Но это не помогло. С точки зрения Белого Медведя, в самолете, в этом маленьком пространстве, было слишком много людей. Особенно в том месте, где он находился, оказалось чересчур много ног, которые и всегда-то не нравились моему коту. Кроме того, было страшно шумно, тесно и неудобно. И, по его мнению, просто опасно.

Когда я в конце концов поставил сумку рядом с собой на сиденье, приоткрыл крышку и опустил руку внутрь, то, успокаивая кота, попытался убедить его, что не надо ничего бояться. Но успеха я не добился. Как старый пилот, я никогда не любил взлеты и знал, что это самая опасная часть полета.

Я пытался заинтересовать кота облаками за окном, но он счел это слишком незначительной компенсацией. Все предупреждения друзей о том, что коты, находясь в движении, не любят осматривать достопримечательности, оказались правдой. Даже если бы Белый Медведь увидел птицу, это не произвело бы на него никакого впечатления.

Я надеялся, что появление пищи отвлечет его от мрачного взгляда на мир вообще и на меня в частности, но снова мои друзья оказались правы. Когда стали разносить орешки и выпивку, стюардесса принесла персонально коту маленькую тарелку с едой, но он даже не пошевелился, чтобы посмотреть, что там такое. Он просто ничего не хотел. Я понял: кот объявил голодовку. И об этом меня предупреждали, так что я этого очень боялся. Конечно, нужно было иметь при себе банку с привычной пищей, чтобы уговорить его поесть, и я действительно взял с собой несколько

таких банок. Но где они были? В чемодане, в багажном отделении, как и все его игрушки.

Хуже всего было то, что он не только объявил голодовку, он еще и устроил лежачую забастовку, а это было очень плохим знаком.

Полет продолжался пять с половиной часов, а мне показалось, что прошло как минимум пять с половиной дней.

В аэропорту нас встречала Пола Дитс, бывший координатор нашего Фонда. Пола, старая кошатница, была в восторге от Белого Медведя. Но кот вел себя очень сдержанно. Мы еще не выехали из аэропорта, и Пола была первой девушкой, с которой он познакомился в Калифорнии, а он, казалось, чувствовал, что все, как это часто происходит в Калифорнии, делается слишком быстро.

- Он не выспался, - сказал я Поле, - и поэтому у него замедленные реакции.

Я открыл сумку и выпустил кота наружу, однако не собирался поднимать его на колени и показывать ему виды Лос-Анджелеса, пока мы не выедем на Сан-Сет и не оставим позади ужас автострады.

- Когда вы собираетесь обратно? - поинтересовалась Пола.

- О! - ответил я. - Месяца через два.

Только в Калифорнии люди спрашивают о дате вашего отъезда немедленно при вашем прибытии. А у калифорнийских девушек это просто черта характера.

В это время Белый Медведь решил выступить в роли мертвеца, и я подумал, что уже хватит извиняться за него - надо перейти в наступление. Я рассказал Поле об исследованиях писателя Ричарда Смита. По его мнению, коты Восточного побережья Америки придают меньше значения своему виду, чем коты Западного побережья, и предпочитают, чтобы оценивали их умственные способности, а не физическое состояние.

Но Пола, как и Мариан, не реагировала на мои неудачные шуточки.

Что же касается Белого Медведя, то в этой поездке трудно было заставить его чем-нибудь заинтересоваться. Когда мы наконец въехали на Сан-Сет, я поднял его, уложил к себе на колени и сказал:

- Смотри, Белый Медведь! Калифорния! Беверли-хиллз! Кинозвезды!

Для Белого Медведя это было лишним доказательством того, что у меня не все дома. Тем более что звезд не было видно, вокруг были лишь люди, продающие путеводители по городу кинозвезд, и бесконечное количество бегунов и джоггеров.

Отель, в который мы прибыли, был тот самый, где я останавливался, когда писал сценарий к фильму «Высшее общество». Меня привлекало то,

что отель славился добрым отношением к животным. Довольно часто здесь бывали постояльцы-животные столь же известные, как и их хозяева. Рекорд поставила Элизабет Тэйлор - она в течение многих лет привозила в отель больше животных, чем кто-либо еще. Правда, она поставила рекорд и по количеству мужей, с которыми побывала в этом отеле. Но самым замечательным постояльцем стал Роберт де Ниро. Прибыв на съемки фильма «Последний магнат», мистер де Ниро привез с собой семерых котов.

В те годы животных регистрировали у портье, им оказывали те же услуги, что и всем постояльцам.

Единственный раз сервис оказался не на высоте. Тогда горничная отказалась мыть ванную комнату четырнадцатилетнего сына Али Ипар из Турции. В ванне, как сказала горничная, сидел медведь. Во-первых, он был гораздо больше нее, во-вторых, не был надлежащим образом зарегистрирован.

К счастью, когда прибыли мы с Белым Медведем, эра любви к животным еще не закончилась. Швейцар Смитти, работающий в отеле бог знает с каких пор, открыл дверь автомобиля.

- Хелло, мистер Эмори, - сказал он. - Что вы на этот раз привезли с собой? - Он заглянул в сумку. - О! Просто кот!

Я понял Смитти. Когда я был в отеле в прошлый раз, на праздновании юбилея нашего Фонда, со мной приезжал гепард.

Добравшись до номера, я проверил сетки на окнах и выпустил Белого Медведя из сумки. Я предполагал, что он по крайней мере обежит номер, радуясь, что мы наконец-то у себя. Но вместо этого произошло то, о чем меня предупреждали, - кот проявлял тотальную подозрительность. Сидя на одном месте, он крутил головой, как сова. Напрасно я объяснял ему, что здесь не затаились враги, - им просто не по карману здешние цены. Но кот явно утратил ко мне всякое доверие.

Некоторое время он сидел неподвижно. Тогда я, немного выждав, поднял его на подоконник. Я повернул его голову в сторону калифорнийской растительности, прелестных розовых бунгало, очаровательных фонтанов и даже теннисного корта внизу. Ему все было безразлично. Только разок он сморщил носик, когда, я думаю, наконец почувствовал особенный запах Калифорнии, - и, не желая больше смотреть в окно, слетел с подоконника. Потом осторожно и медленно начал обследование окружающего пространства. Его хвост не подавал никаких сигналов, он практически слился с телом, кот распластался на полу, он почти полз, совершая свою разведку.

Я решил побранить его. Нет ни малейшей необходимости, сказал я ему, ползать по полу, как раздавленный жук. Он, конечно, не обращал на меня внимания. Когда же наконец убедился, что в комнате нет врагов, сделал именно то, о чем меня предупреждали. Кот начал напряженно вслушиваться в звуки, доносившиеся из коридора, а их, к несчастью, было много. Время от времени, когда снаружи раздавались звуки, убедительно свидетельствующие о какой-либо деятельности, например гудение пылесоса, он оборачивался и смотрел на меня. Ты что, собираешься вот так сидеть здесь или что-нибудь сделаешь с этим? Ты мне друг или нет? Зачем ты привез меня в это логово порока?

Чтобы отвлечь его, я распаковал еду, приготовил ее и подал ему вместе с чашкой воды. Когда я это сделал, он снова взглянул равнодушно - сначала на еду, потом на воду, потом на меня. Совершенно очевидно, у него не было ни малейшего желания ни есть, ни пить. Неужели, мрачно подумал я, это продолжение голодовки, о которой я был предупрежден и которую он затеял еще в самолете? Мне не верилось, что он так со мной поступит. Но уж не настолько я отказался в это поверить, чтобы не пойти на крайние меры. Я придинул чашку и просто влил ему в рот немного воды. Его взгляд сказал мне все, что он почувствовал. Итак, теперь, говорил он, очнувшись от шока, ты собираешься меня утопить. Я сказал ему, что у меня не было такого намерения, - он может не есть сколько угодно долго, но не пить - нельзя. Даже Ганди, напомнил я ему, пил воду во время своей голодовки. И с этим я указал ему на воду и дал ему понять, что, если он не будет пить сам, я снова начну его пить.

Удивительно, он попил, правда, совсем немножко. Ну, теперь, поскольку я одержал маленькую победу, я сам мог выпить. Тут я без промедления отнес его еду и воду в ванную, поставил туда подносик и потом отнес в ванную его самого. Я собрался уйти, когда он снова посмотрел на меня.

Это был очень выразительный взгляд. Это был взгляд босса, которым тот смотрит на своего подчиненного, уходящего с работы в четыре тридцать. Эти глаза вопрошали со всей серьезностью: неужели я собираюсь оставить его в тюрьме, в таком месте, откуда он даже не может охранять входную дверь? Похоже на то, что я окончательно рехнулся.

Я отказался от объяснений. Его позиция, сказал я ему, просто не заслуживает обсуждения, и то место, куда я его поместил, вовсе не тюрьма. В конце концов, тут есть открытое окно, из которого даже через сетку он может разглядывать пейзаж, и к тому же здесь есть телефон. Он снова посмотрел на меня, а потом на пол. И где же тут он может прилечь?

Конечно, не на голом холодном полу? Я решил уступить в малом и подошел к коврику в ванне. Вот здесь, сказал я. И с этим закрыл за собой дверь.

«Айяу!» - сказал он, вложив в это всю страсть. В самом деле, это был пронзительный звук, думаю, он был слышен даже внизу, на теннисном корте. Но меня это не поколебало. Я взял лист бумаги со стола и сделал то, что предлагают делать авторы всех книжек про путешествия с котами: обеспечил двойную защиту. Табличку «Не беспокоить!» я поместил на входной двери. И, что гораздо важнее, на двери в ванную я прикрепил лист бумаги. Я написал: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ЭТУ ДВЕРЬ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. ВНУТРИ ЗЛАЯ СОБАКА».

Пока мы жили в отеле в Беверли-хиллз, Белый Медведь все-таки познакомился с кинозвездой, и так это удачно получилось, что встреча оказалась приятной для обоих.

Звездой был Кэри Грант. Я был знаком с ним уже несколько лет и случайно встретил его в тот раз в Беверли-хиллз.

Я пригласил его выпить со мной в баре отеля, где, я надеялся, не появятся охотники за автографами. Но, рассчитывая на это, я не принял во внимание необычайную популярность мистера Гранта. Только мы уселись, как тут же три человека встали из-за столиков, подошли к нам и устроились рядом. В этой ситуации я предложил Кэри продолжить у меня в номере. И, таким образом, Белый Медведь впервые встретился с кинозвездой.

По дороге Кэри сказал, что он всегда был собачником и думал, что люди, которые любят котов, - слегка «помешанные», по его определению. Мы вошли в комнату, Кэри уселся, а я пошел в ванную, чтобы освободить Белого Медведя. И тут случилось чудо: Белый Медведь пряником направился к Кэри и вспрыгнул к нему на колени. Я, естественно, сказал Кэри то, что обычно говорят все владельцы домашних животных, однако в данном случае я сказал правду: впервые вижу, чтобы Белый Медведь так вел себя с незнакомцем.

Кэри, поглаживая Белого Медведя, начал расспрашивать меня о котах. Он хотел узнать, например, правда ли, что котов обычно любят женщины, а мужчины предпочитают собак. Я ответил, что существует такая теория, но, видимо, ситуация меняется - с этими словами я показал на самого Кэри с котом на коленях. Еще он спросил меня, действительно ли коты более дружелюбны, чем кошки. Я сказал, что, думаю, это тоже верно, - доказательство перед ним, но, скорее всего, это только теория. «Если задуматься, то все так же, как и у людей, - усмехнулся Кэри, - правда?»

В конце жизни Кэри держал котов, и, хотя факт объясняют тем,

что жена Кэри Барбара была кошатница, я всегда думал, что в этом есть и заслуга Белого Медведя.

8. Оздоровительная программа

Мы с Белым Медведем совершенно по-разному ведем себя во время болезни. Когда я болен, я требую внимания. Я требую его в любое время суток. Кроме того, я желаю, чтобы каждый, кто находится в пределах досягаемости моих вздохов и стонов, а я их широко варьирую, знал, что я не только нахожусь на пороге смерти, но что мой случай - самый тяжелый из всех случаев всех болезней от сотворения мира.

Если, например, у меня легкая простуда, то я желаю, чтобы близкие застыли у моего ложа в почтительном молчании. Тех, кто неважно слышит, я прошу подвинуться поближе, а тех, у кого плохая память, я прошу взять блокнот, карандаш и таким образом донести до потомства все, что, хрипло и учащенно дыша, я хотел сказать в свой последний час. Так я выкажу свою любовь ко всем собравшимся и потом объявлю свою Последнюю Волю. В ней я намереваюсь дать инструкции по поводу того, как им жить, когда меня уже не будет и никто не сможет помочь им советом.

Если же мое состояние улучшается, то я снова собираю всех, чтобы объяснить им, как героически я держался во время кризиса. В ответ на это близкие должны сказать, что я был великолепен, преодолевая все трудности болезни, а их охватывало отчаяние при мысли, что они близки к тому, чтобы потерять меня. В это время я люблю предупредить, что в период моего выздоровления все они должны быть постоянно, круглые сутки, у телефона и в полной готовности доставить мне (в двойном количестве) то, что мне больше всего нужно в данный момент - еду, питье, книги и журналы, шахматиста или шахматный компьютер. И конечно, Белого Медведя.

По контрасту со мной Белый Медведь, заболев, живет по другому сценарию. Он против любого, даже моего, внимания к его персоне. Он страдает не столько от болезни, сколько от этого внимания. Он хочет быть один, он хочет быть совершенно один.

Нечего и говорить, что мне с самого начала это не нравилось. Его желание уединиться вызывало в памяти истории о кладбищах слонов и о животных, умирающих в одиночестве. От всего этого я хандрил, будучи уверен, что если немедленно чего-нибудь не сделаю, то все плохо кончится.

Чаще всего после осмотра ветеринара коту выписывали таблетки. Это было плохо. Это было настолько плохо, что следовало бы переписать предыдущий абзац, потому что для Белого Медведя таблетки были хуже, чем внимание к нему во время болезни.

Я хорошо помню тот первый случай, когда я должен был дать коту лекарство. Это произошло в конце февраля, вскоре после моего возвращения из Калифорнии.

Прежде чем приступить к такой важной процедуре, как дать Белому Медведю пилюлю, я решил проконсультироваться со специалистами. Мне не хотелось беспокоить доктора Томпсон. Удивительно, но я нашел массу статей по этой теме. И это я расценил как плохой знак. Но, тем не менее, принялся за чтение.

Мне понравилась статья Сьюзан Эстерли «Как дать таблетку вашему коту». Понравилась она по той причине, что была адресована тем, у кого, как и у меня, был кот «независимого типа». Такого кота автор определяла как «не имеющего склонность делать то, что хотелось бы вам».

Разумеется, подумал я, это относится к Белому Медведю, и немедленно приступил к изучению статьи. «Во-первых, - писала мисс Эстерли, - не подходите к коту с жалким чувством страха. Думайте о чем-то положительном и держите пилюлю наготове».

Это были слова бойца. Я точно не выкажу страха, тем более «жалкого

страха». Белый Медведь не увидит по моим глазам, какая серьезная операция нам предстоит. А насчет позитивных мыслей, то в первый раз, когда я собирался дать коту лекарство, мои мысли были такими позитивными, что я мог бы скормить пилюлю и леопарду. И таблетка, спрятанная под безымянным пальцем левой руки - так, чтобы он мог видеть остальные пальцы, была именно там, где должна быть.

Трудность заключалась в том, что мысли Белого Медведя были далеки от положительных. Они были абсолютно негативны. Он, казалось, знал, что у меня не только что-то спрятано, но, что бы это ни было, это не то, с чем он хотел иметь дело. И более того, каким-то образом он знал о таблетке. Его глаза были прикованы к тому, что я, по-моему, очень ловко спрятал.

Тут я решил не форсировать события и снова вернулся к мисс Эстерли. Я был уверен, что она даст мудрый совет, как выйти из такого трудного положения. И оказался прав. Беда была только в том, что ее рекомендации очень напоминали другие советы по этому поводу, как, если вы помните, было в случае с мытьем кота.

«Заверните кота в большое полотенце, - писала мисс Эстерли, - оставив снаружи только голову. Это обезопасит вас от его когтей». Я был готов пролить кровь в разумных количествах, но вовсе не надеялся завернуть кота в полотенце. И, прижав его в угол, тут же понял, что и он этого не захочет. Тем не менее я решил в дальнейшем следовать советам мисс Эстерли.

«Держите кота на коленях, прямо перед собой, рукой, согнутой в локте. Это освободит ваши руки».

В связи с тем что согнутая в локте рука была ограничена в движениях, а в другой руке у меня была таблетка, моим рукам трудно было оставаться свободными, но я старался. Уверен, что советы мисс Эстерли были применимы к ее коту, хотя не могу отделаться от мысли, что, наверное, он был очень маленьkim, очень старым и очень больным, если вообще был жив к тому времени, когда она проделывала эту процедуру. Или, возможно, у нее был черный пояс по карате. Так или иначе, но ее предложения не годились в случае с моим котом. Он вылетал из полотенца, как стрелка из пневматического ружья.

Однако я никогда не бросаю начатого. Я снова поймал кота и укутал его в полотенце. В этот раз, вместо того чтобы держать его в изящно согнутой руке, я зажал его в такие тиски, что выдавил из него наиболее зловещее «айяу» из всех, когда-либо слышанных мною. Я сделал вид, конечно, что ничего не понял, продолжая читать статью, которую держал в полу согнутой руке.

«Положите руку на голову коту, - решительно продолжала мисс Эстерли, несомненно, имея в виду третью руку, - и используйте большой и указательный пальцы, чтобы охватить углы челюстей кота. Надавите слегка на них, и это заставит кота открыть рот».

Еще раз я поступил, как советовала мисс Эстерли, используя согнутую в локте руку. Сначала, как она и предлагала, я нажал легко. Затем нажал сильнее, в конце концов я нажал так сильно, что мог бы открыть пасть крокодила. Проблема состояла в том, что рот не открывался.

Без особого желания я решил видоизменить совет мисс Эстерли. Используя указательный палец как шило, я проложил им путь во рту кота, пройдя за его зубы. И конечно, кот сделал то, что и должен был сделать, - он меня укусил.

- Давай-давай, - сказал я ему, - кусай руку, ешь ее, руку, которая делает тебе добро. - И с этими словами я просунул таблетку поглубже.

«Немедленно закройте его рот, - читал я в инструкции, - погладьте его горлышко, и естественный процесс глотания не оставит сомнений в том, что таблетка принята».

Я хорошенько погладил его по горлышку. И в тот момент, когда я поздравлял себя с великолепно завершенной работой, что-то ударило меня между глаз. Ну, не точно между глаз, а по носу, и скатилось на пол.

Это, конечно, была таблетка. Возможно, некоторые коты «не успели бы даже осознать», как уверяет мисс Эстерли, что они «проглатывают пилюлю», но Белый Медведь был не из их числа. В результате он, сверкнув глазами, еще раз выпрыгнул из полотенца и улегся на полу, зализывая воображаемые раны. Время от времени, однако, он бросал на меня выразительные взгляды, словно спрашивая: «Неужели ты так глуп, что собираешься начать следующий раунд?» В ответ я уставился на него. Как он думает, что я делаю? Неужели у него такая короткая память, что он забыл о моих прошлых триумфах в борьбе с его упрямством?

Я глубоко вздохнул, встал, одним мастерским движением схватил его, завернул в полотенце, открыл его рот и пропихнул туда таблетку. В этот раз, сначала вежливо попросив его, сам закрыл ему рот и гладил, гладил, гладил его горлышко, чтобы уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что таблетка проглочена. Однако, чтобы наверняка удостовериться в том, что таблетка исчезла, я снова открыл его рот и увидел, что таблетки там нет.

Я наблюдал за тем, как он потрусили от меня, зализывая раны, нанесенные его самолюбию. Но я был великодушным победителем! Я подошел к нему, опустился на колени, почесал его за ухом и погладил по

животику.

- Слушай, Белый Медведь, - сказал я ему, - в конце концов, все не так уж и страшно, правда?

Я также сказал ему, что он даже не почувствовал вкуса таблетки. И конечно, он должен понять, что он не может быть и судьей, и присяжным, чтобы определить, что для него лучше. Это могут сделать только два человека - я и ветеринар. Я был великодушным победителем и рад был бы убедиться, что кот - великодушный побежденный. Как раз в тот момент, когда мне в голову пришла эта мысль, краем глаза я увидел какое-то белое пятнышко на ковре. «Нет, - подумал я, - это невозможно». Но оказалось - возможно. Это была таблетка.

Долго я ничего не говорил. Я просто смотрел на таблетку, потом медленно обернулся к нему. Он тоже стал смотреть на таблетку и так же медленно обернулся ко мне. Вне всяких сомнений - он улыбался.

Я поднялся на ноги, постаравшись сделать это со всем возможным достоинством. «Ну хорошо, - подумал я, - если он хочет войны, что ж, он ее получит. Но я предупреждаю, следующая атака начнется тогда, когда он меньше всего будет ее ожидать».

И точно так я и поступил. Я довольно долго выжидал, потому что сообразил, что лучший шанс для успешного нападения может представиться ночью, под покровом темноты. В эту же ночь, после того как он вспрыгнул на мою широченную кровать и разлегся на большей ее части, я дождался, пока он уснул, - и нанес удар. Одним простым, но стремительным движением сел, схватил кота, запихнул таблетку ему в рот и в этот раз не только погладил по горлышку, но сделал все, чтобы он проглотил таблетку. Это было неприятно, но война приятной не бывает.

Дело в том, что он действительно проглотил таблетку, но сказать, что он был в ярости, - значит ничего не сказать. Если коты могут быть мертвенно-бледными, то он был мертвенно-бледным. Он, очевидно, определил мое поведение как величайшее со времен Брута и Цезаря предательство.

На самом пике пилульного кризиса я улетел по делам в Канаду. Вернувшись домой, я нашел Белого Медведя, о котором все это время заботилась Мариан, здоровым и дружелюбным, даже чересчур дружелюбным. Нельзя было не заметить, что он здорово растолстел.

Существует ошибочное мнение, что после кастрации и коты, и собаки немедленно прибавляют в весе. Это, конечно, неправда. Коты и собаки прибавляют в весе только по одной причине - потому что много едят.

В то же время правда, что животные, раньше бывшие бродячими,

часто становятся обжорами. Иначе и быть не может, потому что, голодая в своей бродячей жизни, теперь, попав в дом, они, естественно, рассматривают всякую еду как последнюю и должны съесть ее до крошки. Белый Медведь был именно таким. С другой стороны, к несчастью, Белый Медведь не относился к той категории котов, которым можно положить сколько угодно еды, независимо от того, хотят они есть или нет, и они съедят не слишком много. Белый Медведь рассматривал любую оставленную пищу, неважно, сколько ее там, как нечто, что должно быть уничтожено немедленно.

С самого начала, как только я его спас, если еды было недостаточно, он неуклонно проводил хитрый маневр. Например, я накормил его завтраком и уехал в офис, а он начинал ждать, когда придет уборщица Роза. Тогда он время от времени пытался подвести ее к своей миске, где, он знал это точно, не осталось ни крошки. Там, глядя на Розу, он издавал наиболее жалобное из своих "айяу". Роза, конечно, смотрела на него и его миску и начинала на испанском заботливо успокаивать его. "Pobre gatocito, - причитала она. - Elseñor no te dió desayuno?" [Бедный котенок... Тебя не покормили? (исп.)]. Не сомневаюсь, Белый Медведь отвечал: "No, él no me lo dió" [Нет не покормили (исп.)]. Когда дело касалось еды, его не смущала такая чепуха, как языковой барьер. В любом случае Роза, несомненно, заверяла его: "Pobre Oso Polar, yo te lo voy a dar!" [Бедный Белый Медведь, я дам тебе еды! (исп.)] - и немедленно наполняла его миску до краев. Так, прикончив еду № 1, меньше чем через час Pobre Oso Polar получал еду № 2.

Среди дня появлялась Мариан, и ее встречал бедный заброшенный котик около пустой миски. «Милый! - должно быть, восклицала Мариан. - Разве Роза не покормила тебя?» - «Ни крошки не дала», - врал Белый Медведь и тут же набрасывался на еду № 3.

В конце концов, когда я приезжал домой, он, хорошо осознавая, что я - гораздо более крепкий орешек, чем предыдущие кормильцы, пускался во все тяжкие. Он больше не выгибал спину у пустой миски с печальнейшим «айяу». Скорее мне демонстрировали финал шоу в бродвейском стиле. Сначала он метался у входа в кухню, и я слышал не громкое «айяу», а душераздирающую вариацию горлового пения. Если он не достигал результата с этим номером, что по моей природной подозрительности чаще всего и случалось, то дальше следовало то, что я могу описать как трагические завывания в Гранд-опера, производимые с закинутой назад головой, выпяченной вперед грудью и, в лучших оперных традициях, нацеленные на самое последнее место самого последнего ряда пятого яруса.

Когда же и это не действовало, он выкладывал последнюю карту. Это была серия безмолвных, но вполне понятных разоблачительных обращений. Например, действующее во всех случаях «Если тебе все равно, то и мне тоже». Другое, более специфическое: «Неужели твое воображение так ограничено, что ты даже не можешь представить себе, что происходит со мной, когда я все время голоден?» Понятно, что этому было особенно трудно сопротивляться, тем более что я действительно не был уверен, кормили его Роза и Мариан или нет, - вот это он очень хорошо понимал, - и очень часто я поддавался на его искусную провокацию. И конечно, выдавалась еда № 4. К концу дня он получал то, что я называл «самая поздняя закуска», и это становилось едой № 5.

Глядя на кота, я понял, что пора бить тревогу, и немедленно. В одно памятное субботнее утро я занялся этим. Во-первых, я поднес его к окну и поднял так, чтобы он мог смотреть вниз на всех этих людей в парке, которые бегали, прыгали и просто прогуливались. Я спросил его, знает ли он, что они делают. Он, конечно, не знал, потому что, как я мог понять по направлению его взгляда, он вовсе не обращал на них внимания. Как обычно, когда он был у окна, его взгляд был прикован к голубям.

Меня это рассердило, я сказал ему, что мне понятен его интерес к орнитологии и я знаю, что он заядлый наблюдатель, но не мог бы он хотя бы иногда обращать внимание и на людей? Нет. Не мог бы. Тогда я просто повернул его голову и еще раз спросил: как он думает, чем занимаются все эти люди? Не считает ли он, что они бегают, прыгают и прогуливаются для собственного удовольствия? Конечно нет, ответил я сам. Все это делается для того, чтобы быть в хорошей физической форме.

Воодушевленный задачей, поставленной перед собой, я продолжал. Почему нынче многие люди взялись подсчитывать калории? Потому что вокруг очень много вкусных вещей, напитков и сладостей. И весь мир, сказал я ему, решительно сел на диету. И диета существует не только для людей, а и для животных тоже. И для голубей, и для котов, и я буду рад познакомить его с одной из них.

Далее, продолжал я, это делается вовсе не для того, чтобы стать более привлекательным для противоположного пола. (Я не собирался задерживаться на этой теме в связи с его операцией.) Делается это для себя, просто хочется быть здоровым, хорошо выглядеть и дольше жить полноценной и счастливой жизнью. Я достиг заключительной части моей речи и начал говорить громче. Даже если он ничего не понял, я хочу, чтобы он усвоил одну вещь: Толстый - это Плохо, а Тонкий - это Хорошо. С этими словами я повернул его голову к себе и выстрелил в него вопросом: Хочет

ли Он Быть Последним Самым Жирным Котом во Всем Мире?

Он не отвечал, и я знал почему. Он не любил, когда говорили громким голосом, особенно если при этом его подвергали критике. Но я решил расценить его молчание как знак того, что он не хочет быть последним жирным котом во всем мире. Итак, бодро заключил я, не может быть двух мнений на этот счет - он должен решиться на диету. И, чтобы у него не возникло никаких сомнений, повторил: «Диета, диета».

Конечно, с самого начала я знал, что кота не трогает моя идея. Но я решился. Никаких поблажек со стороны Розы и Мариан. Никаких полных мисок с едой - только маленькие порции. Увеличить интервалы между кормлениями. Я также продумал линию поведения на случай, если он начнет возражать против моих действий. Во-первых, нечего стыдиться. Все, и люди, и коты, склонны к полноте, когда становятся старше или просто взрослеют. Во-вторых, я сам иногда подумываю сесть на диету. И тут я решил рассказать ему историю, которая убедила меня в пользу диеты.

Это произошло за несколько месяцев до его появления у меня. Как-то мне понадобилось зайти в мужской магазин в Нью-Йорке. Меня туда направила Мариан, и я там иногда покупал новые костюмы. Он назывался «Великие люди» и рекламировал себя в качестве магазина одежды для «крупных и высоких». Там со мной произошел отвратительный случай. Однажды я зашел в тот момент, когда мой продавец был чрезвычайно занят, и меня стал обслуживать новичок, который не задумываясь повел меня в секцию, обозначенную словом «Полные».

Я пришел в ярость: ненавижу слово «полные», это одно из старомодных слов, которые меня раздражают, и я выразил свои чувства этому молодому ничтожеству. Он занервничал и стал объяснять мне, что магазин употребляет слово «полные», чтобы обозначить более худых покупателей, в сравнении с теми, кто одевается в секции «Тучные».

Конечно, я немного успокоился, я не стал бы сидеть на диете только в связи с той неприятной историей, но готов делать это за компанию с ним, Белым Медведем. На меня ложится самая трудная часть работы - исследования и подсчет калорий. А ему достанется самое легкое - просто не есть. Я подчеркнул, что всегда был убежден в пользе диет. Однако экспериментальным путем определил, что мне гораздо полезнее о них читать, чем соблюдать.

Начиная с этой субботы я почувствовал, что мы наконец пришли к некоторому взаимопониманию. Я немедленно урезал его порции и потребовал от Розы, чтобы она не поддавалась на его провокации и не кормила его. С Мариан было сложнее. Она с трудом подчинялась моим

требованиям и, несмотря на просьбы, всегда давала ему, как она это называла, «совсем капельку». Однажды, отчаявшись, я сказал, что если она не прекратит это, то, когда я буду у нее в гостях, сделаю то, чего она никогда не делает, - состригу когти у ее кота.

К сожалению, с диетой Белого Медведя ничего не получалось. Маленькие порции или большие порции - скоро стало совершенно ясно, что мы не выигрываем, а проигрываем диетическую войну. Белый Медведь по-прежнему прибавлял в весе, не думая о будущем, которого может и не быть, строго напомнил я ему, если он отказывается худеть. Нужно было принимать более суровые меры.

Вот что я решил сделать - посадить его на специальную диету для котов. Здесь сражение началось сразу же, с первой консервной банки. Белому Медведю не понравился ее вид уже в тот момент, когда я ее открывал. В этом не было вины производителя консервов. Как я уже говорил, Белый Медведь не любил новшеств, тем более ему не могла понравиться новая еда.

Я нарочно решил провести эти испытания в уикенд, когда я целый день дома. И правильно сделал. В то субботнее утро он не притронулся к новой еде, хотя я точно знал: он был очень голоден. Ну хорошо, подумал я, если он хочет вести жесткую игру, я тоже буду жесток. И сразу же убрал миску. Но при этом рассказал коту, что, когда я был маленьким мальчиком, я должен был съедать все, что лежало у меня на тарелке. В противном случае тарелку с недоеденным блюдом уносили и приносили снова перед следующей едой, и, пока я не съедал все до конца, мне не давали ничего другого. И Белому Медведю надо усвоить этот урок, потому что именно так я буду поступать теперь с ним.

В субботний полдень я снова поставил ту же миску. Опять ничего. Еще раз я ее забрал.

Всю середину дня я провел, слушая кошачий концерт. Я не обращал на это никакого внимания.

В третий раз я повторил весь процесс. Но и в третий раз он был тверд, как скала. Тогда, перед тем как убрать миску, я в отчаянии, прямо у него на глазах, засунул палец в еду, облизал его и посмотрел на него с сияющей улыбкой.

- Ммммм, - сказал я, - изумительно!

Он внимательно наблюдал за мной с выражением лица средневекового монарха, у которого есть подозрения, что блюдо, которое пробует его слуга, отравлено.

Я игнорировал эти взгляды и держался той же линии поведения. Даже

перед сном я принес ему ту же диетическую пищу и сказал, что ничего, кроме этого, не будет. И опять никакого результата. В эту ночь мне достался непрерывный раскатистый шквал «айяу». И когда я, несмотря ни на что, попытался уснуть, кот начал метаться по кровати, пока не разбудил меня.»

На следующее утро, спустя двадцать четыре часа, как он ел последний раз и все еще отказывался съесть хоть бы кусочек, я стал волноваться. Но я знал, что у меня есть только два варианта - или храбро стоять на своем, или малодушно капитулировать. Я смело прошагал к холодильнику. Однако в этот раз, как только я вытащил миску с той же едой, прежде, чем я успел поставить ее перед котом, он издал невероятно пронзительное «айяу». И вот тут я хочу кое-что прояснить по поводу нашего сражения: я не сдался, а он не выиграл. Случилось так, что, когда он издал это «айяу», я внимательно посмотрел на миску и решил, что, может быть, еда уже испортилась и, если я заставлю ее съесть, он действительно может заболеть. Эта, и только эта причина явилась основанием для отказа от кошачьей диетической пищи и возвращения к обычной нормальной еде. Но сказать, что он победил, или как-то по-другому интерпретировать мои действия - это значит исказить факты. Ведь это я, а не он принял решение.

Я поступил, как всегда, правильно, потому что при всей многогранности программ по оздоровлению, как только вы начинаете внимательно их изучать, вы понимаете, что диета - лишь одна из граней. Так же важны упражнения. Диета без упражнений, я всегда это говорил, только половина диеты. Я сам, например, не только иногда отказываю себе в десерте, но каждый уикенд, если, конечно, позволяет погода, вывожу велосипед и езжу на нем, пока не устану. За десять минут я доезжаю до шахматного клуба, расположенного в Центральном парке, и, проведя там несколько часов, быстро возвращаюсь домой. Меня устраивает эта программа не из-за суетного желания влезть в старую армейскую форму - я лишен этих нелепых амбиций, - а из-за намерения поддерживать себя в хорошем физическом и умственном состоянии.

В противоположность мне Белый Медведь был просто лежебокой.

И так как он явно ничего не хотел менять в своей жизни, эти изменения должен был осуществить я. Поскольку он не был одержим шахматами, я придумал для него другие игры. Во-первых, достал все мячики и другие круглые игрушки. Затем прямо в гостиной, кидая их одну за другой, я предлагал ему, конечно, не найти и подать мне - это было бы слишком унизительно для него, слишком по-собачьи, нет, нет, - я хотел, чтобы он просто побегал за ними. Потом в спальню, перед тем как улечься спать, я запихивал его под одеяло или простыню и тыкал в него пальцем, а

в конце шлепал по его толстому животу. Тогда он, становясь на все четыре лапы, кусал обидевший его палец и переходил в наступление. Он выскакивал из-под одеяла с огнем в глазах и с мыслями о нанесении мне какого-нибудьувечья. Он кидался на меня, мы оказывались на коврике у кровати, и начиналась борьба, не чета той, что вам показывают по телевизору. Когда я укладывал его на обе лопатки, он не поднимался, надеясь сделать это, если я ослаблю хватку, и как только я чуть отпускал руки, все начиналось снова. Если я держал его передние лапы, он пускал в ход резервы, то есть задние лапы, и очень успешно дубасил меня этими когтистыми граблями.

В конце концов после моего очередного вопля он вставал и как триумфатор устраивал обход всей квартиры. Все это было прекрасным решением проблемы оздоровления и, уж конечно, куда более успешным, чем всякие диеты. Для меня же эти упражнения вовсе не равнялись поездке в парк, о чем свидетельствовали расцарапанные в кровь руки. И однажды ночью, когда я наблюдал за его победным шествием, думая о том, что все это значит для меня, я осознал, что ему действительно необходима прогулка в парке.

Упражнений дома, как бы они ни были приятны, было явно недостаточно. Коты, конечно, не собаки, но, по-моему, просто нелепо считать, что нельзя прогуляться с котом. Безусловно, можно - при наличии воли и дисциплины, а также редкой комбинации знаний и упорства, что всегда было отличительной чертой моих отношений с Белым Медведем.

Я провел свои обычные исследования, и вскоре операция по выгуливанию кота стала моим главным делом. Во-первых, я раздобыл подходящую сбрую. Потом, после того как разобрался в ней, засунул в эту амуницию кота - а это проще сказать, чем сделать. Потом я попытался превратить все в игру с тем, что если уж он и не подружится со всем этим снаряжением, то по крайней мере согласится терпеть его на себе.

Наконец я был готов попрактиковаться дома. Я стоял, держа поводок, и терпеливо ждал, куда кот решит пойти. К сожалению, он не хотел идти никуда. Он просто припал к полу и, угрожающе молотя хвостом, смотрел на меня. Его взгляд говорил мне: «Итак, теперь я должен жить в смирительной рубашке?» Я сказал ему, что этот вопрос не заслуживает серьезного ответа. Он, как обычно, сделал из муhi слона - и может идти куда пожелает. С этими словами я чуть ослабил поводок в надежде на то, что кот, хотя бы из уважения ко мне, сделает один-два шага. Но ничего не произошло. В результате я сам сделал намек на движение в его любимом направлении, в то же время спрашивая его, не хочет ли он пройтись в

кухню.

В тот момент, когда я произносил слово «кухня», он вскочил. Я знал, что вслед за этим он, крича, потребует еды - без меня, без поводка и всей этой сбруи, из которой он, как-то соединив передние и задние лапы, неожиданно выпрыгнул.

Теперь ничего не оставалось, как дать ему поесть, что вряд ли соответствовало оздоровительной программе. Я понял, что нужно заняться усовершенствованием снаряжения.

В результате я смастерили такую сбрую, что сам фокусник Гудини не смог бы выбраться из нее. Но опять я стоял, ждал, а он не двигался. За все время нашей домашней тренировки он пошевелился только два раза. Один раз, когда зазвонил телефон, - он предпочитал, чтобы звонок замолкал как можно быстрее, и во второй раз, когда раздался звонок у двери и появился знакомый шахматист. Тут я решил закончить нашу тренировку.

После того как шахматист ушел, я предположил, что, возможно, домашняя практика - это просто пустая трата времени. Пожалуй, не было смысла заставлять его ходить по дому, пора было двинуться на улицу.

Я взял кота и пошел к лифту. Вместе с нами спускалась дама, и, когда я поставил кота на пол, она поинтересовалась:

- О, вы прогуливаете его. Я не знала, что котов прогуливают. Как вам удалось запихнуть его во все это?

- Опыт, - сказал я ей, - и настойчивость - но это было нелегко.

После, когда лифт остановился, я задумался о том, как будет выглядеть наш проход через холл. Об этом же думал, конечно, и Белый Медведь. И пока мы обсуждали проблему, лифт, естественно, пошел снова вверх, в этот раз мы прокатились до самого верхнего этажа, где нас встретил мой знакомый.

- Ну и ну! - сказал он. - Кот на прогулке! Я и не знал, что такое возможно.

В этот раз, как только лифт остановился на первом этаже, я схватил Белого Медведя, пронес его через холл, потом перешел улицу и направился прямо в Центральный парк. Там, после тщательной проверки его сбруи, я осторожно опустил кота на землю.

Должен сказать, его все заинтересовало - в особенности птицы, собаки и белки, и, хотя у меня было впечатление, что последних он воспринимает как лазающих по деревьям мышей, наконец я почувствовал, что он начнет двигаться. Однако, рассматривая все вокруг, он отказывался сделать хотя бы шаг. Я стоял и ждал, стоял и ждал. Он мог бы хоть немножко подвигаться, думал я, почти засыпая.

Вдруг позади раздался громкий лай. Я обернулся и увидел, как прямо на нас несется афганская борзая. В тот момент мне показалось, что это самая большая собака из всех когда-либо встречавшихся мне. Я прыгнул к Белому Медведю, и в этот миг ощутил сильнейший удар, который сделал бы честь взрослому мужчине.

И тут же все трое, афганец, Белый Медведь и я, свалились кучей на землю. Когда я попытался встать, все еще защищая Белого Медведя, подбежала молодая леди с поводком в руке. Не обращая внимания на меня, она кинулась прямо к собаке.

- Бедный Альфи, - воскликнула она. Затем, надев на пса ошейник, она обернулась ко мне, еще не замечая Белого Медведя. - Я видела, что вы сделали. Вы напали на мою собаку. Вы должны...

Она остановилась, потому что в этот момент увидела вцепившегося в мое плечо шипящего кота.

- О! - воскликнула она. - Кот! Альфи ненавидит котов!

Я попытался обратить ее внимание на то, что, если она могла заметить, Белый Медведь тоже не жалует афганцев. Молодая леди игнорировала мои замечания и продолжала строго меня отчитывать, говоря, что только идиоты выгуливают своих котов где им заблагорассудится. Особенно в Центральном парке.

Я протестовал, доказывая, что Белый Медведь все-таки был на поводке, тогда как ее Альфи - без поводка, и что во всем случившемся нет моей вины. Однако я понял, что разговор не имеет смысла, и, крепко прижимая кота, удалился, всем своим видом демонстрируя убежденность в своей правоте.

Мы отошли совсем недалеко, когда мне показалось, что Белый Медведь уже успокоился. Теперь я выбрал место, которое хорошо просматривалось и где не было видно ни одной собаки. Только там я решился спустить кота на землю.

И снова мне пришлось долго ждать, опять я чуть не заснул. Вдруг, выдернув поводок из моих рук, Белый Медведь пулей полетел над травой. Окаменев, я следил, как он несется к белке. Когда я наконец очнулся, то довольно далеко впереди увидел белку, которая взбиралась на дерево, карабкавшегося за ней Белого Медведя и поводок, свисавший у него за спиной. Было очевидно, что поводок обязательно зацепится за какой-нибудь сучок или за ветку, и Белый Медведь погибнет, повиснув прямо у меня над головой.

Удивительно, но поводок не зацепился, и только потому, что белка, к счастью, быстро развернулась на ветке. Белый Медведь тоже развернулся, и

поводок теперь не волочился за ним, а свесился между ветвей. Но ветка, на которую перепрыгнула белка, была такой тонкой, что могла выдержать только белку, а не Белого Медведя.

И все-таки это было лучше, чем если бы кот повис на поводке, хотя он все равно должен был упасть, притом с большой высоты. Вдруг белка побежала по ветке. В тот миг, когда она пробегала над Белым Медведем, он повернулся и, не дотянувшись до нее, потерял равновесие. Кот стал падать, и я бросился вперед. Хотя я всегда считал себя лучшим на свете ловильщиком, должен признать: в данном случае я поймал кота благодаря везению, а не мастерству.

Я долго стоял на коленях, прижав к себе кота. Потом ласково сказал ему, что, пожалуй, пора идти домой. Он явно был со мной согласен. Я нес его домой и думал, что, вероятно, это наша первая, но и последняя прогулка с поводком. Но ни кот, ни я в этом не виноваты. Виной всему некие непредвиденные обстоятельства. Было очень похоже на то, как если бы мы побывали в джунглях.

Итак, придира или суровый критик может сказать, что мои программы по диете и физическому развитию потерпели крах. Но, как я уже вам говорил и, возможно, повторю еще не раз, легко я не сдаюсь и не отказываюсь от решения поставленных задач.

Можно было выиграть, проиграть или продолжать. Я решил довести программу по оздоровлению Белого Медведя до конца. И поскольку я так решил, то, чтобы поддержать и его, и себя, была нужна хотя бы маленькая победа. Но я никак не мог придумать, что бы такое нам победить. И вот в один теплый весенний день, стоя на балконе, я провел мозговой штурм.

«Но как, - подумал я (в своих рассуждениях я всегда очень логичен), - как это сделать? Единственный выход - затянуть проволочной сеткой весь балкон, хотя это испортило бы вид».

Обычный изобретатель все так бы и сделал. Но я - не обычный изобретатель. Когда я работаю над изобретением, я разрешаю проблемы поэтапно, как делали все великие изобретатели прошлого. Если не следовать этому методу, ваше изобретение будет далеко от совершенства.

Нет необходимости затягивать сеткой весь балкон, достаточно затянуть только его половину. Решение было идеальным. До совершенства оставался всего шаг. На балкон вела единственная дверь. Если половина балкона с дверью для моего выхода не будет затянута сеткой, то как Белому Медведю выйти на ту половину, которая будет затянута?

Обычного изобретателя смущила бы эта проблема. Но меня это не остановило. Очень важно в изобретательстве умение рассмотреть проблему

со всех сторон. Я так и сделал и принял решение: кот может выходить на свою половину балкона из окна спальни.

И так постепенно я преодолел все трудности. Дело было за малым. Кто же выполнит всю эту работу?

Я мог бы стать великим изобретателем, даже, возможно, великим архитектором, хотя до сих пор не выступал на этом поприще, но мастерить я не умею. К тому же, если хотите знать правду, я не транжира. И разумеется, не собирался тратить деньги на проволочную сетку, черепицу и прочее. Для чего? По такому пустяковому поводу?

Нет уж, спасибо, это не по мне. Но как раз на следующий день ко мне пришел слесарь, чтобы вставить новый, надежный замок. Мне его порекомендовали друзья.

Наблюдая за работой слесаря, я начал его нахваливать, правда, не особенно горячо. Я просто сказал ему, что он хорошо работает и что человек с его талантом способен смастерить что угодно. Но не надоело ли ему заниматься только замками?

Слесарь выжидающе посмотрел на меня. Я чуть отступил. Я сказал, что просто подумал о небольшой работе, достойной его способностей и умения. Теперь этот человек принадлежал мне с головы до ног. На следующее утро он явился в точно назначенное время. Он привез несколько ярдов сетки, доски, гвозди и всевозможные инструменты. И теперь у Белого Медведя был свой балкон.

Как это случается ранней весной, ночью пошел снег. Это был один из тех редких, но сильных снегопадов, которые иногда укрывают город в конце марта. Я понимал, конечно, что должен повременить с освоением балкона, - там было, по крайней мере, дюймов на пять снега, но Белый Медведь не желал ждать. Он стоял на подоконнике и колотил головой по стеклу, требуя открыть окно.

Я пытался предостеречь его, но все мои возражения были бесполезны, и тогда, как это у нас повелось, я разрешил ему выйти. Я открыл окно, и он выпрыгнул вниз, на балкон. Он провалился в снег по самое брюшко, тут же замерз, но с места не двинулся. Медленно повернув голову и посмотрев на меня. «Ну, - говорил его взгляд, - на этот раз ты оказался прав!»

Естественно, я воспринял это как комплимент - несомненно, теперь он почувствовал, что я, как главный, отвечаю за все, даже за погоду. Через некоторое время погода улучшилась, и балкон стал доставлять ему огромное удовольствие - он мог в полной безопасности пристать к полу или носиться по кругу, как бы охотясь за голубями. Удивительно, но все это нравилось и голубям. Быстро сообразив, что кот не может их схватить, они

стали ворковать и щебетать перед ним, прогуливаясь по крыше и радуясь жизни.

Кроме того, что балкон представлял собой забавный аттракцион, его существование позволяло мне посмотреть шире на некую проблему. Это касалось людей, живущих за городом и обычно позволяющих своим котам гулять на свободе. Но не только котам часто грозит смертельная опасность от собак или автомобилистов, они и сами представляют опасность для живущих поблизости птиц. Ни один владелец кота не должен нарушать права соседей, которые так же обожают своих птиц, как и он своего любимца. Идеальное решение проблемы - что-то вроде моего балкона - достаточно большое огороженное пространство для прогулок, которое заканчивается, скажем, кошачьей дверью в кухню. Кот мог бы тогда гулять и быть в безопасности, и птицам ничего не угрожало бы.

Я так утвердился в актуальности моей теории, что даже подумал, не взять ли мне патент, я стал мечтать о том, как я сижу и наблюдаю за такими кошачьими прогулками по всей стране. Да, кстати, и небольшой гонорар был бы кстати: половину Белому Медведю, а половину мне.

9. Его внешняя политика

Внешняя политика Белого Медведя, как и внешняя политика наших президентов, оставляла желать лучшего. На домашнем фронте у него были подъемы и спады, но даже когда шла полоса невезения, он легко это переносил. Он не был самым смышленым котом на свете, но отличался редкостным обаянием и талантом общения - не только при помощи хвоста, но и при помощи улыбки, совмещавшей в себе улыбки всех знаменитых котов - Морриса, Гарфилда и Чeshireского кота.

Однако его замечательные качества, которые были так полезны дома, во внешней политике были помехой. Не то чтобы ему не нравилось проводить свою собственную внешнюю политику, опять же, как и нашим президентам, - нет, он этого хотел. Ему, скорее, это даже слишком нравилось, и он не желал доверить это дело людям, которые лучше него разбирались во всех нюансах этого искусства. Когда вы окунетесь в тонкости внешней политики, вы или почувствуете, что это такое, или нет. И Белый Медведь оказался совсем бездарным по этой части. Дипломатия как искусство игры с противником, которого вы не любите, но которому

никогда этого не покажете, - что и является основой внешней политики, - была ему скучна. Обычно он вел себя более или менее дипломатично или вовсе игнорировал всякую дипломатию. С другой стороны, в частной жизни он производил такое впечатление, что дома никто, ни друг ни враг, не догадывались, каков он на самом деле.

Сначала опишу его внешнюю политику по отношению к другим животным. Честно говоря, это было ужасно. Уилл Роджерс однажды сказал, что никогда не встречал человека, который ему не нравился бы. При этом я всегда допускал, что у покойного мистера Роджерса был очень ограниченный круг знакомств. Но, так или иначе, Белый Медведь был полной противоположностью мистеру Роджерсу. Не думаю, чтобы мой кот когда-либо встречал животное, которое ему нравилось.

Одни ему не нравились больше, чем другие, это правда. Некоторых он совершенно презирал, а некоторых просто игнорировал. На самом деле только к одному животному кот не испытывал подобных чувств - это к лошади. Он думал, что лошади слишком большие и слишком шумные, и полагал, что, когда они шагают по улицам города, им следовало бы надевать тапочки. Но лошади его не раздражали. Он относился к ним по принципу «живи и давай жить другим».

Иначе дело обстояло с другими животными. Возьмем, например, его внешнюю политику по отношению к собакам. Для огромного количества людей собаки - любимейшие на свете животные. Наиболее фанатичные собачники обожают старинную сентенцию о том, что по-английски слово «собака» (dog) пишется как Бог (God), только наоборот. Независимо от того, как пишется это слово, для Белого Медведя собаки были если и не величайшей ошибкой Бога (это касалось и змей), то они так к этому близки, что разница совсем незначительна. И Белый Медведь переносил свое предубеждение на всех представителей собачьего племени. Даже и на тех, кого никогда в жизни не встречал, исключая встречи по телевизору. Но он не любил их и там, на экране. Мне это не нравилось по двум причинам. Как я уже говорил раньше, до появления Белого Медведя я был собачником. Но была и другая причина. Наш Фонд часто занимался спасением и устройством бродячих животных. Половину из них составляли коты, а другую половину - собаки. До того как бродяжки находили постоянное жилище, они нуждались во временном. Поэтому иногда мы брали этих животных к себе домой.

В общем, должен был наступить момент, когда такой бродяжка появится в моей квартире. С одинаковой вероятностью я мог получить как кошку, так и собаку. Это было как орел и решка. К несчастью, команда

Белого Медведя проиграла. Первым бродягой в моем доме оказался пес.

Женщина, которая должна была привести его ранним субботним утром, сначала позвонила с извинениями. Она знала, что у меня живет кот, но сказала, что просто не может держать собаку, которую нашла ночью, даже до конца дня. У нее уже были три собаки, и, если она взяла бы еще одну, ее просто выгнали бы на улицу - не только хозяин дома, но даже и собственный муж.

Я не мог отказаться. И женщина была абсолютно права в том, что собаке, хотя бы до понедельника, было необходимо временное пристанище.

- Он действительно прекрасный пес, - сказала она.

Когда они появились, я, выходя их встретить, закрыл за собой дверь. Я уже спланировал свою стратегию в отношении Белого Медведя. Она исключала первую встречу кота с порученным мне сокровищем в присутствии этой женщины.

На первый взгляд пес показался мне огромным, особенно по сравнению с Белым Медведем. На самом деле он не был таким уж большим, но, к великому сожалению, это был абсолютно необученный щенок. Вдобавок, несмотря на то что происхождение его было неизвестно, можно было с уверенностью сказать, что он принадлежит к одной из пород охотничьих собак. В то время как, возможно, это самые привлекательные существа, один факт не подлежит сомнению: из всех животных они ближе всего к вечному двигателю. Это тот вид собак, которые не могут просто ходить, они должны или бегать, или прыгать, или скакать. Кстати, эта женщина уже дала псу имя - Скаакун.

Как только женщина успокоила Скаакуна и вручила мне его поводок, я закрыл дверь и пошел, если это можно назвать ходьбой, когда ты ведешь на поводке такого зверя, прямо к себе в спальню. Во время этих перемещений я старался увидеть Белого Медведя.

Я не увидел его, но не сомневался, что, где бы он ни был, он хоть раз на нас глянул.

В тот момент, как я закрыл за собой дверь спальни, Скаакун тут же на нее прыгнул. Однако я не обратил на это внимания и, принеся собаке немного воды, снова закрыл дверь и пошел искать Белого Медведя. Он сидел, как я мог бы догадаться, в камине и, несомненно, по-своему оценивая события, был очень встревожен. Он был до такой степени неподвижен, что выглядел в точности как фигурки животных на каминной полке. Ясно: он был одним из последних защитников Трои, а я был тем греком, который привел Троянского коня.

- Теперь, Белячок, - заговорил я самым фальшиво-искренним голосом,

- мы ничего не можем поделать. Посмотри-ка, - продолжал я. - Ты думаешь, что я привел это создание из какого-то ужасного места. Нет, он просто маленький, - я споткнулся на слове «маленький», - друг. Приятель, - добавил я, - у которого нет дома.

Белый Медведь просто смотрел на меня, пока я пытался объясниться.

- Ну хорошо, - я двинулся дальше. - Возможно, он слегка великоват, но он всего лишь щенок.

Я изо всех сил старался, чтобы кот поверил мне хотя бы отчасти. Я не достиг цели и переменил тактику:

- Во всем, что произошло, не было моей вины. К нам привели собаку, и теперь мы оба должны проявить себя хорошими хозяевами. Скакун - наш гость, и необходимо вести себя так, как вел бы себя каждый, даже не самый добрый человек. В конце концов, мы же не отдаем ему весь дом, а временно предоставляем только часть дома, в чем он так нуждается. И Белый Медведь должен вспомнить, что когда-то он сам был в таком же положении.

В ответ на мои доводы кот перешел к атаке. Он выпрыгнул из камина, помчался к спальне и, чувствуя себя в полной безопасности, начал царапать дверь и издавать воинственное «айяу!». Это, разумеется, так взволновало Скакуна, что он не только в ответ стал царапать дверь, но и громко лаять.

Я знал, что новых собак и старых котов (или наоборот) нельзя оставлять в одном помещении, пока их должным образом не представишь друг другу. Но этого не следует делать до тех пор, пока они, достаточно долго оставаясь в разных помещениях, не осознают, кто их сосед. «Допустим, - уныло размышлял я, - все, что сейчас происходит, и есть осуществление этой идеи, и они привыкают друг к другу, допустим также, что дверь окажется достаточно прочной».

Так или иначе, я позволил коту царапать дверь и мяукать, пока мог это выносить, когда же мое терпение иссякло, я взял кота и отнес его в кухню. Пока он там ел, я приготовил миску собачьей еды для Скакуна и понес ее в спальню. Я полагал, что Белый Медведь слишком занят, чтобы заметить, что я делаю.

Я ошибался. Он поглядывал на меня, отрываясь от еды, что было большой редкостью, и следил за мной с таким выражением, по сравнению с которым его прежнее поведение можно было оценить как вполне дружелюбное. «Теперь, - говорил он, - ты собираешься кормить этого монстра!» По его мнению, совершив более гнусное предательство было невозможно.

После того как Скакун поел, я решил, что настало время для прогулки.

Совершенно игнорируя Белого Медведя, я промаршировал со Скаакуном к двери, остановившись только для того, чтобы достать велосипед из кладовки, и тут же Скаакун, велосипед и я отправились в путь.

Скаакун на удивление хорошо шел на поводке рядом с велосипедом, и, когда мы добрались до шахматных столиков в парке, он вел себя достаточно смирно и даже понравился моим друзьям. К тому времени, когда я возвращался домой, я уже стал испытывать симпатию к женщине, нашедшей временное пристанище для этой собаки. К ночи я решил, что не стоит оставлять Белого Медведя в гостиной, и, подняв его повыше, чтобы можно было не опасаться самого высокого прыжка Скаакуна, поменял их местами. Не скажу, что это была очень спокойная ночь. Однако, несмотря на бесконечное презрительное фырканье и взаимные обвинения из-за двери, все прошло не так уж плохо. Поэтому утром я решил покончить с этим ужасным апартеидом.

Нужна была встреча лицом к лицу, и я так тщательно проработал все ее детали, будто готовил встречу в верхах. Я решил, что должен все время стоять на коленях между котом и собакой, Скаакуна держать на поводке правой рукой, а левой - стискивать Белого Медведя. При этом нужно было очень внимательно следить за всеми звуками, и, если бы Скаакун громко залаял, а Белый Медведь угрожающе зашипел, встречу надо было немедленно завершать. В то же время не стоит обращать внимания на незначительные мелочи, и если мне все удастся, то я смогу добиться если не мира, то хотя бы временного перемирия.

Я очень гордился своим планом. Вернувшись домой после утренней прогулки со Скаакуном, будучи абсолютно уверен в успехе своей затеи, я не пошел в спальню, а быстро двинулся в гостиную. В этот момент Белый Медведь юркнул в камин. Мой план был нарушен - я не смог стать на колени между собакой и котом. И тогда, сжимая поводок Скаакуна в правой руке, левой я дотянулся до Белого Медведя в камине. С таким же успехом я мог попытаться схватить ртуть. Продолжая удерживать Скаакуна, я старался справиться и с Белым Медведем. Бесполезно. В результате я удерживал всю компанию, находясь в странной, неудобной позе и пытаясь при помощи поводка обуздить неуемное желание пса вскочить в камин. Но Скаакуну не удавалось ухватить кота. При каждом его наскоке навстречу ему вылетала когтистая лапа.

Ну хорошо. Мои миротворческие стремления не дали очевидных результатов, а ведь могло быть еще хуже. Я смертельно устал. После того как прошел, по моим ощущениям, целый час, а настроение Белого Медведя

не изменилось ни на йоту, я вынужден был осознать: мои шансы добиться того, чтобы Белый Медведь признал право Скакуна на что угодно, даже просто на существование, равны нулю.

Тогда, изображая оскорбленное чувство собственного достоинства, мы со Скакуном удалились в спальню. Я решил показать Белому Медведю свое отношение к его отвратительной внешней политике.

Позже, днем, после второй прогулки со Скакуном, я пошел в гостиную для разговора с Белым Медведем. Я решил быть с ним очень ласковым, понимая, что он ни в чем не виноват. Антипатия между котами и собаками имеет очень глубокие корни, и, в конце концов, именно собака появилась на территории Белого Медведя. И когда случилась эта беда - именно беда! - то очень трудно было объяснить коту, что Скакун - явление временное.

Итак, войдя в гостиную, я нежно позвал кота, старательно избегая слова «подойди», а просто сказав мое обычное «Где ты, Белый Медведь?». Он не отозвался. Я позвал его громче. Опять ничего. Я начал его искать. Я осмотрел всю гостиную, заглянул под диван и под стол. Я осмотрел кладовку. Пока я искал его, все живо напомнило мне ту первую рождественскую ночь. И это навело меня на мысль о посудомоечной машине. Но его не было и там.

Хорошо, подумал я. Он решил поиграть. Ну что ж, это игра для двоих, и я пошел в кухню и хлопнул дверцей холодильника. Это должно подействовать на кота, и он непременно выскочит.

Но дверца холодильника не произвела впечатления, и я снова начал искать его повсюду, чувствуя, как медленно, но верно меня начинает охватывать ужас. Его нет в квартире.

Но как он мог выйти? Ведь дверь не открывалась. Хотя она могла остаться открытой, когда я вернулся после прогулки со Скакуном. Занятый велосипедом и собакой, я не следил за Белым Медведем. Возможно, в этот момент он выскочил наружу. Но тут же я понял, что ошибаюсь, и опять начал поиски.

Я снова и снова звал кота, громко и безнадежно, и опять стал думать, что он ушел из дома.

Теперь, совсем отчаявшись, я вышел в холл. Мои соседи знали кота, но вряд ли он бродил по этажу. Возможно, он ушел по пожарной лестнице, если туда была открыта дверь, или же он мог уйти через дверь к грузовому лифту. Вполне вероятно, что он мог воспользоваться грузовым или пассажирским лифтом, когда открывались двери при входе и выходе. Но, спросил я себя, может ли быть так, чтобы кто-нибудь, увидев бродящего по этажу одинокого кота, не взял бы его, не попытался бы узнать, чей он, и не

принес бы его мне?

Разумеется, была и другая вероятность - гость или посыльный. Они не знают, кому принадлежит кот, и могли бы подумать, что кот обычно сам пользуется лифтом.

Мне стало понятно: я так взвинчен, что не в состоянии здраво мыслить. Прежде всего нужно остыть и подумать. Если кот действительно где-то за пределами дома, то что такое это «где-то». С этими мыслями я спустился вниз и рассказал обо всем Джо у парадного входа и Джимми у задних дверей. Я поведал им о моем горе, о том, что Белый Медведь исчез, и попросил, если они будут столь добры, всех об этом оповестить.

Окружающие были крайне огорчены. Рэймонд, техник, предложил мне поискать кота на крыше и в подвале - об этом я в своем безумном состоянии даже не подумал. Сначала мы забрались на крышу. К счастью, там оказалось не так много мест, где мог бы спрятаться кот. Но подвал - это совсем другая история. Вы и не представляете себе, сколько там местечек, где легко укрыться маленькому зверьку.

Когда мы с Рэймондом обследовали все, что только было можно, и я снова рассказал всем о своей утрате, я поднялся наверх и позвонил Мариан. Она немедленно приехала.

Вместе с Мариан мы устроили еще один обыск, но в этот раз после осмотра квартиры поискали еще и снаружи. Я предположил, что Белый Медведь мог убежать даже в парк, в конце концов, после нашей прогулки он знал туда дорогу.

Удача нам не улыбнулась - Белый Медведь не был найден. Приближалась ночь, и, поднимаясь по лестнице, мы строили планы на утро. Нужно позвонить во все приюты, дать объявления в газетах, расклейтить на деревьях и в телефонных будках душераздирающий вопль «Потерялся!!!». Пока мы разрабатывали стратегию, я сказал Мариан, что мне некого винить, кроме себя. Приведя в дом другое животное, я тем самым разрушил ощущение безопасности у кота. Он понял, что никому не нужен, и сделал единственное, что мог сделать, - убежал. Он может быть растерзан собакой, сбит машиной или найдет свой конец в лаборатории. Во всем виноват я, а страдает он.

Мариан не хотела оставлять меня в таком настроении.

- Я все-таки не уверена, - сказала она, - в том, что он действительно мог уйти из дома. Быть может, он где-то здесь.

С этими словами она начала еще одно, собственное расследование.

- Ты смотрел за книгами? - спросила она.

Я ответил, что не смотрел, но напомнил, что Белый Медведь теперь

уже слишком велик, чтобы там поместиться. Тем не менее мы посмотрели и в шкафах, так же, как делали это в ночь его спасения. Мы просмотрели полку за полкой, заглянув почти за каждую книжку. Мы ничего не нашли.

- А ты тщательно обследовал кладовку? - спросила Мариан.

Я тщательно обследовал кладовку, ответил я ей. Я также напомнил ей, что мы уже дважды проверяли каждый шкаф. Неважно, она решила сделать это еще раз. И тут, когда она добралась до последнего шкафа, она спросила меня, смотрел ли я на самой верхней полке. Но к этому моменту я был так измучен, что даже не слышал ее. А когда она повторила вопрос, я указал на верхнюю полку, которая была на целый фут выше моей головы или по крайней мере на расстоянии семи футов от пола. Вряд ли Белый Медведь мог туда забраться, ведь он не кенгуру. Но, как я говорил, Мариан всегда все делала тщательно. Независимо от того, мог или не мог кот забраться на ту полку, она должна была там посмотреть. Мы вытащили стремянку, и с ее верхней ступеньки Мариан потянулась, чтобы разглядеть, что там в глубине. Вдруг ее глаза уперлись прямо в два других глаза.

- Айяу, - сказал кот.

Мы так и не смогли понять, как Белый Медведь забрался туда. Но это был неопровергимый факт. В одном мы были совершенно уверены: он прекрасно знал, что мы сошли с ума, разыскивая его. И он решил проучить нас, а особенно меня, он преподал мне урок, который я должен был усвоить.

Конечно, я запомню это навсегда. Хотя в тот момент я был так рад видеть его, что не думал ни о каких уроках. Все было замечательно. Утром в понедельник пришла женщина и забрала Скакуна.

- Я нашла для него отличный дом, - сказала она, когда я надевал ошейник и передавал ей собаку.

Я сказал, что он этого достоин - он прекрасный пес.

- Кстати, - спросила она уже у дверей, - как он вел себя с вашим котом?

Я покрутил рукой. И так, и эдак, ответил я.

Этой весной больше не было бродячих собак. Но вскоре появился бродячий кот, вернее, котенок. Опять это случилось во время уикенда, и опять в пятницу вечером. Но в этот раз спасателем был парень из нашего дома. Он нашел котенка на дорожке недалеко от подъезда.

Парень постучал в дверь, котенок, крошечный, песочного цвета комочек беды, прятался в его руке.

- Вот, - сказал парень, протягивая мне комочек, - я принес подружку Белому Медведю.

Он, очевидно, именно так это понимал, неужели он?.. Я начал

расспрашивать, но он ничего не слышал.

- У меня уже есть собака, - сказал он.

- О, - начал я его уговаривать, - это не проблема. Ваша собака должна...

Все было бесполезно. Парень, очевидно, оказался значительно умнее меня.

- Нет, нет, моя собака не сможет, - сказал он решительно, - в любом случае котенку будет гораздо лучше с другим котом. - И, сказав это, помахав на прощанье рукой, он направился к лифту.

Появление в доме котенка сразу же после Скакуна не породило никаких мрачных предчувствий. Наоборот, поскольку у меня, активиста по спасению животных, жил только один кот, когда вокруг было так много животных, нуждавшихся в заботе, я даже приветствовал возможность помочь еще одному из них. И я был абсолютно уверен, что Белый Медведь будет в восторге. С нашим новым жильцом ни к чему было обсуждать вопросы по отделению Церкви от государства или собаки от кошки. Это должен быть гармоничный и счастливый союз.

В таком расположении духа я принес кошечку в гостиную, чтобы познакомить ее с Белым Медведем.

- Посмотри, - сказал я, - глянь-ка, что это. Разве она не прекрасна? - спросил я, для большей убедительности поглаживая одновременно их обоих. - Теперь ты никогда не будешь чувствовать себя одиноким и несчастным, даже если меня нет рядом. Тебе нужно общение с кем-то, кто не только такой же, как ты, но с кем ты можешь всласть играть и болтать.

Я с удовольствием заметил, что котенок, естественно, сразу же захотел играть, но, к сожалению, этого вовсе не хотел Белый Медведь. Для кошечки вволю наиграться - значило играть постоянно. Кроме тех моментов, когда она ела или спала, она готова была играть каждую секунду.

Она направилась к Белому Медведю, но он быстро, как только смог, отодвинулся от нее. Затем стал двигаться медленнее - и она подбиралась медленнее. Он отскочил - и она прыгнула. Но ей все это надоело, и она затеяла другую игру. Когда кот облегченно вздохнул, она налетела на него, молотя его своими когтистыми лапками.

Этот вариант игры подвел меня к решению назвать ее Царапка. Согласен, это не самое оригинальное имя. Но оно недолго и продержалось, так как я скоро понял, что оно не передает то, с какой ловкостью и сноровкой она летала с места на место. К концу первого дня я переименовал ее в Камиkadзе.

Белого Медведя страшно утомили эти забавы, и, как только кошечка подавала сигнал к новой игре, он мгновенно занимал ближайшую высокую

позицию - кровать или подоконник, если они были в спальне, диван, письменный стол, стул или другой подоконник, если они были в гостиной. Это, конечно, ужасно огорчало Камикадзе. Стارаясь добраться до Белого Медведя, она прыгала и падала, и снова прыгала, и снова падала. В конце концов, потеряв терпение, я брал ее и сажал рядом с котом.

Белый Медведь, которому хватало своих проблем с котенком, не одобрял моего вмешательства. Он был так раздражен, что совершенно не замечал: если в его присутствии я проявляю внимание к кошечке, то так же, если не больше, я внимателен и к нему. Кот уже не издавал тихое «айяу» - он только шипел, и моментами весьма угрожающе.

Я решил, что настало время для очередного разговора, и поэтому поднял кота на еще большую высоту - на каминную полку. Мне не хотелось, чтобы Камикадзе помешала нашей беседе. Я сказал, что готов оставить в прошлом все, что было связано со Скаакуном. Но Камикадзе, извини за скверный каламбур, лошадь совсем другой масти. Как можно так грубо вести себя с милейшим созданием твоей же породы? У тебя что, сердце из камня?

В этом случае именно так, отвечал кот, - по крайней мере я так его понял, потому что моя тирада была встречена зловещим молчанием. Я решил слегка сбавить пафос. Хорошо, я соглашусь с тем, что Камикадзе может показаться назойливой, особенно с его, эгоцентрической, точки зрения. Но было бы неплохо вспомнить, что и он когда-то был котенком. А если никто не хотел с ним играть? Он когда-нибудь думал об этом?

Вместо ответа он повернулся ко мне задом. Меня бесила эта поза во время наших споров, и неважно, понимал ли он хоть слово из того, что я говорил. Я немедленно развернул его к себе. Мне известно, что у него было тяжелое детство и, возможно, он вообще никогда не играл. Мне не хотелось бередить его раны и заводить этот разговор. Но, осуждая его, я не просто критикую его за глупую внешнюю политику, а обвиняю его в недальновидности и неспособности посмотреть дальше своего носа. Он совершает серьезную ошибку, предостерег я его. Ведь речь идет не о кратковременном визите, как было со Скаакуном. Камикадзе будет постоянно жить у нас. И я прошу его только проявить немного терпения. Очень скоро Камикадзе вырастет и перестанет все время играть, а он, что гораздо важнее, состарится, и взрослая соседка, конечно, всегда будет помнить, как он с ней обращался, когда она была котенком. В общем, ему следовало бы изменить свое поведение: придет день, когда кошечка совершенно перестанет обращать на него внимание, и его ждет безрадостная старость.

Разговор закончился, и я решил, что проделал славную работу, обрисовав ему будущее. Однако после этой беседы положение не улучшилось, наоборот, оно становилось все хуже. Ночь была ужасной. Белый Медведь прыгнул на кровать, и Камирадзе, конечно, решила последовать за ним. Я поднял ее, после чего Белый Медведь спрыгнул вниз. Чего мне стоило держать их порознь - так, чтобы она не приставала к нему, а он не спрыгивал с кровати! Но в ту же секунду, как я выпустил кота, он спрыгнул на пол и ушел в гостиную - уверен, в камин. Камирадзе, жалобно замяукав, готова была тут же броситься за ним. Бессмысленно было бы ее отпускать, она и там продолжала бы так же мяукать.

В результате после трех бессонных ночей я решил начать сначала. Как только выдалась свободная минутка, я предложил игру, в которую мы могли бы играть вместе. Мы начали с охоты за мячиком - Камирадзе особенно нравилось его находить - и продолжали игру вдвоем, но Белый Медведь мог всегда к нам присоединиться, если бы ему этого захотелось. Я даже опустился до взятки: поднося Белого Медведя, как бы невзначай и не особенно настойчиво, к Камирадзе, я, когда мне это удавалось, пытался ткнуть его носом в шерстку. Я спрашивал его: разве он не понимает, какая прелест эта кошечка?

Ясно, он не желал этого понимать, даже когда я сопровождал это общение кусочком рыбы, объясняя ему, что это подарок от кошечки.

Ничего не помогало. Белый Медведь был далек от подобных тонкостей. Он составил свое мнение, и никакими ухищрениями его нельзя было изменить. Один раз он даже выплюнул кусочек рыбы, а когда все-таки съел «подарок», его мрачный взгляд ясно дал мне понять, что его не сломить ни террором, ни взятками.

Я решил поговорить с ним в последний раз и начал с того, что Камирадзе очаровательный котенок и найти для нее дом не составит никакого труда, если это то, чего он действительно хочет. И как он относится к тому, что больше никогда ее не увидит? Обычно во время таких бесед он по крайней мере моргал, и я таким образом получал подобие ответа. Но в этот раз глаза его уставились на меня в упор. Нет, отвечал он мне, ему безразлично, увидит ли он еще когда-нибудь Камирадзе. И чем скорее она исчезнет, тем лучше.

Я задал второй вопрос. Он хочет провести свою жизнь в одиночестве? Мне интересно знать, он на самом деле этого хочет?

Не могу поручиться за точность ответа на последний вопрос. Но можно было безошибочно понять: быть единственным котом в доме - такое положение его вполне устраивает. Дело не в том, нравилась или не

нравилась Камирадзе Белому Медведю, он, конечно, не обижал ее - он ведь был настоящим джентльменом. Но ему была невыносима сама идея ее присутствия в доме. И это было связано с вопросом, кто кому принадлежит. По его мнению, не он мне принадлежал, а я ему. Поэтому появление другого кота просто оказывалось за гранью возможного. Получалось, что это я травмировал его, а не он меня.

В результате всех обсуждений стало ясно, что вообще ничего больше говорить о Камирадзе. Белый Медведь полагал, что она здесь временный постоялец. И, независимо от того, как вся эта история повлияла на кота, для Камирадзе все складывалось плохо. Мне оставалось только объявить, что я отдаю котенка, и добавить к этому, что это самая прелестная кошечка из всех, которых я когда-либо видел.

Спустя два дня за Камирадзе пришла молоденькая девушка. Я понял, что она просто очарована котенком. Лаская котенка, девушка с укором спросила:

- Как же вы перенесете разлуку?

Третий бродяга прибыл летом, в начале июля, утром его принесла одна из спасательниц, которую я уже где-то встречал. Тот, кого она принесла, находился в сумке для котов.

- О нет, - сказал я, как только увидел эту сумку, - только не кот!

- Это не кот, - прервала меня женщина, открывая сумку, чтобы я мог заглянуть внутрь. - Его зовут Герберт. Он прекрасен, правда? Посмотрите, он цвета лаванды.

Естественно, я мало что мог разглядеть внутри сумки, но увидел достаточно, чтобы понять: Герберт - это голубь. И тут же я вспомнил, что эта спасательница - легендарная «голубиная женщина», та, которая дружила со всеми городскими птицами, часто весьма недружелюбными. Я восхищался ею, и мне пришлось сделать усилие, чтобы не показать отсутствие энтузиазма и свои сомнения. Я сказал «голубиной женщине», что голубь - это именно то, что нужно мне и Белому Медведю.

- О, не волнуйтесь, у меня тоже коты, а часто бывают и голуби.

В таком случае, подумал я, почему бы и этому не остаться с котами. Однако вслух я ничего не произнес. Вместо этого спросил, что же произошло с Гербертом.

«Голубиная женщина» объяснила, что все дело в левом крыле. Она думает, что голубя сшиб автомобиль. Так или иначе, его надо было унести с улицы.

- Герберт, - сказала она, - пытался улететь на одном крыле, но второе

было так сильно повреждено, что он не мог спасти даже от меня, когда я ловила его.

Она взяла Герберта, положила его в сумку и пошла к ветеринару. Ветеринар сделал с крылом все, что нужно.

- Я думаю, что сейчас идеальное место для Герберта - это ваш балкон.

- Вы имеете в виду, - жестко поправил я ее, - балкон Белого Медведя. Мой балкон без сетки.

Ничего не действовало. «Голубиная женщина» оказалась весьма решительной особой. Вскоре я уже неохотно шел за ней через спальню к окну, но прежде вытащил с балкона Белого Медведя, который нежился на солнышке. Хоть он и не любил, когда его тревожили, особенно незнакомцы, однако ему пришлось уступить свое место Герберту.

Пока леди была занята приготовлением еды для голубя, которую она принесла с собой, и устройством гнезда из банного полотенца, я заметил, что Белый Медведь, сидя в единственном доступном для него месте - за плотно закрытым окном, внимательно следит за ней. Я предположил, что в любой момент он может ударить лапой по стеклу, но он этого не сделал, проявляя невиданную выдержку.

Я это объяснил не дисциплинированностью, а терпением. Я сказал «голубиной женщине», что точно знаю, почему он не демонстрирует ярость, - он думает, что она готовит ему обед.

- Голубок, - продолжал я, - окажется так близко, тут же за стеклом...

«Голубиная женщина» не оценила юмора.

- Вы действительно думаете, что они не могут быть друзьями?

Я сказал ей, что именно так и думаю.

- Вы ведь не так уж много знаете о голубях, верно?

Я согласился с ее предположением, но сказал, что достаточно много знаю о Белом Медведе. Возможно, придет день, и я в самом деле надеюсь на это, когда лев будет лежать рядом с овечкой. Но когда Белый Медведь окажется рядом с Гербертом, то, извините, он сделает это только для того, чтобы съесть голубя.

Я рассказал ей, что до появления Герберта, когда Белый Медведь царил на своем балконе, голубям было совсем неплохо. Они знали, что кот не опасен, так как, будучи изолирован, ничего не сможет сделать, ему остается только прохаживаться рядом с ними. Их поведение приводило Белого Медведя в бешенство - он припадал к земле, распластывал хвост и даже прыгал на стену. Но теперь узником является Герберт. Естественно, невозможно предположить, что сделает Белый Медведь в этих новых обстоятельствах.

«Голубиная женщина» не согласилась со мной. Но, в течение нескольких дней ухаживая за Гербертом в соответствии с множеством выданных мне инструкций, я не изменил своего мнения.

«Голубиная женщина» часто навещала нас, и за время ее визитов я многое узнал о голубях. Я понял, что они действительно замечательные птицы.

И самая интересная их особенность состоит в том, что они моногамны и обычно соединяются в браке на всю жизнь.

- Я уверена, что самка Герberта следила за тем, как я его забираю. Когда он поправится, я отнесу его на то же самое место. Быть может, она его там ждет.

«Голубиная женщина» поведала мне и о том, что голуби очень смышленые птицы. Они разумны до такой степени, что узнают людей, и не только тех, кто их кормит, но и тех, кто просто хорошо к ним относится, и даже тех, кого они просто часто встречают в своем районе. Для «голубиной женщины» самым удивительным было то, что при таком большом разнообразии голубей люди почти никогда не отличают их друг от друга.

Герберт, я и сам это видел, действительно был личностью. Он скоро полюбил меня, как своего спасителя, нежно гулил и был по-своему дружелюбен, когда я подходил к нему, даже если я его не кормил. Он проводил большую часть времени нахохлившись, уткнувшись своей маленькой головкой в перышки. Но как только стал чувствовать себя лучше, пытался приподняться, выпрямить грудь и начать охорашиваться передо мною. На третий день после его появления я нашел его распластавшимся на полотенце. Он принимал солнечные ванны.

«Голубиная женщина» также рассказывала мне о почтовых голубях. Они могут преодолевать огромные расстояния, один, например, долетел от Австралии до Нью-Йорка, а это больше девяти тысяч миль, правда, путешествие голубь совершил с посадками на островах.

Наибольшее впечатление произвела история, случившаяся во время Второй мировой войны. Голубь из Форта Мид в штате Мэриленд, захотевший во время тренировки попить, спустился к пруду. К несчастью, в пруду была разлита нефть, и голубь так испачкался, что не смог взлететь. Спустя несколько дней вымазанный нефтью голубь появился в Форте Мид. Он пришел домой, преодолев больше сотни миль.

Однако любимым ее голубем был Милый Друг - птица, которая помогла спасти известный американский «Последний батальон» во время Первой мировой войны. Эта история была рассказана с особым драматизмом. Батальон, окруженный немцами, почти без боеприпасов, был

по ошибке обстрелян собственной артиллерией. Оставалась единственная надежда - послать в штаб сообщение с просьбой о прекращении огня. Майор, у которого было семь почтовых голубей, отправлял их одного за другим. Но их всех подстрелили. Кроме одного. Последний, Милый Друг, взлетел. В него тоже попала пуля, и голубь стал падать, но прежде, чем коснуться земли, он как-то вывернулся и, с простреленой ногой и простреленным крылом, доставил важную депешу в штаб. После войны французское правительство наградило Милого Друга Военным крестом. Голубя отправили домой в офицерской каюте, и позже он был похоронен со всеми воинскими почестями.

Но сейчас я был заинтригован отношениями Белого Медведя и Герберта. Не верилось, что они могут подружиться. В самом деле, время шло, и Белый Медведь, как мне казалось, все больше и больше злился из-за того, что у него отняли балкон и что я не пытаюсь исправить положение. Однако «голубиная женщина» не падала духом. Однажды, осмотрев Герберта, она сказала:

- Он уже почти выздоровел. Но прежде, чем я его выпущу, мне хотелось бы кое-что попробовать...

Я начал говорить ей, что единственное, что она может попробовать... но даже не смог изложить свои соображения. Как я уже говорил, она была очень решительной женщиной.

Единственное, на чем я настаивал, было мое присутствие на балконе, когда Белому Медведю будет позволено войти туда. Итак, кот был заперт в гостиной, а я выбрался на балкон через окно спальни. Все еще чувствуя, что эта затея закончится скверно, я, тем не менее, решил все сделать как можно лучше.

Наконец, устроившись между голубем и окном в ожидании Белого Медведя, я подал знак «голубиной женщине», что вполне готов к ее идиотскому эксперименту. Внимательно вслушиваясь, я уловил звук открывающейся двери. Меньше чем через секунду я увидел нечто мохнатое, летящее прямо на меня. Я не смог ни увернуться, ни схватить это.

Уверен, любой читатель смог бы дописать неизбежный финал этой истории - как в следующую секунду будет покончено и с экспериментом, и с Гербертом, и как мне придется хоронить Милого Друга со всеми воинскими почестями.

Но, если бы вы действительно это написали, вы бы сильно ошиблись. Так же, как ошибся я, хотя мне и не хочется в этом признаваться. Мои

предположения не оправдались. Белый Медведь прыгнул через меня, использовав плечи как трамплин. Потом, повернувшись в воздухе, приземлился на стороне Герберта как раз в тот момент, когда я оглянулся в тщетной надежде предотвратить его нападение теперь уже позади меня, что, правда, было трудно сделать.

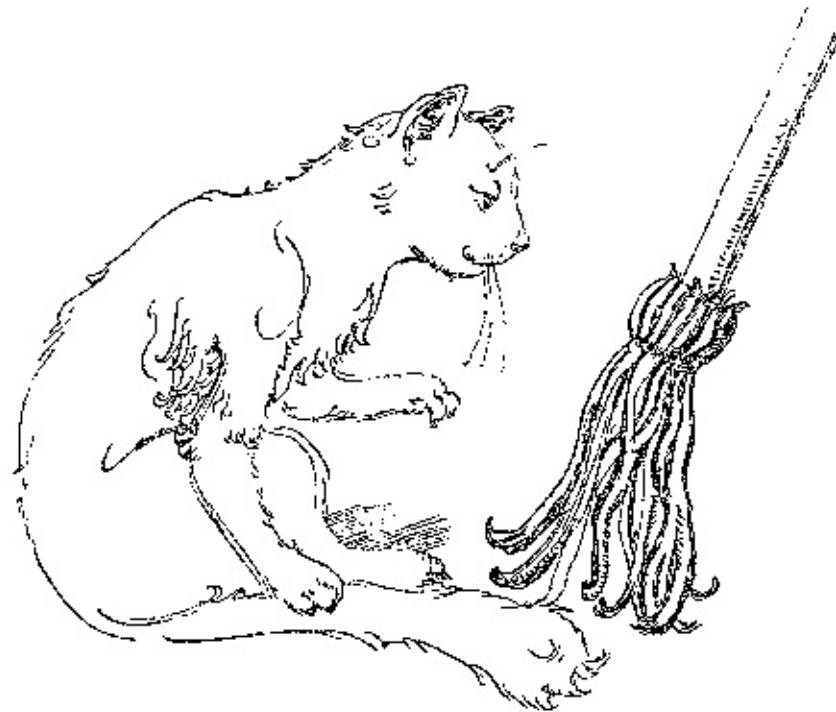
То ли кот обрадовался, что наконец оказался на своем балконе, то ли хотел подружиться с Гербертом - не знаю. Белый Медведь вел себя странно, однако поведение Герберта было еще более удивительным. Голубь не шевельнулся, когда рядом появился кот. Он смотрел на пришельца в упор - голуби хорошо видят по сторонам, не поворачивая головы, - но не волновался, молчал и не пытался улететь. Он неподвижно сидел на месте, и некоторое время они оба просто рассматривали друг друга и парк внизу. Все это выглядело так, как если бы они позировали для новой версии картины «Мир во всем мире».

- Гляньте! - воскликнула «голубиная женщина», когда выбралась через окно на балкон, чтобы отпраздновать победу. - Я же говорила!

Терпеть не могу людей, которые говорят «Я же говорила», особенно если они оказываются правы, а я, хоть редко, но случается, не прав. И меня обрадовало, что Белый Медведь разделял мои чувства. В пользу этого говорил тот факт, что в момент появления леди на балконе кот немедленно вспрыгнул на подоконник, заняв там наблюдательный пост.

Возможно, он так поступил не потому, что ему не нравился голубь, а потому, что ему не нравилась «голубиная женщина». Как я уже говорил, его внешняя политика была непредсказуемой.

10. Его внутренняя политика

Описав внешнюю политику Белого Медведя по отношению к животным, я обращаюсь к его внутренней политике, которая, в сущности, является его внешней политикой по отношению к людям. Однако мне хотелось бы предварительно заметить, что, хотя у нас с Белым Медведем много общего, здесь, как и в отношении к болезням, мы совершенно разные личности.

Мне, например, нравятся новые люди. Недоброжелатели могли бы сказать даже, что новые знакомые мне нравятся больше, чем старые. На самом деле это не совсем так. Мои критики склонны к преувеличению и делают выводы, не принимая во внимание некоторых фактов. Естественно, я люблю старых друзей, которые внимательно меня выслушивают, и не люблю тех, кто постоянно меня перебивает. Но в то же время я готов признать, что критики отчасти правы. Я люблю некоторых старых друзей, но я испытываю симпатию почти ко всем новым людям.

И почему, скажите на милость, это невозможно? Если подумать, новым знакомым можно много чего рассказать. Начать с того, что им вы можете

рассказывать все ваши старые истории, не задумываясь о том, слышали ли они их раньше. К тому же можно вспомнить и свои старые щуточки.

Кроме того, когда вы ведете утешительную беседу со старыми друзьями, вы постоянно находитесь в напряжении. Задавая какой-нибудь вопрос, вы должны быть уверены, что не задавали его в прошлый раз. А если вас о чем-то спрашивают, вас мучают сомнения, так как вы забыли, как отвечали на этот вопрос прежде.

Самое трудное - помнить все имена и правильно их употреблять, иначе все могут обидеться. И даже если вы вспомнили имена своих знакомых, что вполне возможно, вы должны помнить еще и имена их проклятых жен.

А вот помнить имена новых знакомых вы не обязаны, в конце концов, вы ведь только что познакомились.

И последнее. Старых друзей очень трудно убедить в том, что вы больше разбираетесь в предмете разговора, чем они. Кто-то непременно считает себя экспертом в вопросе, который хорошо вам известен, и, что еще хуже, таким экспертом, который имеет наглость подвергать сомнению вашу компетентность. Зато с новыми знакомыми вы можете быть экспертом по любой теме, которую сами и выберете: кто докажет, что вы не эксперт? И вы можете развивать тему и давать мудрые советы, а поскольку вы только что познакомились, вас вынуждены будут вежливо выслушивать. При этом можно не опасаться, что вас могут уличить в искажении фактов или дат, или в чем-то, что не является вашим коньком. Все это может способствовать еще более интересной дискуссии, где ваше дело - вести беседу, а их - слушать и учиться.

Белый Медведь, к несчастью, никогда не испытывал удовлетворения такого рода, потому что он был лишен, если можно так выражаться, моего дара красноречия. Кроме того, ему не нравилось все новое и больше всего он не любил новых людей.

Фактически он их просто не замечал. Кто бы это ни был и при каких бы обстоятельствах ни произошла их встреча, кот всегда относился к ним отрицательно.

Я всегда чувствовал: проблема заключалась в том, что он был просто не в состоянии разумно оценить разницу между новыми людьми и людьми, которых он знал. Я мог до посинения убеждать его, что, если бы он дал им хоть малейший шанс, эти новые люди тоже стали бы ему знакомы. Но я напрасно тратил силы.

Бывало, его поведение с новыми людьми так расстраивало меня, что я завидовал тем, у кого была собака, а не такой кот, как Белый Медведь. Собака выбежит и встретит того, кто к вам пришел, будто только этого она

и ждала всю жизнь. Гость, конечно, немедленно почувствует себя польщенным и будет долго пребывать в таком состоянии, особенно если вы сообщите ему, как это делает большинство владельцев собак, что никогда не видели раньше, чтобы ваш пес так себя вел.

Владельцу кота или, по крайней мере, владельцу такого кота, как Белый Медведь, гораздо труднее. Ему нечего надеяться на то, что кот разобьет лед в начале разговора или станет предметом беседы с новым гостем, - и все по той простой причине, что он сразу же исчезнет.

Когда, например, новый человек входит в квартиру, первым делом Белый Медведь хочет понять, чем объяснить, что его тревожат в столь неурочное время. Правда, для него это время длится все двадцать четыре часа в сутки. Во-вторых, ему интересно, может ли что-нибудь компенсировать возмутительное нарушение его распорядка дня. Например, кто-то мог бы присесть и выпить чашечку кофе с чем-нибудь вкусненьким, что и ему давало бы шанс перекусить. Но все-таки эта перспектива не перевешивала неприятностей, так как новый гость оказывался или слишком шумным, или слишком активным, или проявлял к нему чрезмерный интерес, или пришел для того, чтобы увести хозяина из дома.

Неважно, кто был этот гость, но, если он собирался остаться надолго, Белому Медведю требовалось время, чтобы изучить пришедшего и составить о нем свое мнение. Для этого у него было два любимых пункта наблюдения. Если гость сидел в гостиной, то кот находился под диваном; если гость был в спальне, кот забирался под кровать. И будьте уверены, кот сломя голову мчался занять свой пост раньше, чем гость вообще мог его увидеть.

Я хорошо осознаю, что кто-то из читателей при упоминании о спальне, в моем-то холостяцком положении, возможно, подумает, что в такой ситуации Белый Медведь может быть помехой роману или чему-нибудь вроде этого. Но уверяю вас, подобные догадки не удостоятся моего внимания, и я вообще не собираюсь останавливаться, чтобы объясняться по такому деликатному вопросу. Однако буду настаивать на том, что эта книга предназначена для семейного чтения, и вы, читая ее, должны обратить внимание не только на свои ощущения, но и вообще на свой образ мыслей.

Но продолжаем. Если новый гость оставался надолго, возникала вероятность того, что он или она раньше или позже увидит Белого Медведя в тот момент, когда тот вылезет из своего убежища или решит перейти в другую комнату. В таких случаях мне, как и любому другому владельцу кота с похожим характером, следовало употребить некую извинительную

формулировку. Одной из моих любимых была «Он немного застенчив с незнакомцами», хотя я и осознавал нелепость такой фразы, если кот, возникнув прямо из-под ног гостя, опрометью убегал куда-нибудь подальше. Бывало, я использовал и другие выражения, почти всегда упоминая при этом ветеринара, например: «Он только что от ветеринара», или «Ему только что сделали укол», или «Он нездоров». Кроме того, мне нравится подходящее во всех случаях «Сегодня он просто не в себе».

Сначала я думал, что отношение Белого Медведя к новым людям обусловлено тем, что он был бродячим котом, страдал от жестокости со стороны незнакомых людей, и поэтому был так подозрителен. Но скоро я понял, что это не совсем так. Вернее, это было характерно не для всех, а только для некоторых котов - независимо от их происхождения. Например, в офисе нашего Фонда за несколько лет до появления Белого Медведя жили двое бродяжек. Одна была красивая, зеленоглазая, угольно-черная кошка. Ее нашли еще котенком на нижних ветвях дерева в лесу, во время грозы, совсем одну. Мы назвали ее Малышкой, хотя, когда она повзросла, обнаружилось странное несоответствие имени - по причине, о которой не буду упоминать, так как не хочу ее задеть. В любом случае новые люди так же внушают ей страх, как и Белому Медведю. Кто бы ни пришел в офис и где бы она ни была в этот момент, в ту же секунду она исчезает, и найти ее невозможно.

Другой наш бродяга, большой черный кот с белой грудкой, будто одетый в смокинг, должен был, по-моему, носить имя Джентльмен. К сожалению, это предложение было отвергнуто и кто-то другой решил, что его следует назвать Бенедиктом.

По контрасту с Малышкой, Бенедикт - душа общества. Он приветствует вновь прибывших так, как если бы он был официальным встречающим. Как только гости объяснят свое дело, он сопровождает их в ту комнату, куда они были направлены, и немедленно забирается к кому-нибудь из них на колени. Особенно Бенедикт чувствует себя в своей стихии, когда вокруг много людей - во время заседаний, рождественской вечеринки или пресс-конференции. Если, например, на пресс-конференции присутствует телевидение, а он не приглашен на съемку, он просто дожидается, когда зажжется красный огонек, и прыгает на колени к тому, на кого наведена камера. Люди разными путями становятся телезвездами. Бенедикт выбрал самый верный и самый короткий путь.

Особенно нравится Бенедикту располагать к себе людей, которые не любят котов. Как-то у нас служил бухгалтер, который боялся их до смерти. Бенедикт это прекрасно понимал. Однажды он подкараулил нервного и

настороженного бухгалтера, устроившегося поработать в одной из комнат, дождался, когда тот расслабился, незаметно подкрался и вспрыгнул к нему на колени. Несомненно, Бенедикт решил, что суть лечения от страха перед котами, как и от икоты, состоит во внезапности.

Сначала мы были готовы отказаться от этого бухгалтера. Но выяснилось, что в этом нет необходимости, потому что Бенедикт оказался прав. С того времени бухгалтер жил в мире с котами, что же до Бенедикта, то он и поныне продолжает любить всех - за одним исключением. И это Малышка. Но такое может произойти и с самым дружелюбным из котов. В конце концов, они все-таки коты.

Странность Белого Медведя состояла в том, что с людьми, которых он знал, он был так же дружелюбен, как и Бенедикт. С Мариан, например, он был необычайно нежен - он готов был часами сидеть у нее на коленях, и даже когда она помогала мне, например, дать ему таблетку, что, казалось, было непростительно, он в конце концов обижался на меня, а не на нее. Были и другие люди, которых он искренне любил. Например, те, кто оставался присматривать за ним, когда мы с Мариан уезжали оба. Кот очень любил Алекса Пачеко из группы молодых активистов, которые должны были вскоре произвести революцию в движении по защите животных. Другой любимицей была Джин Адлон. Она прежде работала в нашем офисе и так любила котов, что делом ее жизни стала забота о тех котах, хозяева которых были в отъезде. Не знаю, как ей это удавалось, но иногда она обслуживала по двадцать заявок в день. Причем она не только кормила кота, но и оставалась в доме на некоторое время, чтобы с ним поиграть.

У Белого Медведя случались конфликты с моими друзьями-шахматистами, особенно если появлялся кто-то новый. Вообще Белый Медведь испытывал противоречивые чувства к игре в шахматы. Он находил в ней некоторые достоинства, такие, как тишина, и то, что в этой игре принимал участие кроме меня только один человек. Но две вещи ему не нравились. Во-первых, иногда игра слишком затягивалась, а во-вторых, его изумляла та ужасная серьезность, с которой люди относились к этому занятию. Например, иногда возникала внезапная необходимость вскочить на подоконник, чтобы понаблюдать за голубями или по какой-либо другой важной причине, а кратчайший путь к месту назначения пролегал как раз над шахматной доской. И он никак не мог понять, отчего все приходят в ярость из-за того, что на пол упало несколько маленьких штучек, которые - по опыту он прекрасно это знал - очень плохо катаются, да и внутри у них

нет ничего интересного.

Могу сосчитать на пальцах одной руки тех новых гостей, которые с самого начала понравились Белому Медведю. Одной из них была моя внучка Зоя. Впервые Зоя появилась вместе с моей дочерью Геей и ее мужем Сэмом. Так как их было трое, а Белый Медведь может вынести только двух, то он немедленно занял свой пост под кроватью. Зоя сразу же залезла под кровать и вытащила его оттуда. К моему изумлению, оказалось, что ему это понравилось.

Другой была Кэролайн Томпсон, продюсер и мой близкий друг. Как-то, когда я был в отъезде, Кэролайн переночевала в моей квартире. Наутро, когда она уже ушла, а я как раз вернулся, я увидел, что Белый Медведь все еще спит. И когда он проснулся, он стал вытворять такое, чего я прежде никогда за ним не замечал. Он стал крутиться с идиотской ухмылкой на лице.

Спустя некоторое время я разгадал причины его симпатии к Зое и Кэролайн. Поскольку Зое в то время было только четыре года, то она была ненамного крупнее кота. А вот поведение Кэролайн было достойно осуждения. Она приохотила кота к кошачьей мяте. Я немедленно позвонил ей и напомнил, что Белый Медведь еще несовершеннолетний и она за это преступление могла бы попасть в тюрьму. Я, правда, решил не отправлять ее туда. Я всего-навсего отправлю кота в лечебницу для детей-наркоманов за ее счет.

Одним из интересных направлений внутренней политики Белого Медведя было его отношение к домашним, а именно к Розе, с ней мы уже встречались в главе, посвященной диете. Роза полюбила Белого Медведя с первого взгляда. Она суетливо и шумно заботилась о нем, а он, отвечая на ее чувства, позволял ей очень многое. Он не только разрешал ей мыть, убирать, вытирать пыль где угодно, но и не отходил от нее ни на шаг и принимал посильное участие в ее хлопотах. Когда Роза стелила кровать, кот даже разрешал ей поиграть в его любимую игру - стащить его с простыни или с одеяла.

Однако в двух случаях Белый Медведь не разрешал переходить границы. Он был против пылесоса и чистки ковров. Как только Роза доставала из кладовки пылесос, для кота это служило сигналом к разрыву дипломатических отношений. Война была объявлена, и в тот момент, когда Роза включала аппарат, для кота он становился вражеским танком, перешедшим границу. Вторжение началось, и кот превращался в Рим против вестготов, в Америку против России или в «наших» против «ненавидящих».

Ему не нравилась и щетка для чистки ковров - то, как она движется, но тут у кота был по крайней мере шанс остановить ее, если, забежав спереди, ударить ее сбоку лапой. Напасть на большой танк-пылесос было труднее, и кот его просто ненавидел. Шум от пылесоса был таким оглушительным, что невозможно было продолжать сражение. Единственное, что он мог сделать, - это забраться внутрь, но поскольку Роза все время отодвигалась от него и в то же время кричала на него громче, чем шумел пылесос, сделать это не представлялось возможным. Кот, конечно, не понимал, что Роза говорила всего лишь "Pobre Oso Polar! A tí no te gusta el aspirador, verdad?" [Бедный Белый Медведь! А, так тебе не нравится пылесос? (исп.)]. Он слышал только возгласы командира в грохоте сражения. Для кота пылесос символизировал весь ужас современной войны. Случалось, я заходил домой в обеденный перерыв, и, если это происходило в разгар военных действий, ни Белый Медведь, ни Роза сначала не замечали меня, и я изумленно наблюдал за происходящим. В конце концов Роза выключала пылесос. Тогда и Белый Медведь замечал меня и начинал бегать, изображая радостную встречу, так как я пришел вовремя, чтобы его спасти.

Однако когда Белый Медведь понимал, что с моим приходом ничего не изменилось, - Роза продолжает пылесосить, а я ничего не предпринимаю, чтобы ее остановить, - то для него, удивленного тем, что я могу все это вынести, я становился не только предателем, но кем-то еще и похуже. Имея возможность выиграть войну, я по какой-то необъяснимой причине выбрасывал белый флаг. Кот готов был сражаться до самого конца, до неизбежного поражения, но, когда все заканчивалось и объявлялось о прекращении военных действий, должно было пройти время, прежде чем Белый Медведь готов был снова общаться со мной.

Еще одна проблема возникла весной, когда разразилась сильнейшая гроза. Белый Медведь ужасно испугался. Ему было так же страшно и Четвертого июля во время фейерверка, устроенного в Центральном парке. Фейерверк осветил всю мою квартиру, и от него было столько шума, что, по мнению кота, все это могло быть если не Вторым пришествием, то, по крайней мере, открытием второго фронта. Но еще больше Белый Медведь боялся грозы. Задолго до ее начала, когда я, тертый калач, настрадавшийся от скверной погоды, еще не чувствовал признаков ее приближения, я уже знал, что она где-то собирается, потому что кот исчезал. Когда же гроза доходила до нас, я был не в силах успокоить кота. Можно было отнести его в глубь квартиры, в самый дальний шкаф в кухне, можно было закрыть дверцы шкафа так плотно, чтобы до него не доносились раскаты грома,

много было прикрыть руками его ушки. Но все было бесполезно. В лучшем случае он застыпал, в худшем - впадал в безумный гнев.

Одна моя приятельница, остававшаяся с котом, когда мы с Мариан уезжали в Большой каньон, и пережившая с ним грозу, сказала мне со всей определенностью, как только я вернулся, что я должен что-то предпринять. Она предложила обратиться к кошачьему психиатру.

До того как у меня появился Белый Медведь, я никогда не слышал о кошачьих психиатрах. Я встречался с дрессировщиками, которые приучали ваше животное к послушанию или отучали от вредных привычек. Но психиатр, который мог бы изменить поведение котов, - для меня это было ново. Я сказал своей приятельнице, что если такой специалист появится и сочтет, что мог бы лечить Белого Медведя с помощью психоанализа или чего-то в этом роде, то он немедленно должен появиться у меня. Тогда я смог бы увидеть, как Белый Медведь подвергнет этого доктора психоанализу, но только не наоборот.

Моя подруга, упрямая как осел, не признавала отказов.

- Во-первых, - сказала подруга, - это не он, а она. Во-вторых, я уже рассказала ей о Белом Медведе и о грозе, и она готова этим заняться.

Я все еще сопротивлялся. Я сказал ей, что вырос в Бостоне, а бостонцы, как я знаю, критически относятся к психоанализу, психиатрии и ко всяkim таким вещам. Мы считаем, что это интересно скорее другим людям, а не нам. Возможно, добавил я важно, следовало бы сделать других более похожими на нас. Моя подруга стала внимательно меня рассматривать. Тем не менее я пообещал ей, что если она даст мне последний шанс справиться с этой проблемой самому и я ничего не добьюсь, в таком случае я соглашусь на визит психиатра.

Как и прежде, я обратился к моей разрастающейся кошачьей библиотеке. В книге «Ваш невероятный кот» доктора Дэвида Грина я нашел кое-что, что вселяло надежду.

Первым делом я должен был обязательно определить, левша или правша Белый Медведь. «Если ваш кот левша, - уверял доктор Грин, - то, возможно, у него незаурядные психические способности».

Грин не объяснял, как определить, левша или правша мой кот, но в силу своей изобретательности я решил поиграть с котом в мячик, чтобы увидеть, какой лапой он его будет ловить. Я кинул мячик десять раз. Шесть раз он поймал мяч левой лапой и только четыре - правой. Я был окрылен успехом. Теперь я должен был ввести мои положительные представления о грозе в его антигрозовое мышление. Я внимательно прочел о том, как происходит процесс передачи и приема мыслей. По Грину выходило, что

кот должен сидеть, а не лежать.

Передние ноги кота должны быть вытянуты, а подушечки лапок - прижаты к полу. В этой позиции он наиболее расслаблен, но пока еще достаточно насторожен, чтобы поддаться телепатическому внушению. Он должен смотреть в сторону, повернув голову на 90 или 120 градусов, в этом положении он не сможет видеть выражение вашего лица и вашу позу, которые стали бы для него подсказкой.

Я сделал все, что мог. Оказалось, что безумно трудно заставить его смотреть, отвернувшись от меня на 90 или 120 градусов. Я вообще-то не математик, но меня снова выручила моя изобретательность, которая уже помогла определить, левша он или правша. Я поместил кота возле окна, где он мог бы увидеть голубей. Он был великолепен - он ни разу не посмотрел на меня.

Следующая рекомендация касалась меня самого.

Сядьте поудобней, расслабьтесь и очистите свои мысли. Позвольте им задержаться на каком-нибудь приятном, спокойном образе, возможно, на картине тихой сельской жизни или на спокойном цвете. Сначала вам будет трудно прогнать отвлеченные мысли, но после небольшой практики у вас все получится.

Наступит момент, когда вы почувствуете себя спокойным физически и психически. Тогда взгляните на часы и отметьте время начала тех десяти секунд, в течение которых вы должны смотреть на вашего кота. В это время нельзя двигаться или издавать какие-либо звуки, чтобы не мешать телепатической передаче.

Сфокусируйте свои мысли так энергично, как только можете, на чем-то приятном, таком, как игра или нежное поглаживание, которое доставляет удовольствие вам обоим.

Естественно, то, на чем я сфокусировался, было противоположно грозе: в ясный солнечный день мы играли с мячом на балконе. Но одного дня, очевидно, было недостаточно.

В течение нескольких следующих дней или недель повторите внушение в девятнадцати разных вариациях, меняя также время сеанса. Это важно, так как исследования показали: некоторые люди активнее вечером, а другие - утром. Эта разница связана с физиологией человека, с его

сердечными ритмами и биохимическими процессами, от которых зависит функционирование всего организма.

Если честно, я не очень-то был осведомлен о моих сердечных ритмах, какими бы они ни были, но я решил сократить количество вариаций с девятнадцати до двух, я чувствовал: этого будет достаточно.

Так или иначе, но я наконец был готов передать коту сообщение, я излучал его изо всех сил. Я передавал ему, что он больше не будет бояться гроз.

Для получения результата эксперимента нужно было дождаться следующей грозы, но, к сожалению, небо было безоблачным. Когда же наконец разразилась гроза, я получил четкий и ясный ответ. Коту было не лучше, а гораздо хуже. Я позвонил приятельнице и рассказал ей о своих усилиях и об отрицательных результатах, я сказал ей, что Белый Медведь не может больше ждать прекращения гроз над Нью-Йорком. Теперь он забивается в кухонный шкаф даже тогда, когда обещают грозу в Балтиморе.

Я дозрел до кошачьего психиатра.

- Хорошо, - сказала моя приятельница, - я попрошу доктора прийти к вам утром в следующее воскресенье. - И после паузы добавила: - И кстати, будь повнимательнее с ней. Она не очень ладит с людьми, но она изумительна с котами.

Женщина, которая пришла в воскресное утро, была огромной и невероятно деловитой. Приглашенная в гостиную, она остановила меня суровым взглядом.

- Где мы? - спросила она.

- Мы в гостиной, - ответил я.

- Нет, нет, - нетерпеливо сказала она. - Мы, мы. Где кот?

Белый Медведь немедленно отреагировал на появление гостьи и занял свой пост под диваном.

Я сказал доктору, что кот как раз у нее под ногами.

- Ага, - сказала она, - ну, прямо сейчас я не нуждаюсь в нас. Сначала я бы хотела поговорить с вами. Потом я поговорю с нами, а затем смогу поговорить с вами обоими вместе.

Она помолчала и посмотрела вниз.

- Нас нет, - добавила она.

Я сказал ей, что все это очень напоминает развод, но я не хочу разводиться с Белым Медведем, я хочу лишь справиться с его страхом перед грозой.

- Как вы, возможно, знаете, я - структурный психиатр. Вы знакомы с

работами доктора Ватсона?

Я сказал ей о моем знакомстве только с Шерлоком Холмсом. Она проигнорировала мои слова.

- Ну, это неважно, - продолжала она. - Ватсон утверждает, что, представляя метод верbalного сообщения, он мог бы рассмотреть такой общий интеллектуальный феномен, как мышление и чувствование, который, конечно, по его мнению, всегда является исследовательской базой наших структурных психиатров.

Я кивнул.

- Вот что я собираюсь предпринять, - продолжала она, - соединить состояние кота с моим состоянием. Главное, что мы должны сделать, - это выбрать между регулируемым регулированием и нерегулируемым регулированием, так как мы явно имеем в вашем случае ситуацию невроза, который, несомненно, вызван травматическим ответом на индивидуальную тревогу в детстве или, правильнее сказать, в котеночестве. Я понимаю, мы были бродячим котом, поэтому вы, возможно, не много знаете о нашем котеночестве.

Я подтвердил это.

- Наследственные неврозы могут, - продолжала она, как если бы обращалась к группе особенно бестолковых студентов, - подобно травматической ситуации индуцировать ситуационные неврозы.

Я старался сдержаться. Я сказал ей, что у Белого Медведя прекрасный характер.

- Ага, - снова сказала дама.

Было ясно, что «ага» и «мы» - ее самые любимые слова. Вдруг она двинулась к своей сумке и вытащила оттуда кассету.

- Это гроза, - сказала она. - У вас есть магнитофон?

Я сказал, что есть. Она протянула мне кассету и затем опустилась на четвереньки.

- Я хочу получить нашу реакцию на грозу. У вас есть фонарик?

Я снабдил ее фонариком и, прежде чем заняться кассетой, испытал дежавю. Все это очень напоминало рождественское утро с миссис Уиллс.

Кассета была подобием тех усыпляющих пластинок, которые люди ставят, чтобы услышать нежные шумы океана или спокойную музыку. Только в нашем случае все было наоборот. Почти сразу же комната наполнилась гудящим и рычащим грохотом в соединении с ударами и раскатами грома. Белый Медведь вскочил при самом первом ударе, даже до первого раската. Кот выбил фонарик из рук дамы, ударил ее по колену и на полной скорости бросился к шкафу в кухне.

- О, дорогой, - сказал она, быстро поднявшись и наблюдая за ним. - Нам это не нравится, правда?

- Нет, - сказал я, гримасничая, - нам не нравится.

Я пытался остановить ее, но она пошла за котом в кухню. Однако ей не удалось его поймать, и я увидел мчавшегося в спальню Белого Медведя и даму, гнавшуюся за ним.

К счастью, гроза быстро закончилась, и я не собирался ждать ее повторения.

- Мы вышли за окно, - сказала дама, - я видела, куда мы ушли, но решила не спускаться туда за нами.

Я сказал ей, что она приняла мудрое решение. Белый Медведь отправился на балкон, потому что считает его своим убежищем, но, возможно, после того как он там успокоится, она сможет там, на балконе, мило побеседовать с котом. Дама согласилась и довольно скоро вернулась к нашему разговору.

- Итак, - сказала она, усаживаясь, - мы не очень общительны, верно?

И снова я сдержался. Я сказал ей, что Белый Медведь по-своему, во всяком случае со мной, чрезвычайно общителен.

- Ага, - сказала она, - могу я спросить, как же он общается с вами?

Я отметил раздражение в ее голосе, но был непоколебим.

- Мы разговариваем, - сказал я.

- Мы разговариваем? - переспросила она. - Вы имеете в виду, вы разговариваете?

- Нет, - твердо сказал я, - мы оба разговариваем. Я говорю ему, а он мне.

- Вы имеете в виду, что мы говорят вам? Тут и я почувствовал острое раздражение.

Я еще раз повторил ей, что мы действительно это делаем, особенно когда я рассказываю нам о том, что мне хотелось бы, чтобы мы сделали, и мы говорят мне, что не хочет этого делать.

- Мистер Эмори, - заявила она спокойно, - коты не разговаривают.

Я хотел было сказать, что, конечно, она потратила страшно много времени на чтение книг, чтобы сообщить мне такую новость, но воздержался. Вместо этого я спросил: почему же тогда она собирается выйти на балкон поговорить с Белым Медведем?

- Я разговариваю, - сказала она жестко, - а мы не разговариваем. То, что мы дает мне, - это картины, образы, если хотите.

- Тогда это что-то вроде телевидения? - спросил я.

Она кивнула.

- Я как раз хотела спросить у вас. Мы смотрим телевизор?

Я покачал головой, в первый раз улыбнулся ей и сказал:

- Я думаю, что телевизор может быть слишком вреден для кота - в программах столько разных собак, но никогда не бывает котов, их нет даже в семейных передачах. Коты появляются только в рекламе кошачьей еды.

- Много ли времени мы проводим у зеркала, - спросила она, - глядя на нас?

Я ответил, что кот никогда не делает ничего подобного. Он не тщеславен, и в любом случае в зеркале он видит всего лишь другого кота, а ему это не может нравиться, так как он хочет быть одним-единственным котом.

Дама ухватилась за эту идею:

- Вы имеете в виду, что он нетерпим к другим котам?

- Пожалуй, что так, - согласился я.

- Ага, - сказала она, - и вы, как я поняла, живете один?

Я кивнул.

- Я думаю, - сказала она, - что начинаю докапываться до причин. Знаете, зрительный образ, который я получила от нас, был ярко-красного цвета.

- Красный? - удивился я. - Я думал, что коты не различают цветов. Она покачала головой:

- Нет, последние исследования доказали, что это не так. Коты отличают некоторые цвета, и красный цвет обозначает нечто особенное.

Я хотел сказать, что, если Белый Медведь видел красное, значит, помоему, он был зол. И как же ему было не разозлиться? В конце концов, она устроила грозу, потом прогнала его на балкон, куда он никогда не выйдет во время настоящей грозы, и, когда он убедился, что никакой грозы нет, он понял, что все это подстроила она.

Размышляя, я упустил что-то из объяснений психиатра, но зато уловил самый конец.

- Красный цвет, - говорила она, - обычно обозначает, что беспокойство связано с нашим хозяином. Я хочу кое-что спросить у вас. Вы боитесь грозы?

Я сказал, что, конечно, нет, и если она думает, что я передаю Белому Медведю страх перед грозой, то она идет не по тому следу.

- Вы можете и не передавать это нам, - сказала она спокойно. - Мы могли получить это, будучи котенком. Но вы выявляете и усиливаете этот страх.

Хотелось бы мне знать, как я это делаю.

- Вы, возможно, и не осознаете, что боитесь грозы, - сказала она.

Я промолчал.

- Ну, - сказала кошачий психиатр, - я думаю, для первой встречи вполне достаточно. Мы не собираемся сделать регулируемое регулирование. Мы собираемся сделать нерегулируемое регулирование. В следующий раз, когда будет гроза, я хочу, чтобы вы не обращали на нее внимания, более того - чтобы вы не обращали внимания на нашу реакцию на эту грозу.

Мой приятель снабдил меня словарем психиатрических терминов, и, когда дама удалилась, я стал искать «регулируемое и нерегулируемое регулирование». Неожиданно я наткнулся на определение слова «ага» или «аг-га». В словаре объяснялось, что это «реакция в момент понимания проблемы разрешаемой ситуации».

Тут настал мой черед сказать «ага». И моя разрешаемая проблема привела меня к следующему компромиссу с Белым Медведем. Если он пообещает вести себя хотя бы немного спокойнее во время грозы, я, со своей стороны, обещаю, что кошачий психиатр никогда больше не появится в нашем доме.

Я сдержал это обещание.

Однако не собирался отказываться от одного мероприятия, по поводу которого мы с котом постоянно воевали. Это были вечеринки, которые приводили Белого Медведя в ужас. Кот предчувствовал их задолго до того, как в доме появлялась симпатичная молодая пара, которая обслуживала моих гостей. Я был не в состоянии понять, как он об этом догадывался, - то ли из-за того, что телефонных звонков становилось гораздо больше, или оттого, что Мариан переставляла мебель и приносила цветы, то ли из-за затяжных военных действий против Розы и пылесоса. Что бы ни было причиной, начиная с утра того дня, а особенно с приходом официантов, Белый Медведь был уже в полной боевой готовности.

Конечно, я хорошо знал, что именно кот замышляет своим маленьким умишком отшельника, но мои догадки в расчет никто не брал. Он хотел показать мне, что у него вконец истрапаны нервы и что я несу персональную ответственность за его состояние. Прежде всего он демонстрировал официантам, что точно знает, зачем они здесь, и что у него нет ни малейшего желания во всем этом участвовать. Уже это меня злило, потому что они очень его любили и делали все возможное, чтобы заслужить его расположение. Но он не реагировал, нанося им сильнейшее оскорбление, и не обращал внимания на их уговоры, когда они звали его зайти в кухню перекусить. Далее шла моя очередь. Пока официанты

занимались своими делами на кухне, а я из гостиной подавал им полезные советы, Белый Медведь подходил ко мне и останавливался, чтобы одарить меня уничтожающим взглядом.

- Ты ведь помнишь, - говорил он, начиная разговор, - что произошло со мной во время прошлой вечеринки.

Я неоднократно слышал эти речи и был не в настроении выслушивать их снова. Нужно было его прервать, так как продолжение было известно. Я действительно помнил, что случилось в прошлый раз. Он исчез под кроватью в тот момент, когда появился первый гость и не вылезал оттуда, пока не ушел последний.

Но кот продолжал:

- Я не говорю о том, что я отыскал надежное убежище. Я хочу сказать о том, что случилось после. Возможно, ты забыл, но по крайней мере три дня я был на грани гибели.

Я сказал ему, что он несет сущий вздор. Он был совершенно здоров и просто притворялся больным, потому что своим извращенным умишком думал, будто я устраиваю вечеринку специально для того, чтобы его доконать.

- И та вечеринка, известно тебе об этом или нет, - перебил он меня, чтобы показать, что не слышал ни единого моего слова, - укоротила мою маленькую жизнь.

Всякий раз, когда он на это ссыпался, я чувствовал, что он бьет ниже пояса. Я сказал ему, что мы не обсуждаем эту проблему. Мы обсуждаем или по крайней мере должны были бы обсудить то, что время от времени я зову гостей, потому что должен поблагодарить людей, которые были так добры, что приглашали меня к себе.

Конечно, он даже не пытался это понять. По его мнению, вовсе не нужно устраивать вечеринки, чтобы выразить свою признательность, да и к ним в гости нечего ходить. Вместо этого я должен проявить элементарную вежливость, если не способен на более глубокие чувства. Я должен провести последние несколько вечеров, которые ему осталось жить на свете, - а это вполне возможно, - дома, вместе с ним.

Я заявил ему, что просто не могу удержаться от смеха, слушая эту глупую болтовню. К тому же не стоит забывать, что ему всего лишь два года, и он проживет по крайней мере раз в десять больше, если из-за своего глупого упрямства не будет симулировать всевозможные нервные расстройства, которые и в самом деле могут привести его к безвременной кончине. Но должен его предупредить: если это случится, то виноват в этом будет только он сам, а вовсе не я.

В конце беседы я довел до сведения кота, что именно сегодня он должен вести себя совершенно по-другому - не так отвратительно, как в прошлый раз. Дело в том, что нынче первая годовщина той ночи, когда я его нашел, и в этом случае мне хотелось бы ожидать чего-то более приятного, чем его обычные исчезновения. Возможно, сегодня будет несколько незнакомых ему людей, но много будет и тех, кого он знает достаточно хорошо. Например, Сержант Дворк, мой брат и его жена, и даже миссис Уиллс, которая тоже некоторым образом его спасла. Кроме того, будут люди, которых он знает еще лучше, потому что они часто остаются с ним, когда меня нет. Это моя дочь Гея, моя внучка Зоя, Джин Адлон и Кэролайн Томпсон. Будет пара его друзей из Калифорнии, и среди них Пола Дитс, которым придется проделать путь до Нью-Йорка, чтобы отпраздновать здесь Рождество.

Я как следует все растолковал, и, когда позвонил первый гость, у меня еще оставались надежды, но с появлением второй пары эти надежды рухнули - Белый Медведь исчез.

Мы с Мариан изобрели систему, посредством которой следили за дверью, когда она открывалась, чтобы застраховаться от какой-нибудь его выходки. К тому же время от времени незаметно мы заглядывали под кровать, чтобы удостовериться, что он все еще там. К сожалению, несмотря на осторожность, мне не удалось избежать острого глаза доблестного газетчика Уолтера Кронкайта. Он увидел меня лежащим около кровати и, обладая безошибочным чутьем на сенсации, потребовал объяснить, что я делаю.

Глянув наверх, я признался, что ищу кота. Уолтер любит котов, в это время у него жил кот по имени Танцор. Как-то раз его дочь оставила Танцора на время отцу, а Уолтер так привязался к коту, что иногда похищает его у дочери.

- Кот? - обрадовался он. - У вас есть кот? Как его зовут?

И, заняв то же положение, что и я, Уолтер заглянул под кровать.

- Эй, Белый Медведь, - льстиво позвал он. - Иди-ка сюда, Белый Медведь!

Мне хотелось бы сказать, что Белый Медведь откликнулся на призыв, но этого не случилось. В том году Уолтеру Кронкайту должно было быть присвоено по итогам голосования среди телезрителей звание Самого Надежного Человека Америки, но Белый Медведь, в своем стиле, не проголосовал за него. Уолтер был просто новым гостем, и кот отступил еще дальше, к самой стене.

Мы с Уолтером, потерпев поражение, поднялись на ноги и решили

сесть за шахматную доску, которую я поставил в спальне. Сейчас за ней сражались Джордж К. Скотт и молодая дама, которую я специально выбрал ему в соперники, так как она занимала высокое место в турнирной таблице. Джордж, который был знаком с Белым Медведем, вдруг заинтересовался и пожелал узнать, где кот. Я безнадежным жестом указал под кровать.

- Что? Он под кроватью? - воскликнул Джордж. - Не может же он провести всю вечеринку под кроватью!

И без лишних церемоний, своим знаменитым зычным голосом и в тоне приказа он рявкнул:

- Белый Медведь! Ко мне!

Мне было жаль Джорджа, но я все-таки рассмеялся. Коты, объяснил я ему, этого не делают. Собаки - делают. Собака Джорджа, мастиф Макс, возможно, это делает. Но коты - никогда. И конечно, Белый Медведь просто не...

- Он «не» что? - ласково спросил Джордж...

Потому что именно в этот момент, с чрезвычайно независимым видом, Белый Медведь материализовался из-под кровати. Он вальяжной походкой подошел к Джорджу, вытянулся и отдал честь.

И это еще одна иллюстрация того, что в его внутренней политике, как и во внешней, бывали исключения.

Когда я проснулся следующим утром, Белый Медведь стоял на ковре около моей кровати и внимательно разглядывал меня. Я сразу увидел, что это не то выражение, которое обычно бывает после вечеринок: «Я - на пороге смерти». Или он забыл об этом взгляде, или он - чудо из чудес! - стал к ним привыкать.

Кот стоял точно в таком же положении, как и в рождественское утро год назад. Но теперь это был совсем другой кот. Вместо худого, израненного, испуганного бродяги, который решил попытать со мной удачи, сейчас тут стоял ошеломительно прекрасный, лоснящийся, толстый - извините, упитанный, - кот, чьи лучистые зеленые глаза удовлетворенно всматривались в меня. Если слух не обманывал меня - он мурлыкал.

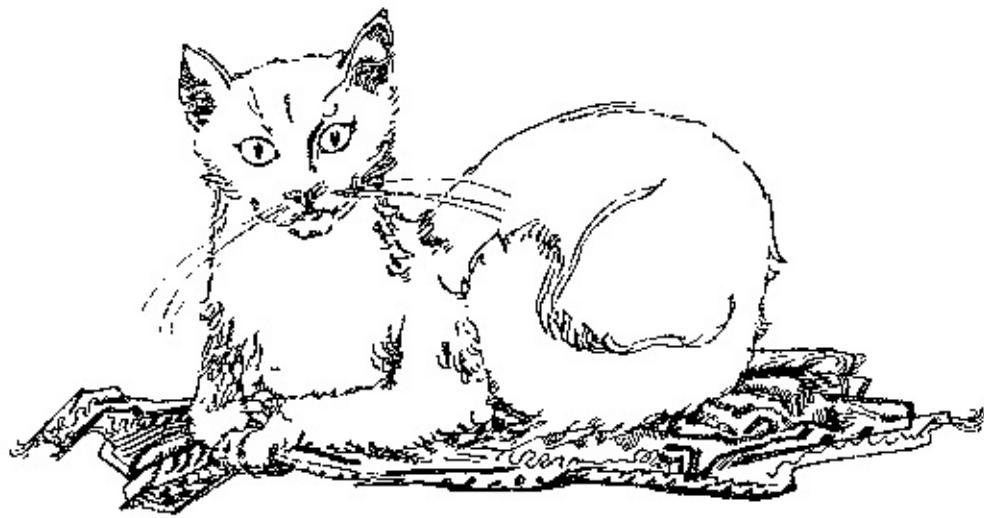
Я лежал и довольно долго смотрел на него. Я думал о невероятных изменениях, которые произошли в моей жизни благодаря ему. И вдруг он перестал мурлыкать. Его глаза медленно сузились, а хвост начал слегка подергиваться. Сантименты, конечно, хороши, но не для взрослых.

Жизнь продолжается, вечеринка не вечеринка, праздник не праздник, а вот встану я или нет, чтобы приготовить ему завтрак? На случай, если до меня еще не дошли его мысли, он сказал:

- Айяу!

- Сам ты «айяу»! - ответил я, прихватив его с собой на кухню. - Счастливого Рождества!

Заключение

Все события этой книжки происходили на самом деле, в течение первого года жизни Белого Медведя у меня дома.

Я хорошо знаю, что в большинстве книг о домашних животных герой в конце умирает. Я счастлив сообщить, что Белый Медведь не умер. Он вполне живой. Спасибо. В сущности, ни он, ни даже я не считаем его старым котом. Когда какое-нибудь юное ничтожество проходит мимо и необходимо расставить приоритеты, мы можем употребить слово «солидный», но никак не «старый».

Сегодня Белый Медведь - Главный Кот, со всеми сопутствующими этому титулу правами и привилегиями. Он не ездит в автобусе без билета и не ходит по льготному билету в кино, но это только потому, что вообще не любит путешествовать и не в восторге от большинства современных фильмов.

Спустя годы он стал в иных случаях значительно более циничным, как, впрочем, и его биограф. Он в курсе того, что в нашей жизни произошло много изменений и что не все они к лучшему. Он видел слишком много примеров плохого обслуживания, ненужных запретов, недостаточного уважения к старшим и чрезмерного использования в рекламных целях котят и молодых котов, которые не выучили свои роли, но в то же время в других ситуациях, обсуждавшихся в этой книге, он стал менее критичен.

Один из таких примеров - временное присутствие в доме бродячих животных. Не скажу, что он стал радушнее, но по крайней мере у него выработался философский взгляд на проблему. Например, на утро следующего дня, после ночи, проведенной у нас бродячей собакой, кот уже виляет перед ней хвостом. Надо признать, что начинаю это виляние я, а уж он только поддерживает.

Я обратил внимание и на некоторые перемены в его отношении к незнакомцам. Такой вот пример. Если он удобно устроился на диване и появился новый гость, теперь случается, что он даже и не подумает спрыгнуть и спрятаться под диваном. Я рад был бы добавить к этому, что изменилось к лучшему и его отношение к путешествиям, диетам, оздоровительным программам, шумным многолюдным вечеринкам, к грозе и пылесосу. Увы, я бы покривил душой против правды. По поводу всего вышеперечисленного он остался таким же, каким и был.

Читая эту книжку, можно сделать вывод, что он мне доставляет много радости, но тогда и я ему тоже доставляю такую же радость. Дело в том, что, забавляя друг друга, мы оба так веселимся, что, я надеюсь, те из вас, кто, несомненно, так же возится со своими любимыми животными, разделит с нами это веселье.

Но я надеюсь даже на большее. Я хотел бы, чтобы те читатели, у которых никогда еще не было домашних животных, поспешат в ближайший приют и возьмут себе кого-нибудь.

Если вы это сделаете, то, несомненно, поймете, что это существо дарит вам не просто радость и дружбу, но особую любовь - оценить ее могут только те счастливцы, которые будут этому животному принадлежать.